СТИВЕН

КИНГ

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА ТОМА ГОРДОНА

Девочка, которая любила Тома Гордона

Стивен Кинг

Аннотация
Стивен Кинг. Девочка, которая любила Тома Гордона
Июнь 1998. Разминка
Первый иннинг
Второй иннинг
Третий иннинг
Первая половина четвертого иннинга
Вторая половина четвертого иннинга
Пятый иннинг
Шестой иннинг
Первая половина седьмого иннинга
Завершение седьмого иннинга
Восьмой иннинг
Первая половина девятого иннинга
Вторая половина девятого иннинга
Вторая половина девятого иннинга. Удержание победного счета
После игры
Авторское послесловие

Аннотация

Когда над лесом сгущается мрак, с ним вместе приходит страх. Страх, который парализует волю и сводит горло.

Во тьме оживает все самое ужасное, о чем боишься даже подумать. Из тьмы выходят ночные кошмары — и внезапно становятся явью. Сквозь тьму, сквозь ад ночного леса бредет заблудившаяся девочка — и в спину ей дышит кромешный ужас. Неоткуда ждать помощи…

Стивен Кинг
Девочка, которая любила Тома Гордона

Моему сыну Оуэну, который в итоге смог рассказать мне о бейсболе гораздо больше, чем в свое время я — ему.

Июнь 1998
Разминка

Жизнь старается не показывать свой звериный оскал, с тем чтобы ухватить человека в подходящий момент. Триша Макфарленд убедилась в этом в девятилетнем возрасте. В начале июня, в десять утра она сидела на заднем сиденье материнского «додж караван», одетая в синий свитер, точную копию тех, в каких тренировались «Ред сокс»[1] (с надписью 36 ГОРДОН на спине), и играла с Моной, своей куклой. А в половине одиннадцатого она уже заблудилась в лесу. К одиннадцати она пыталась не поддаться панике, гнала от себя мысль: это серьезно, очень серьезно. Старалась не думать о том, что иногда люди, заблудившиеся в лесу, получали серьезные травмы. А случалось, что и погибали. И все потому, что мне захотелось попи́сать, подумала Триша… да только не так уж ей и приспичило, да и в любом случае она могла попросить маму и Пита подождать, пока она на минутку забежит за дерево. Они опять ссо-

[1] Примечания: [1]

«Бостон Ред Сокс» — бейсбольная команда из Бостона, штат Массачусетс, входящая в Восточное отделение Американской бейсбольной лиги.

рились, впрочем, ее это давно уже не удивляло, вот почему она и отстала, не сказав им ни слова. Вот почему сошла с тропы за высокий куст. Ей хотелось тишины, ничего больше. Устала она слушать их перепалку, устала источать радость и веселье, которых не чувствовала, ее так и подмывало крикнуть матери: «Да отпусти ты его! Если он так хочет вернуться в Молден и жить с отцом, почему бы тебе его не отпустить? Я бы сама отвезла его туда, будь у меня водительское удостоверение, только для того, чтобы в нашем доме все стало мирно и спокойно!» И что потом? Что бы ответила на это ее мать? Какое выражение появилось бы на ее лице? И Пит. Старший брат, ему почти четырнадцать, далеко не глупый парень, почему он так себя ведет? Почему он не может помолчать? Заткнись — вот что она хотела ему сказать (вернее, сказать им обоим). Да заткнись же ты!

Родители их развелись год назад, и по решению суда дети остались жить с матерью. Переезд из пригорода Бостона в южную часть штата Мэн Пит принял в штыки. Отчасти потому, что действительно хотел жить с отцом, о чем не упускал случая напомнить матери (интуитивно он понимал, что лучшего способа причинить ей боль и

быть не может), но Триша знала, что это не единственная причина и уж наверняка не главная. Основная причина, почему Пит так хотел вернуться в Бостон, состояла в том, что он ненавидел школу Сэнфорда.

В Молдене у него все было схвачено. В компьютерном клубе он правил как абсолютный монарх. У него были друзья, пусть не спортсмены, а такие же, как он, любители компьютерных игр, но они обычно держались друг друга и плохиши к ним не приставали. В школе Сэнфорда компьютерного клуба не было, и подружился он только с одним мальчиком, Эдди Рейбурном. Но в январе Эдди уехал, еще одна жертва развода. И Пит остался один. И кроме того, в школе многие над ним смеялись. И дали прозвище, которое он ненавидел: Пит-Компи.

В те уик-энды, которые они не проводили с отцом в Молдене, мать вывозила их на экскурсии. Она неукоснительно следовала заведенному порядку, и Триша, хотя и мечтала о том, чтобы мать пошла на попятную (именно на этих экскурсиях начинались самые безобразные ссоры), знала, что этому не бывать. Если Куилла Андерсен (после развода она вернула себе девичью фамилию, и Триша могла поспорить, что Пит ненавидел мать

и за это) что-то решала, то непременно так и делала. Однажды, приехав к отцу в Молден, Триша услышала его разговор с отцом по телефону. Одна фраза накрепко врезалась ей в память: «Если бы Куилла была в Литтл-Бигхорне[2], индейцы потерпели бы поражение». Трише не понравилось, что отец так говорит о матери, но она не могла отрицать, что он нисколько не погрешил против истины.

За последние шесть месяцев, в течение которых отношения матери и Питера все ухудшались и ухудшались, Куилла свозила их в автомобильный музей в Уискассете, в Шекер-Виллидж[3] в Грее, на завод по производству тория в Норт-Уиндхэме, в «Город шести орудий» в Рэндольфе, штат Нью-Хэмпшир. Они спустились на каноэ по реке Сако

---

[2] Примечания: [2]

25 июня 1876 г. на реке Литтл-Бигхорн в штате Монтана произошла битва между индейцами племен тетонов и 7-м кавалерийским полком во главе с генералом Джорджем Кастером. Опасаясь голода, индейцы покинули резервацию, чтобы начать охоту на бизонов, но им приказали вернуться под угрозой применения силы. На отказ повиноваться военные ответили атакой на индейский лагерь. Но кавалеристам пришлось отступить, потеряв убитыми 265 человек, включая и генерала Кастера. Это был последний случай, когда индейцам удалось одержать победу над армейским подразделением.

[3] Примечания: [3]

Поселение шекеров, религиозной секты, называющей себя «Церковь Царствия Божьего на Земле», пользовавшейся значительным влиянием до Гражданской войны. Секта выступала за общинную собственность, проповедовала опрощение и строгий образ жизни.

Члены ее давали обет безбрачия, так как ожидали наступления Царства Божьего на Земле в самое ближайшее время и не считали нужным заботиться о продолжении рода. Однако к 1880 г. секта лишилась практически всех сторонников.

и покатались на лыжах в Шугарлоуфе (для Триши эта прогулка завершилась вывихом лодыжки, из-за чего ее отец и мать крепко поцапались. Хорошо еще, что обошлось без рукоприкладства).

Иногда, если место, куда привозила их мать, Питу нравилось, он давал своему языку отдых. К примеру, он заявил, что «Город шести орудий» для «грудничков», но мать разрешила ему провести практически весь день в комнате компьютерных игр, и в итоге они возвращались домой в блаженной тишине. С другой стороны, если Пит не одобрял выбора матери (а особую неприязнь вызвал у него завод по производству тория), обратная дорога превращалась в пытку. Пит был не из тех, кто держит свои мысли при себе. В пословице «слово не воробей, выскочит — не поймаешь» здравого смысла он не находил. Кстати, по мнению Триши, той же точки зрения придерживалась и мать. Сама же Триша считала, что молчание — золото, но, разумеется, любому человеку хватало одного взгляда, чтобы сказать, что девочка — вылитый отец. Иногда мысль эта вызывала у нее смутную тревогу, но в основном такое сравнение ей льстило.

Место, где они проведут субботу, не имело для Триши никакого значения, ее вполне устроили

бы парки аттракционов и поля для мини-гольфа, потому что посещение как первых, так и вторых не приводило к очередной ссоре. Но мамик хотела, чтобы дети не только осматривали достопримечательности, но и узнавали новое, расширяли свой кругозор. Отсюда в списке экскурсий и появились завод по производству тория и Шекер-Виллидж. Вот это, пожалуй, больше всего и бесило Пита. Не желал он учиться еще и по субботам. Это время он бы с куда большим удовольствием провел в своей комнате за какой-нибудь компьютерной игрой. Раз или два он столь исчерпывающе высказывал свое мнение о происходящем (все его тирады укладывались в одно слово: «Тошниловка»!), что мамик отсылала его к машине, чтобы он посидел в кабине и «пришел в себя», пока она и Триша не вернутся с экскурсии.

Триша хотела сказать матери, что Пит уже вышел из детсадовского возраста и негоже ставить его в угол: когда-нибудь дело закончится тем, что они вернутся и не найдут его, а потом выяснится, что он уехал домой на попутке. Но, разумеется, ничего не сказала. Плохой была сама идея субботних экскурсий, но мамик никогда бы этого не признала. По завершении некоторых подобных

мероприятий Куилла Андерсен выглядела лет на пять старше. В углах рта появлялись глубокие морщины, и она непрерывно терла висок, словно у нее болела голова… но отказываться от субботних выездов Куилла не собиралась. Триша это знала. Может, если бы их мать участвовала в битве на реке Литтл-Бигхорн, индейцы, возможно, все равно одержали бы победу, но досталась бы она им более дорогой ценой.

В ту субботу они собрались посетить малонаселенный район в западной части Мэна. Именно там Аппалачская тропа[4] покидала этот штат, переходя в Нью-Хэмпшир. В пятницу вечером, сидя на кухне, мамик показывала им буклет с красочными фотоснимками. На них улыбающиеся до ушей туристы или радостно топали по лесной тропе, или любовались красотами пейзажа, стоя на обзорных площадках. Прикрывая ладонью глаза от солнца, поверх заросших лесом долин они смотрели на каменистые, изъеденные временем, но все еще внушающие благоговейный ужас

---

[4] Примечания: [4]

Самая длинная в мире размеченная пешеходная тропа (длиной 3218 км) через Аппалачи. Проходит от горы Катадин на севере штата Мэн через штаты Нью-Хэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Мэриленд, Западная Вирджиния, Вирджиния, Теннесси, Северная Каролина до горы Спринглер в северной Джорджии. Тропа имеет статус «заповедной туристской тропы» в системе национальных парков.

вершины центральной части Уайт-Маунтинс[5].

Пит, изнывая от скуки, лишь изредка брезгливо поглядывал на буклет. Мамик, впрочем, отказывалась замечать, что ее сын выказывает к намеченному походу полнейшее равнодушие. Триша же — у нее это начало входить в привычку, — наоборот, горела энтузиазмом. В такие моменты она напоминала себе участницу телевикторины, которая разве что не писает кипятком от перспективы выиграть набор кухонной посуды. А что она чувствовала на самом деле? Она ощущала себя клеем, который соединял воедино две половинки разбитого целого. Качество клея оставляло желать лучшего.

Куилла закрыла буклет, положила на стол последней страницей кверху. Эту страницу составители буклета отвели под карту. Куилла постучала пальцем по извилистой синей линии:

— Это шоссе 68. Мы оставим машину здесь, на этой автостоянке. — Ее палец указал на маленький синий квадратик. А потом двинулся по извилистой красной линии. — Это отрезок Аппалачской тропы между шоссе 68 и шоссе 302

---

[5] Примечания: [5]

Горы на западе штата Мэн и на севере штата Нью-Хэмпшир, северная часть Аппалачей. Регион славится живописным ландшафтом. Горы изрезаны глубокими ущельями. Национальный лесной заказник.

в Норт-Конуэй, штат Нью-Хэмпшир. Его длина всего шесть миль, и он отнесен к категории средней сложности. Хотя… есть маленький участок, который считается сложным, но нам все равно не понадобится альпинистское снаряжение.

Куилла постучала пальцем по другому синему квадратику. Пит подпер голову рукой, демонстративно глядя в другую сторону. Ладонь оттянула левый уголок рта, казалось, он ухмыляется. В этом году у Пита появились прыщики, и свеженькая порция блестела на лбу. Триша любила брата, но иногда, как в этот вечер за кухонным столом, когда мамик объясняла завтрашний маршрут, она просто ненавидела его. Ее так и подмывало сказать Питу: все потому, что ты — «мокрая курица». В этом, собственно, и состояла проблема, как сказал бы их отец. Пит хотел вернуться в Молден, поджав между ног свой маленький хвостик, потому что он был «мокрой курицей». Он не думал о матери, не думал о Трише, не думал о том, а хорошо ли ему будет у отца. Пита заботило только одно: он твердо знал, что в Молдене ему не придется есть ленч в одиночестве. И никто не будет звать его Компи.

— Вот автомобильная стоянка, к которой мы выйдем, — продолжала мамик, то ли не видя,

что Пит не смотрит на карту, то ли предпочитая этого не замечать. — Автобус приезжает сюда примерно в три часа. На нем мы доедем до нашего «доджа». А через два часа уже будем дома. Если вы не очень устанете, я поведу вас в кино. Что вы на это скажете?

В тот вечер Пит ничего не сказал, зато утром говорил не переставая, начиная с того самого момента, как «додж» тронулся с места. Не хотел он брести по Тропе, глупо это, идти на своих двоих; опять же синоптики обещали дождь; почему они должны проводить всю субботу, шагая по лесу аккурат в то самое время года, когда кишмя кишит мошкара; а если Триша заденет рукой ядовитый плющ… и так далее, и так далее, и так далее. Та-та-та. Ему даже хватило наглости сказать, что это время он мог бы потратить на подготовку к экзаменам. Уж Триша-то знала, что по субботам Пит не занимался никогда. Поначалу мамик не реагировала, но в конце концов Пит ее достал. Он всегда добивался своего, чуть раньше или чуть позже, в зависимости от ситуации. К тому времени, как они свернули на автостоянку у шоссе 68, костяшки пальцев Куиллы, сжимавшие руль, побелели, а говорила она отрывистым тоном, так хорошо знакомым Трише. Мамик медленно, но

верно подходила к точке кипения. А ведь шестимильная прогулка по лесам западного Мэна еще не началась.

Поначалу Триша пыталась их отвлечь, вскрикивая что-нибудь голоском потенциальной обладательницы набора кухонной посуды всякий раз, когда они проезжали мимо амбара, пасущейся лошади или живописного кладбища, но мать и брат полностью ее игнорировали, и какое-то время спустя Триша перестала подавать голос, затихла на заднем сиденье с Моной (отец любил называть ее Монья-Болонья) на коленях и рюкзаком справа под боком. Сидела, слушая перепалку матери и брата и гадая, а не заплакать ли ей, чтобы не сойти с ума. Могут ли постоянные семейные склоки свести с ума? Может, мать терла виски подушечками пальцев не потому, что у нее болела голова? Может, таким образом она пыталась остановить некие разрушительные процессы в мозгу?

Чтобы отвлечься от словесной перепалки, проистекавшей на переднем сиденье, Триша погрузилась в свою любимую грезу. Она сняла бейсболку «Ред сокс» и посмотрела на размашистую роспись на козырьке. Роспись эта помогала Трише настроиться на нужную волну. Роспись

Тома Гордона. Питу нравился Мо Вогн. Мамик больше благоволила к Номару Гарчапарре, а вот у нее и у ее отца любимым игроком «Ред сокс» был Том Гордон. В «Ред сокс» Том Гордон был финишером: выходил на поле в восьмом или девятом иннинге[6], когда матч близился к концу, а «сокс» вели в счете. В такой ситуации тренеры отдавали предпочтение питчеру[7], которому доверяли на все сто процентов.

Отец Триши восхищался Томом Гордоном за то, что тот никогда не терял самообладания. «Флэш — не человек: айсберг», — частенько говорил Ларри Макфарленд. Триша любила повторять эту фразу. И только Монье-Болонье и (однажды) своей подруге Пепси Робишо она сказала кое-что еще. С Пепси поделилась она мыслью о том, что Том Гордон «очень даже симпатичный». А Моне, отбросив осторожность и всякий стыд, призна-

---

[6] Примечания: [6]

Бейсбольный матч состоит из 9 иннингов (периодов).

[7] Примечания: [7]

Питчер — игрок обороняющейся команды, который должен вбрасывать мяч. По правилам, игрок, замененный по ходу матча, больше на поле не выходит. Обычно игроки проводят матч без замен. Исключение составляют питчеры, нагрузка на которых так велика, что они физически не могут провести весь матч на высоком уровне. В профессиональной бейсбольной команде несколько питчеров. Начинает матч самый сильный, а на последние иннинги выходит самый опытный, умный и хитрый.

лась, что второго такого красавца, как Номер 36, на свете нет и, если бы он коснулся ее руки, она бы лишилась чувств. А если бы поцеловал, пусть даже и в щечку, то скорее всего умерла.

Теперь же, когда ее мать и брат цапались на переднем сиденье, по поводу лесной прогулки, по поводу школы Сэнфорда, по всяким и разным поводам, Триша смотрела на бейсболку с росписью, которую отец каким-то образом добыл ей в марте, перед самым началом спортивного сезона, и думала:

Я в парке Сэнфорда, обычный день, я иду через парк к дому Пепси. Какой-то парень стоит у лотка с хот-догами. В синих джинсах и белой футболке, с золотой цепочкой на шее. Он стоит ко мне спиной, и я вижу, как цепочка поблескивает на шее чуть ниже волос. Потом он поворачивается, и я… о, я не могу в это поверить, но это правда, это он, это Том Гордон. Ума не приложу, как он оказался в Сэнфорде, но это он, точно он, я узнаю его взгляд, точно так же он смотрит, готовясь к броску. Он улыбается и говорит, что заблудился, и не могу ли я сказать ему, где находится город Норт-Беруик и как до него добраться. Господи, Господи, я вся дрожу, не могу сказать ни слова, открываю рот, но с губ вместо слов срывается едва слышный

писк, папа это называет «мышиный пук», но я беру себя в руки, возвращаю потерянный дар речи и говорю почти что нормальным голосом…

Я говорю, он говорит, потом я говорю, и потом он говорит: приятно думать о том, что они скажут друг другу, пока продолжается перепалка на переднем сиденье «каравана» (иной раз, решила Триша, тишина — высшее наслаждение). Она все смотрела на роспись на козырьке бейсболки, когда Куилла свернула на автостоянку, не подозревая о том (Триша ушла в собственный мир, как сказал бы ее отец), что жизнь вот-вот покажет ей свои страшные зубы. Она была в Сэнфорде, не в ТР-90. В городском парке, а не на Аппалачской тропе. Она была с Томом Гордоном, Номером 36, и он обещал угостить ее хот-догом, если она скажет ему, как добраться до Норт-Беруика.

О, какое блаженство.

Первый иннинг

Мамик и Пит объявили перемирие, пока доставали из багажного отсека рюкзаки. Пит даже помог Трише надеть рюкзак, чуть подтянул одну лямку, и у нее появилась надежда, что уж теперь-то все наладится.

— Детки, пончо при вас? — спросила Куилла, глянув на небо. Над головой оно оставалось синим, но на западе уже собирались облака. Триша подумала, что дождя точно не избежать, но начнется он не так скоро, как хотелось бы Питу. И едва ли ему представится возможность пожаловаться на то, что он промок до нитки.

— Мое при мне, мамик! — чирикнула Триша голосом телеконкурсантки.

Пит что-то буркнул, возможно, сие означало «да».

— Ленч?

Подтверждение от Триши, бурчание от Пита.

— Отлично, потому что на мой можете не рассчитывать. — Куилла заперла «караван» и повела их через автостоянку к указателю с надписью «ТРОПА. ЗАПАД» и стрелкой. На стоянке Триша

насчитала с дюжину автомобилей, все с номерными знаками других штатов.

— Спрей от насекомых? — спросила Куилла перед тем, как они ступили на дорожку, ведущую к Тропе.

— Я взяла! — без запинки чирикнула Триша. Уверенности, что спрей в рюкзаке, не было, но не хотелось останавливаться, поворачиваться спиной к матери и ждать, пока та проведет инспекцию содержимого рюкзака. Задержка наверняка выведет Пита из себя, и он возьмется за старое. А вот если они будут идти, он может увидеть что-то интересное для себя и отвлечься. Енота, к примеру. Или лося. Очень кстати пришелся бы динозавр. Триша хихикнула.

— Что ты нашла забавного? — спросила Куилла.

— Подумалась всякая ерунда, — ответила Триша, и Куилла нахмурилась: «подумалось» — одно из любимых словечек Ларри Макфарленда. Пусть хмурится, подумала Триша. Пусть хмурится, если ей этого хочется. Я живу с ней и не жалуюсь, как этот маленький ворчун, что идет рядом, но Ларри — по-прежнему мой отец, и я по-прежнему его люблю.

И словно в доказательство своих слов Триша

коснулась рукой бейсболки.

— Тогда в путь! — скомандовала Куилла. — И смотрите под ноги.

— Как же я это ненавижу, — простонал Пит. То были первые членораздельные звуки, произнесенные им после того, как они вылезли из «доджа».

Пожалуйста, Господи, пошли нам кого-нибудь, взмолилась Триша. Лося, или динозавра, или НЛО. Потому что, если ты не поможешь, они опять начнут цапаться.

Господь Бог послал нескольких комаров-разведчиков, которые, безусловно, тут же доложили основным силам, что на подходе свежее мясо. И к тому времени, когда они поравнялись со щитом с надписью «НОРТ-КОНУЭЙ 5,5 МИЛЬ», перепалка возобновилась с новой силой. Мать и сын не замечали лесов, не замечали Триши, не замечали ничего вокруг. Та-та-та-та. Рты их не закрывались ни на секунду. Неужели они не могут найти лучшего занятия, с горечью подумала Триша.

Зациклившись друг на друге, они не видели того, на что стоило посмотреть. На сосны, пропитывающие воздух сладковатым смолистым запахом, на облака, которые, казалось, плыли над самой головой, не облака вовсе, а клубы белова-

то-серого дыма. Триша догадывалась, что только взрослые могут считать своим хобби такое скучнейшее занятие, как пешие прогулки, но это был тот самый случай, когда прогулка действительно приносила радость. Триша не знала, вся ли Аппалачская тропа поддерживается в столь идеальном состоянии, скорее всего нет, но если это все-таки так, она могла понять, почему люди, не нашедшие себе лучшего занятия, отмеривают по ней сотни и тысячи миль. Все равно что шагать по широкой, извилистой авеню, проложенной сквозь леса, подумала Триша. Пусть она не залита асфальтом, пусть все время поднимается в гору, но идти по ней легко и приятно. Им попалась даже маленькая будка с водяным насосом внутри и табличкой: «ВОДА ПРИГОДНА ДЛЯ ПИТЬЯ. ПОЖАЛУЙСТА. ОСТАВЬТЕ ПОЛНОЕ ВЕДРО ДЛЯ ТЕХ, КТО ПРИДЕТ СЛЕДОМ».

В рюкзаке лежала бутылка с водой, большая, с завинчивающейся пробкой, но внезапно Трише ужасно захотелось, качнув насос в маленькой будке, сложить ладони лодочкой, набрать в них чистой и холодной воды и с наслаждением напиться. Она бы пила и представляла себя Билбо

Бэггинсом[8] на пути к Туманным горам.

— Мамик? — позвала Триша. — Может мы остановимся, чтобы…

— Находить друзей — это работа, Питер, — говорила мать. На Тришу она даже не оглянулась. — Ты не должен стоять столбом и ждать, пока к тебе подойдут другие дети.

— Мамик? Пит? Давайте остановимся на минуточку, чтобы…

— Ты ничего не понимаешь, — с жаром возражал Пит. — Ты не знаешь, о чем говоришь. Слишком многое изменилось с тех пор, когда ты училась в школе.

— Пит? Мамик? Тут насос… — На самом деле тут был насос: говорить о нем следовало в прошедшем времени, поскольку насос остался позади и расстояние до него увеличивалось с каждой секундой.

— Я не могу с этим согласиться, — резко, не допуская никакого компромисса, ответила Куилла, и Триша подумала: не удивительно, что она сводит Пита с ума. А потом вознегодовала, тоже мысленно: они просто забыли о том, что я здесь. Девочка-невидимка, вот кем я стала. С

---

[8] Примечания: [8]
Главный герой эпопеи Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин колец».

тем же успехом я могла остаться дома. Комар зажужжал над ухом, и Триша раздраженно прихлопнула его.

Они подошли к развилке. Основная тропа, хоть и не такая широкая, как авеню, но столь же ухоженная, сворачивала влево, под указатель с надписью «НОРТ-КОНУЭЙ 5,2». Вторая тропа, гораздо более заросшая, вела, если верить надписи на другом указателе, в Кезар-Нотч, находящийся в десяти милях от развилки.

— Эй, мне надо по маленькому, — сказала Девочка-невидимка, но, разумеется, ни мать, ни брат ее не услышали. Они свернули на тропу, ведущую в Норт-Конуэй, бок о бок, словно влюбленные, глядя друг другу в лицо, словно влюбленные, и ругаясь, как заклятые враги. Нам всем следовало бы остаться дома, подумала Триша. Они могли бы цапаться и дома, а я бы почитала книжку. Может, «Хоббита», историю о существах, которым нравится гулять по лесам.

— Вы как хотите, а я пошла пи́сать, — обиженно бросила им вслед Триша и прошла несколько шагов по тропе, ведущей в Кезар-Нотч. Здесь сосны, которые держались на почтительном расстоянии от главной тропы, сдвигались, протягивая навстречу друг другу голубоватые ветви. Подступал

к тропе и густой подлесок. Триша поискала блестящие листочки ядовитого плюща, не нашла… Спасибо тебе, Господи, за маленькие радости. Два года назад, когда жизнь была проще и счастливее, мать показала ей картинки ядовитого плюща и научила распознавать в траве и на кустах. Два года назад Триша частенько бродила с матерью по лесам (против экскурсии на завод по производству тория Пит возражал главным образом потому, что их мать хотела поехать туда. Но он не хотел признаться в этом даже самому себе, не замечал, как далеко заводит его собственный эгоизм. Пребывая в уверенности, что его в чем-то ущемили, он стремился отравить существование не только матери, но и сестре).

Во время одной из таких прогулок мамик показала Трише, как девочки должны пи́сать в лесу. Начала со словесного инструктажа: «Самое важное, пожалуй, единственно важное — не справлять малую нужду там, где растет ядовитый плющ. А теперь смотри внимательно и делай, как я.

Триша посмотрела в обе стороны, никого не увидела, но все равно решила сойти с тропы. Похоже, в Кезар-Нотч давно никто не ходил, и сама тропа не шла ни в какое сравнение с Аппалач-

ской, но Триша не решилась облегчиться посреди тропы. Неприлично.

Сошла с тропы в ту часть леса, которая клином сходилась к развилке. Она даже слышала, как цапаются мать и брат, удаляющиеся по курсу на Норт-Конуэй. Уже потом, когда Триша окончательно поняла, что заблудилась, и старалась убедить себя, что она не умрет в лесу, что ее обязательно найдут и спасут, память услужливо подсказала последнюю услышанную фразу, произнесенную негодующим, полным обиды голосом брата: «Не знаю, почему мы должны расплачиваться за совершенные вами ошибки!»

Пройдя с полдюжины шагов в направлении голосов, Триша осторожно обошла куст ежевики, хотя и была в джинсах, а не в шортах. Остановилась, оглянулась, поняла, что видит тропу, ведущую в Кезар-Нотч… следовательно, и любой человек на тропе мог увидеть ее, присевшую на корточки и писающую, с рюкзаком за спиной и фирменной бейсболкой «Ред сокс» на голове. Голозадую, как сказала бы Пепси (Куилла Андерсен как-то заметила, фотографию Пенелопы Робишо следовало бы поместить в словаре для иллюстрации слова «вульгарность»).

Триша спустилась по пологому склону в неглу-

бокую ложбинку, ее кроссовки скользили по прошлогодней листве. Со дна ложбинки она уже не видела тропы на Кезар-Нотч. Отлично. С другой стороны, из-за леса, до Триши донесся мужской голос, потом женский смех: еще одна группа туристов проходила по главной тропе, и, судя по голосам, совсем близко от Триши. Расстегивая молнию на джинсах, Триша подумала, что ее мать и брат могли все же прервать столь захватывающую дискуссию и оглянуться, чтобы посмотреть, как там идут дела у сестры, и забеспокоиться, увидев вместо Триши незнакомых мужчину и женщину.

И хорошо! Хоть несколько минут они будут думать не только о себе!

В тот день, два года назад мать объяснила ей, что девочки могут проделывать все это вне дома с тем же успехом, что и мальчики, но при этом сводя к нулю риск забрызгать одежду.

Триша одной рукой схватилась за ветку растущей рядом сосенки, согнула ноги в коленях, затем просунула свободную руку между ног и сдернула джинсы и трусики, освобождая линию огня. В первое мгновение ничего не произошло, типичный случай, и Триша тяжело вздохнула. Комар кровожадно завыл у левого уха, а она могла

прихлопнуть его только третьей рукой, которой, к сожалению, не было.

— О, набор кухонной посуды! — зло выдохнула Триша, и от этой глупой, но забавной фразы ее разобрал смех. А начав смеяться, она начала пи́сать. Облегчившись, она огляделась, чтобы найти что-нибудь, чем можно подтереться, и решила — еще одна отцовская фраза — не испытывать судьбу. Тряхнула попкой, словно от этого был какой-то прок, подтянула трусики и джинсы. А когда комар вновь зажужжал рядом с ухом, пристукнула его и испытала глубокое удовлетворение, увидев на ладони красное пятнышко. «Думал, что мой револьвер разряжен, приятель?» — хриплым голосом вопросила она.

Триша повернулась к склону, по которому спустилась в ложбинку, а потом развернулась на сто восемьдесят градусов, потому что ей в голову пришла самая худшая в ее жизни идея. И заключалась эта идея в следующем: пойти вперед, вместо того чтобы вернуться на тропу к Кезар-Нотч. На развилке тропы расходились под небольшим углом, и чтобы попасть на главную тропу, от нее требовалось совсем ничего: пересечь заросший лесом участок между двумя тропами. Пустяк, что и говорить. И ни единого шанса заблудиться,

потому что очень уж отчетливо слышала она голоса туристов, держащих путь на Норт-Конуэй. Действительно, заблудиться у нее не было ни единого шанса.

Второй иннинг

Западный склон ложбинки, в которой Триша справила малую нужду, оказался куда круче восточного, по которому она спускалась в ложбинку. Но она забралась наверх, хватаясь за растущие на склоне деревья, а оказавшись на ровной земле, двинулась в том направлении, откуда доносились голоса. Идти мешал густой подлесок, ей пришлось обогнуть несколько утыканных шипами кустов, но всякий раз, огибая куст, она старалась не сбиться с выбранного курса. Так она шагала минут десять, а потом остановилась. Потому что у нее заныло то нежное местечко между грудью и животом, местечко, где сходятся вместе все нервы. Вроде бы ей уже пора выйти на Аппалачскую тропу, ведущую к Норт-Конуэю. По всем признакам пора. Не так уж далеко она ушла по тропе на Кезар-Нотч, не больше чем на пятьдесят шагов (уж точно не больше, чем на шестьдесят, самое большее, на семьдесят), потому расстояние между расходящимися тропами не могло быть уж очень большим, не так ли?

Триша прислушалась к голосам на главной тро-

пе, но в лесу воцарилась тишина. Нет, конечно, тишины не было и в помине. Триша слышала шум ветра в кронах высоких сосен, пронзительные крики сойки. Где-то вдали усердно трудился дятел. А в непосредственной близости (у каждого уха) жужжали комары. Чего она не слышала, так это человеческих голосов. Словно в лесу, кроме нее, не было ни души. Нелепая мысль, но от нее под ложечкой засосало чуть сильнее.

Триша вновь двинулась в выбранном направлении, прибавила шагу, чтобы как можно быстрее выйти на тропу. Путь ей преградило огромное упавшее дерево, слишком толстое, чтобы перелезть через него. Триша решила проползти под деревом. Она понимала, что наилучший вариант — обойти дерево, но вдруг она собьется с пути.

Ты уже сбилась с него, прошептал в голове голос, отвратительный ледяной голос.

— Заткнись, я не сбилась, заткнись, — также шепотом ответила Триша и присела. Увидела просвет под покрытым мхом стволом и втиснулась в него. Землю устилала мокрая листва, но Триша поняла это уже после того, как свитер на груди промок насквозь, и решила, что с этим уже ничего не поделаешь. Она поползла дальше и тут рюкзак уперся в ствол.

— Дери-раздери! — прошептала она (в последнее время у нее и Пепси это было любимое ругательство) и попятилась. Поднялась на колени, стряхнула с груди мокрые листья и заметила, что у нее дрожат пальцы.

— Я не боюсь, — громко и отчетливо произнесла Триша, громко и отчетливо, потому что шепот ее немного пугал. — Совсем не боюсь. Тропа рядом. Я выйду на нее через пять минут, а потом бегом догоню мать и брата. — Она сняла рюкзак и, толкая его перед собой, вновь поползла под дерево.

Преодолела полпути, когда под ее рукой что-то шевельнулось. Триша посмотрела вниз и увидела толстую, черную змею, ползущую сквозь прошлогодние листья. В тот же момент все мысли растворились в молчаливой, слепящей вспышке отвращения и ужаса. Кожа словно покрылась коркой льда, горло перехватило. Она не просто видела змею, она ощущала ее холодное тело, скользящее под рукой. Триша взвизгнула, попыталась вскочить, напрочь забыв о том, что еще не вылезла из-под дерева. Обрубок ветви, толстый, как ампутированное предплечье, вонзился ей в поясницу. Триша плашмя упала на живот и, извиваясь всем телом, прямо как змея, с максимально возможной скоростью поползла назад.

Отвратительная тварь давно уже исчезла, а вот ужас остался. Змея же была у нее под рукой, спрятавшаяся в опавший листве, под рукой. Слава Богу, змея не бросилась на нее, не укусила! А если она там не одна? Вдруг под деревом затаились и ядовитые змеи? Может, лес ими так и кишит? Естественно, какой же это лес, если в нем нет змей? В лесу всегда полным-полно всякой живности, которой человек боится, которая вызывает у него отвращение, при виде которой так легко впасть в панику. Как только она могла согласиться на пешую прогулку по лесу? Не просто согласиться — с радостью!

Подхватив рюкзак за лямку одной рукой, Триша двинулась в обход упавшего дерева, подозрительно оглядывая как заросший мхом ствол, так и прошлогодние листья, устилающие землю между растущими вокруг деревьями. Она боялась увидеть змею, более того, она боялась увидеть целое полчище змей, как в фильме ужасов «Вторжение змей-убийц», где в главной роли снялась Патриция Макфарленд. В этой захватывающей дух истории про маленькую девочку, которая заблудилась в лесу и…

— Я не за… — Договорить Триша не успела, потому что в этот момент как раз оглядывалась и

не заметила торчащего из земли камня. Споткнулась, взмахнула свободной рукой в безуспешной попытке удержаться на ногах и повалилась на бок. Поясницу пронзила боль: контакт с обрубком ветви не прошел даром.

Триша лежала на листьях, влажных, но все-таки не таких мокрых, как под деревом, — часто-часто дыша, чувствуя, как на лбу бьется жилка. Внезапно она поняла, что уже не знает, в правильном ли идет направлении или нет. Потому, собственно, она так часто и оглядывалась.

Тогда возвращайся к дереву. Упавшему дереву. Встань у того места, где ты должна была выползти, и посмотри прямо перед собой. Это направление, по которому ты хотела идти. Именно в той стороне находится главная тропа.

Но так ли это? Если так, как получилось, что она до сих пор не вышла на главную тропу?

Слезы выступили в уголках глаз. Триша сердито их смахнула. Если она начнет плакать, то более не сможет убеждать себя в том, что не испугана. Если она начнет плакать, может случиться все, что угодно.

Триша медленно вернулась к поваленному замшелому стволу дерева. Ей ужасно не хотелось возвращаться к тому месту, где она видела змею

(она их терпеть не могла), но Триша понимала, что иначе нельзя. Нашла место, где увидела, нет — почувствовала под рукой змею. Выползая из-под дерева, Триша «перепахала» слой лежащей на земле листвы, и теперь «рытвины» заполнила вода. Глядя на лужицы, Триша непроизвольно коснулась рукой груди: свитер мокрый и грязный. А как же иначе? Какой еще может быть свитер девочки, если та решила ползать под свалившимся деревом. Однако мокрый и грязный свитер очень встревожил Тришу. Сие говорило о том, что ее планы на субботу переменились. И составной частью нового плана стало ползание под деревом. Только изменения эти ни к чему хорошему не привели.

Почему она вообще сошла с тропы? Почему отошла от тропы так далеко, что уже не видела ее? Только для того, чтобы попи́сать? Тем более, что и пи́сать-то особенно не хотелось. Если так, то она, должно быть, рехнулась. И безумие по-прежнему владело ею, когда она решила, что может, не опасаясь последствий, идти напрямую через лес. Что ж, сегодня она получила наглядный урок, действительно получила. Теперь она точно знала, что должна держаться тропы. Пусть тебе что-то хочется, пусть тебе надоела чья-то

болтовня, ты должна держаться тропы. Пока ты на тропе, твой свитер останется сухим и чистым. На тропе ты в безопасности.

В безопасности.

Триша коснулась рукой поясницы и обнаружила в свитере дыру. От обрубка ветви пострадала не только поясница, но и свитер. Посмотрев на руку, Триша увидела на пальцах кровь. Тяжело вздохнула, вытерла пальцы о джинсы.

— Расслабься, по крайней мере это не ржавый гвоздь, — сказала она. — Считай, что тебе повезло. — Последнюю фразу любила говорить мать, но настроение у Триши не поднялось ни на йоту. Она-то полагала, что ей очень даже не повезло.

Она пристально оглядела землю у дерева, в одном месте даже взбила листья кроссовкой, но не обнаружила никаких признаков змеи. Наверное, это была неядовитая змея, но, Господи, какие же они все ужасные. Безногие, склизкие, высовывающие и убирающие язык по сто раз в минуту. Даже теперь Тришу прошиб холодный пот, стоило ей вспомнить прикосновение к змее.

Почему я не надела сапоги, подумала Триша, взглянув на ноги, обутые в «Рибок». Почему я отправилась в лес в паршивых кроссовках? Ответ долго искать не пришлось. Потому что кроссов-

ки идеально подходят для пешей прогулки по тропе… а первоначальный план и состоял в том, чтобы держаться тропы.

Триша на мгновение закрыла глаза:

— У меня все в порядке. От меня требуется только одно: сохранить хладнокровие и не поддаться панике. Через минуту или две я обязательно услышу голоса людей, идущих по тропе.

На этот раз собственный голос придал Триши уверенности, и настроение у нее заметно улучшилось. Она повернулась спиной к дереву, поставила ноги на ширине плеч, по обе стороны лаза, по которому она пыталась проползти, прислонилась попкой к заросшему мхом стволу. Вот так. А теперь вперед, по прямой линии. К главной тропе. Она должна быть там.

Возможно. А может, лучше подождать, не сходя с места? Подождать, пока не услышит голоса. Убедиться, что идти надо именно туда.

Но ждать она заставить себя не смогла. Ей хотелось как можно скорее вернуться на тропу и вычеркнуть из жизни эти ужасные десять (а может, уже и пятнадцать) минут, нагнавшие на нее столько страха. И Триша надела на плечи рюкзак — на этот раз старший, злой, но в принципе хороший брат не проверял лямки — и

двинулась в путь. Мокрецы и мошка уже нашли ее и черной тучей кружили у головы. Триша лишь отгоняла их рукой. Мамик как-то сказала ей, что убивать надо только комаров, а мошкару лучше отгонять… может, в тот самый день, когда показывала Трише, как девочки писают в лесу. Куилла Андерсен (тогда еще Куилла Макфарленд) объяснила, что мокрецы и мошка только слетятся в большем количестве, если начать их прихлопывать. Так что смысла в этом нет. «Когда имеешь дело с лесными насекомыми, — говорила мать Триши, — надо вжиться в образ лошади. Представить себе, что у тебя есть хвост, и махать им, отгоняя кровососов».

Стоя у сваленного дерева, отгоняя насекомых, но не убивая их, Триша выбрала ориентиром высокую сосну, растущую в сорока ярдах от нее… в сорока ярдах к северу, если она не перепутала стороны света. Она подошла к сосне и оглянулась, едва коснувшись шершавой коры, посмотрела на сваленное дерево. Она шла по прямой? Похоже на то.

Приободрившись, она нацелилась на несколько сбившихся в кучку кустов, усыпанных ярко-красными ягодами. Во время одной из познавательных прогулок мать обратила внимание Триши на

такие же ягоды. Та заявила, что это смертельно ядовитые птичьи ягоды. Так, во всяком случае, утверждала Пепси Робишо. Куилла рассмеялась и сказала следующее: «Твоя знаменитая Пепси, как выясняется, знает далеко не всё. И это радует. Это митчелла, и в ее ягодах нет никакого яда. По вкусу они напоминают жевательную резинку „Тиберри“, ту, что продается в розовых пачках». Мать Триши бросила несколько ягод в рот. А поскольку она не упала и не забилась в конвульсиях, Триша последовала ее примеру. Ей показалось, что запахом ягоды похожи на таблетки, которые освежают дыхание. Такие зелененькие, от них еще словно покалывает небо и десны.

Триша подошла к кустам, подумала о том, чтобы сорвать несколько ягод, хотя бы для того, чтобы еще больше поднять настроение, но в последний момент передумала. Голода она не чувствовала, а насчет настроения… Триша вдохнула пряный запах матовых зеленых листьев (также съедобных, по словам Куиллы, хотя Триша никогда их не пробовала — она же, в конце концов, не лесной сурок), затем посмотрела на сосну. Убедилась, что по-прежнему идет по прямой линии, и наметила третий ориентир: на этот раз валун, чем-то напоминающий шляпу из старого

черно-белого фильма. Следующим ориентиром стали три растущие рядом березы. От берез она медленно направилась к роскошным папоротникам, растущим на склоне.

Триша все свое внимание концентрировала на ориентирах, даже не оглядывалась, пока шла к следующему, поэтому, лишь подойдя к папоротникам она поняла, что смотрит на чащобу. Идти от ориентира к ориентиру — дело хорошее, и Триша полагала, что шла по прямой… да только не уводила ли эта прямая от цели? Она, конечно, могла лишь ненамного отклониться от нужного направления, но в том, что отклонилась, Триша не сомневалась. Потому что в противном случае она давно бы уже вышла на тропу. Еще бы, она отмахала…

— Господи, — выдохнула Триша, и дрожь в собственном голосе очень ей не понравилась, — да я прошла милю. Как минимум, милю.

Кровососы окружили ее со всех сторон. Мокрец и мошка висели перед глазами, отвратительные комары облюбовали уши, и их надсадный писк сводил с ума. Триша попыталась прихлопнуть одного, промахнулась, только больно стукнула себя по уху. Она понимала, что должна сдерживаться. Рукоприкладство ни к чему хорошему

привести не могло. Она бы только наставила себе синяков, как один смешной персонаж в старом мультфильме.

Триша скинула рюкзак, присела на корточки, расстегнула ремни, откинула клапан, раскрыла рюкзак. Синее пластиковое пончо; бумажный пакет с ленчем, она собирала его сама; «Геймбой» и крем от загара (вот он оказался совершенно ни к чему: солнце давно скрылось за облаками, меж которыми остались лишь редкие синие прогалины); бутылка с водой и бутылка с «Сэдж», ее любимой газировкой; пачка «Туинкиз», печенья с кремовой начинкой, и пачка картофельных чипсов. Но никакого спрея от насекомых. Как будто она этого не знала? Вот Триша и намазалась кремом от загара, пусть отпугивает хотя бы мошку, и убрала все в рюкзак. Вновь достала пачку «Туинкиз», но после короткого колебания вернула в рюкзак. Она совершенно не чувствовала голода. Вообще-то она любила печенье с кремом, хотя и понимала, что не должна налегать на сладости, иначе к четырнадцати годам ее лицо превратится в один огромный прыщ.

А ведь ты можешь и не дожить до четырнадцати лет, заметил внутренний голос. Такой ледяной и пугающий. Такого от внутреннего голоса она не

ожидала. Пригрела змею на груди. Ты можешь не выбраться из этих лесов.

— Заткнись, заткнись, заткнись, — прошептала Триша, накинула клапан, затянула пряжки. Покончив с этим, начала подниматься… потом замерла, упершись одним коленом в мягкую землю у папоротника, вскинув голову, словно принюхиваясь к воздуху, как делает это олененок, впервые оторвавшийся от материнского бока. Только Триша не принюхивалась: она вслушивалась, попытавшись отключить все остальные органы чувств.

Легкий ветерок шелестел в верхушках сосен. Пронзительно пищали комары (отвратительные, поганые насекомые). Долбил дерево дятел. Где-то далеко каркала ворона. А еще дальше, на границе слышимости, жужжал самолет. Никаких голосов с тропы. Ни единого голоса. Словно тропа, ведущая в Норт-Конуэй, провалилась сквозь землю. А когда жужжание самолета окончательно затихло, Триша смирилась с тем, что придется взглянуть правде в глаза.

Она поднялась. На каждую ногу подвесили по гире, неприятная тяжесть чувствовалась и в животе. Голова стала напоминать наполненный легким газом шар, привязанный к свинцовой

плите. Триша осознала, что находится в полном одиночестве, начисто отрезанная от себе подобных. Каким-то образом она перешла границу, покинула игровое поле и очутилась в таком месте, где правила, по которым она привыкла жить, больше не действовали.

— Эй! — закричала Триша. — Эй, кто-нибудь, вы меня слышите? Вы меня слышите? Эй! — Она замолчала, в надежде услышать ответ, не услышала и в отчаянии завопила: — Помогите мне, я заблудилась! Помогите, я заблудилась!

Глаза наполнились слезами, и Триша больше не могла их сдерживать, не могла убеждать себя, что ситуация по-прежнему под контролем. Голос задрожал, в нем появились плаксивые нотки ребенка, а затем он превратился в вопль забытого в колыбельке младенца. И этот вопль, пожалуй, нагнал на Тришу больше страха, чем все случившееся за это неудачное утро, потому что о присутствии человека в окружающем ее лесу свидетельствовал только ее плачущий, пронзительно-вопящий голос, зовущий на помощь, зовущий на помощь, потому что она потерялась.

Третий иннинг

Орала она минут пятнадцать, не меньше, иногда рупором складывая ладони у рта и поворачиваясь в ту сторону, где, по ее разумению, находилась главная тропа, а по большей части просто стояла у папоротников и кричала. Наконец, издала завершающий вопль — без единого слова, отчаянный выплеск злости и страха, такой громкий, что заболело горло, а затем села на землю, закрыла лицо руками и разрыдалась. Рыдала Триша минут пять (откуда знать, сколько именно, если часы остались дома, на столике у кровати, еще одно умное решение Великой Триши), а когда перестала, ей стало полегче… если бы не насекомые. Они осадили ее со всех сторон, ползали, пищали, жужжали, пытались высосать ее кровь и выпить пот. Насекомые сводили ее с ума. Триша вновь поднялась, замахала фирменной бейсболкой «Ред сокс», напоминая себе, что нельзя убивать на себе мошкару, иначе будешь вся в синяках, но зная, что начнет убивать, и очень скоро, если ничего не переменится. Потому что ничего не сможет с собой поделать.

Идти или оставаться на месте? Триша не знала, что лучше: страх парализовал ее, какая там логика, в таком состоянии она уже ничего не соображала. Решение приняли ноги, и Триша вновь зашагала, опасливо оглядываясь по сторонам, на ходу вытирая руками опухшие глаза. Поднимая руку к лицу второй раз, она увидела полдюжины комаров, сидящих на тыльной стороне ладони, ударила по ней другой рукой, убила трех. Два успели насосаться крови. Вид собственной крови обычно не вызывал у Триши неприятных ощущений, но на этот раз ноги у нее подкосились, она уселась на ковер из иголок в окружении старых сосен и вновь заплакала. У нее болела голова, ныл желудок. Я ведь совсем недавно сидела в «додже», эта мысль непрерывно крутилась в голове. В «додже», на заднем сиденье, слушала, как они препираются. Потом ей вспомнился голос брата, долетевший из-за деревьев: «Не знаю, почему мы должны расплачиваться за совершенные вами ошибки!» Триша подумала, что в ее жизни это, возможно, последние слова, произнесенные Питом, которые она слышала, и по ее телу пробежала дрожь, словно под сенью деревьев она увидела приближающееся к ней чудище.

На этот раз слезы высохли быстрее, да и ры-

дала она не так отчаянно. А когда поднялась на ноги (при этом она автоматически повернула бейсболку козырьком на затылок), практически совсем успокоилась. Уж теперь-то они точно знают, что она пропала. Мамик поначалу подумает, что Триша обиделась на них и пошла к «каравану». Сначала они будут ее звать, потом двинутся следом, спрашивая у идущих навстречу туристов, не видели ли они девочку в фирменной бейсболке «Ред сокс» (ей девять лет, но она высокая и выглядит старше, буквально услышала Триша голос мамика). Когда же они вернутся на автостоянку и увидят, что Триши около машины нет, они начнут волноваться. А мамик просто перепугается. При этой мысли Тришу захлестнуло чувство вины. Поднимется переполох, может, к поискам привлекут егерей и Службу охраны леса[9], а виновата в этом только она. Потому что сошла с тропы.

Мысли эти подбросили дровишек в костер тревоги, что давно уже полыхал в ее разгоряченном сознании, и Триша сорвалась с места,

[9] Примечания: [9]

Подразделение министерства сельского хозяйства США, создано в 1905 году с целью координации деятельности по рациональному использованию и защите лесных ресурсов страны. В ведении Службы находятся все национальные лесные заповедники.

надеясь вернуться на главную тропу до того, как сообщение о ее исчезновении поступит во все эти организации и начнутся крупномасштабные поиски. Теперь она уже не обращала внимания на ориентиры, не старалась идти по прямой, и в результате, незаметно для себя, забирала все больше и больше к западу, удаляясь от Аппалачской тропы и большинства примыкающих к ней троп и тропинок. А там, куда направлялась Триша, ее ждали нехоженые леса, густой подлесок, глубокие ущелья, крутые склоны. Она звала на помощь и прислушивалась, прислушивалась и звала на помощь. И наверное, несказанно бы удивилась, узнав, что ее мать и брат, по-прежнему поглощенные выяснением отношений, еще не заметили, что Триши нет на тропе.

Шла она все быстрее и быстрее, отмахиваясь от мошкары, уже не огибая кусты, а продираясь сквозь них. Она слушала и звала, звала и слушала, да только, по большому счету, уже ничего не могла услышать. Она не замечала комаров, которые слетелись к ней на шею, выстроились в ряд, словно стадо коров на водопое, и сосали, сосали, сосали ее кровь. Она не чувствовала мокрецов, которые прилипли и трепыхались на полосках еще не высохших слез на ее щеках.

Она не поддалась панике мгновенно, как в прошлый раз, когда почувствовала под рукой змею. Нет, паника поднималась как огромная волна, отсекая Тришу от окружающего мира, пока не накрыла ее с головой. Она шагала, не замечая, куда идет; она звала на помощь, не слыша себя; и уши ее не услышали бы ответного крика, раздайся он из-за соседнего дерева. А когда Триша побежала, она уже не контролировала себя. Я должна сохранять спокойствие, подумала девочка, но ее обутые в кроссовки ноги двигались все быстрее и быстрее. Я только недавно сидела в автомобиле, подумала она, пустившись бежать. Я не знаю, почему мы должны платить за ошибки родителей, подумала она, в самый последний момент поднырнув под ветку, внезапно возникшую перед ней на уровне глаз. Лоб она не расшибла, глаза не выколола, отделалась лишь царапиной на левой щеке, из которой тут же потек кровавый ручеек.

Ветерок приятно холодил кожу, когда она прокладывала путь сквозь густой кустарник, не обращая ни малейшего внимания на шипы, которые рвали джинсы и царапали руки. Потом она бежала вверх по склону, с развевающимися волосами (резинка, собравшая их в конский хвост, давно уже соскочила, зацепившись за какую-то

ветку), перескакивая через маленькие деревца, поваленные пронесшимся в этих местах ураганом. Триша взбежала на гребень… и внезапно перед ней открылось длинное, серовато-голубое ущелье, в милях и милях от нее оканчивающееся голыми гранитными утесами. А прямо под ней зияла пустота, заполненная летним воздухом, сквозь который она бы падала и падала, переворачиваясь и переворачиваясь, крича и крича, навстречу неминуемой смерти.

Голова у нее уже ничего не соображала, разум оцепенел от ужаса, но тело само определило, как в нужный момент остановиться на краю пропасти. Оставалось только одно — изменить направление движения. И Триша резко метнулась влево, правой ногой оттолкнувшись от самого края обрыва. Она услышала, как полетевшие вниз мелкие камни отлетают от гранитного склона.

Теперь Триша бежала по полоске голого камня, протянувшейся вдоль обрыва, отделявшей его от леса. Она бежала, не очень-то понимая, что могло с ней произойти минуту назад. Но при этом ей вспомнился фантастический фильм, в котором герой заманивает к обрыву преследующего его динозавра и тот перескакивает через край, чтобы найти погибель на дне пропасти.

Упавший ясень перегородил каменную «дорожку». Верхние двадцать футов ствола зависли над пропастью, словно корабельная мачта. Триша обхватила ствол обеими руками, обняла, прижалась к нему поцарапанной и кровоточившей щекой, при каждом вздохе воздух со свистом попадал в легкие и со всхлипом выходил обратно. Долго стояла Триша, дрожа всем телом, прильнув к дереву. Наконец открыла глаза. Стояла она, повернув голову направо. А потому заглянула в пропасть, прежде чем успела вновь закрыть глаза.

В этом месте от дна девочку отделяло каких-то пятьдесят футов. На каменной осыпи росли какие-то ярко-зеленые кусты. Между ними валялись сухие стволы и ветки, сброшенные с обрыва ветром. И внезапно, с невероятной четкостью Трише привиделось, что она летит к этим кустам, стволам, веткам. Летит, кричит, размахивает руками. А потом сухая ветвь вонзается ей под подбородок, пришпиливает язык к небу, проникает в мозг и убивает.

— Нет! — вскрикнула Триша. Увиденное вызывало отвращение и одновременно зачаровывало. Она глубоко вдохнула.

— Со мной все в порядке, — медленно сказала она, чеканя слова. Царапины на руках и щеке

пульсировали болью, их щипало от пота, только теперь Триша начала подсчитывать урон. — Со мной все в порядке. Я в норме. Да, да, в норме. — Она отцепилась от ясеня, ее тут же качнуло. Запаниковав, Триша вновь схватилась за ствол. Ей вдруг почудилось, что земля накренилась, чтобы сбросить ее в пропасть.

— Со мной все в порядке, — повторила она все так же размеренно. Облизала верхнюю губу. Пот испарился, соль осталась. — Со мной все в порядке, все в порядке. — Она повторяла и повторяла эти слова, но прошли долгие три минуты, прежде чем она сумела убедить руки ослабить хватку и второй раз отцепиться от ствола ясеня. Когда же ей это удалось, Триша попятилась от обрыва. Повернула бейсболку козырьком к затылку, посмотрела поверх ущелья. Увидела небо, затянутое тяжелыми дождевыми облаками, увидела шесть миллиардов деревьев, но не обнаружила ни единого признака присутствия человека, ни единого дымка, поднимающегося над костром.

— У меня все в порядке, я в норме. — Она еще на шаг отступила от обрыва, вскрикнула, когда что-то (змеи, змеи) коснулось ее под коленками. Какие змеи — обычные кусты. Все та же митчелла, в здешних лесах ее полным-полно. А потом

ее вновь нашла мошкара. Целое облако окутало голову, черные точки заплясали перед глазами, потом начали увеличиваться в размерах, превращаясь в черные розы. Триша успела подумать: я теряю сознание, у меня обморок, и спиной повалилась на кусты. Глаза ее закатились, мошкара зависла над бледным как полотно лицом. А мгновение спустя два первых комара спикировали на веки и принялись за дело.

Первая половина четвертого иннинга

Мамик передвигает мебель — такой была первая мысль Триши, когда она пришла в себя. Потом она подумала, что отец привез ее на крытый каток в Линне и она слышит, как подростки режут коньками лед, отмеряя круг за кругом. И тут что-то холодное плюхнулось ей на переносицу, и она открыла глаза. Вторая капля упала ей на лоб. Яркая вспышка рассекла небо, заставив Тришу зажмуриться. Секундой позже громовой раскат едва не разорвал ей барабанные перепонки. Инстинктивно Триша сжалась в комок, испуганный вскрик сорвался с губ. И тут же небеса разверзлись.

Триша села, схватила бейсболку, свалившуюся с головы при падении, надела козырьком вперед, ахнула, как человек, которого бросили в холодное озеро (такие, во всяком случае, у нее были ощущения), с трудом поднялась. Вновь полыхнула молния, грянул гром. Стоя под проливным дождем, Триша увидела, как высокая ель, растущая в ущелье, внезапно вспыхнула ярким пламенем

и развалилась на две части. А мгновение позже дождь еще больше усилился и как стеной отгородил ущелье.

Триша попятилась, укрывшись от дождя под деревьями. Раскрыла рюкзак, достала синее пончо, надела (лучше поздно, чем никогда, прокомментировал бы ее отец), села на сваленное дерево. Голова соображала плохо, веки распухли и чесались. Растущие вокруг деревья лишь в малой степени защищали от дождя: слишком уж много воды лилось с небес. Триша накинула на голову капюшон пончо и слушала, как капли барабанят по пластику, совсем как по крыше автомобиля. Мошкара по-прежнему клубилась перед лицом, и Триша вяло махнула рукой, отгоняя зловредных тварей. Ничто не заставит их улететь, и они всегда голодны. Они сосали кровь из моих век, пока я лежала без сознания, а если я умру, облепят все тело, подумала Триша и опять расплакалась. На этот раз не рыдала, не всхлипывала, а просто плакала. Не забывая при этом рукой отгонять мошкару. Громовые раскаты следовали один за другим, и при каждом девочка вздрагивала всем телом.

Без солнца и часов время она определить не могла. Так что Трише не оставалось ничего друго-

го, как сидеть на сваленном дереве. И маленькая фигурка в синем пончо не шевелилась, пока гроза не уползла на восток, забрав с собой громовые раскаты. Дождь, однако, продолжался, никуда не делись и кровососы. Один комар залетел в зазор между капюшоном и головой Триши и надсадно пищал у самого уха. Триша вычислила местонахождение комара, большим пальцем нажала на капюшон. Писк оборвался.

— Вот так, — вздохнула она. — С тобой я разобралась. И осталось от тебя только мокрое место. — Она хотела встать, но тут заурчал желудок. Ранее голода она не испытывала, а тут поняла, что очень хочется есть. Подумала о том, какие еще не слишком приятные сюрпризы ждут ее впереди, и порадовалась, что ничего такого она не знает, не может назвать ничего конкретного. Может, их и не будет, сказала она себе. Эй, девочка, воспрянь духом, может, все самое страшное уже позади.

Триша сняла пончо. Прежде чем убрать его в рюкзак, оглядела себя с головы до ног. Зрелище грустное. Вся одежда мокрая, в сосновых иголках. Потеряла сознание — и вот результат. Надо будет обо всем рассказать Пепси, при условии, что ей доведется увидеть Пепси.

— Ты это прекрати, — одернула себя Триша и

отстегнула клапан рюкзака. Достала всю еду и питье, выложила рядком. Стоило ей взглянуть на бумажный пакет с ленчем, как желудок заурчал еще сильнее. Сколько же времени? Внутренние часы, напрямую подключенные к ее организму, подсказали: где-нибудь три пополудни. То есть минуло восемь часов с того момента, как она встала из-за стола, съев на завтрак тарелку кукурузных хлопьев, залитых молоком. И пять, — как она приняла идиотское решение срезать угол и выйти на главную тропу через лес. Три часа пополудни. Может, даже четыре.

В бумажном пакете лежали сваренное вкрутую яйцо, сандвич с тунцом и несколько корешков сельдерея. Еще она взяла с собой пакетик чипсов (маленький), бутылку воды (довольно-таки большую), бутылку «Сэджа» (большую, почти в три четверти литра, она любила «Сэдж») и пачку «Туинкиз».

Посмотрев на бутылку с лимонно-лаймовой газировкой, Триша внезапно поняла, что ей скорее хочется пить, чем есть… и просто ужасно хочется сладкого. Она свинтила крышку, поднесла бутылку к губам, опустила руку с бутылкой. Хочется ей пить или нет, не дело разом ополовинить бутылку. Может, ей придется провести в лесу еще

какое-то время. Конечно, особо в это не верилось, эту нелепую мысль хотелось выбросить из головы и напрочь забыть, но такого Триша позволить себе не могла. Выбравшись из леса, она, конечно, сможет рассуждать и вести себя как ребенок, но здесь, в лесу, ей не оставалось ничего другого, кроме как думать по-взрослому.

Ты видела, что перед тобой, сказала она себе. Большое ущелье, в котором нет ничего, кроме деревьев. Ни дорог, ни дыма. Так что на скорую помощь не рассчитывай. Ты должна беречь припасы. Именно такой совет дали бы тебе и мамик, и папик.

Триша позволила себе три больших глотка газировки, оторвала бутылку от губ, рыгнула, сделала еще два маленьких глоточка. Затем завинтила пробку и оценивающе оглядела съестное.

Остановила свой выбор на яйце. Очистила его, аккуратно убрала осколки скорлупы в пластиковый мешочек, в котором лежало яйцо (мысль о том, что оставленный мусор, любой признак того, что она была в каком-то конкретном месте, может спасти ей жизнь, не пришла Трише в голову, ни тогда, ни потом), посыпала яйцо солью. Вновь немного поплакала, потому что вспомнила, как вчера вечером, на кухне их сэнфордского дома,

насыпала соль на кусочек вощеной бумаги, а потом свернула его, как показывала ей мать. Она буквально увидела тень от своих головы и рук, которая падала на пластмассовый стол, услышала работающий в гостиной телевизор: передавали информационный выпуск. И сверху доносился какой-то шум: брат возился в своей комнате. Удивительная отчетливость воспоминаний переводила их в разряд видений. Чем-то Триша напоминала тонущего человека, который вспоминает, как хорошо и покойно было на корабле, какой легкой и беззаботной казалась жизнь.

Ей было девять лет, правда, до десятого дня рождения оставалось не так уж и много, и для своего возраста девочкой она была крупной. Голод взял верх над воспоминаниями и страхом.

Все еще всхлипывая, она быстро съела яйцо. До чего же вкусно. Она бы с удовольствием съела еще одно, может, и два. Мамик называла яйца «холестериновыми бомбами», но мамика рядом не было, и избыток холестерина — не такая уж беда, если ты заблудилась в лесу, вся поцарапалась, а веки раздулись от комариных укусов до такой степени, что кажется, будто к ним подвесили по гире.

Триша взяла пачку «Туинкиз», открыла, съела

одно печенье. «Клево», — сказала она, повторив слово, которым Пепси выражала высший уровень одобрения. Запила яйцо и печенье водой. А потом быстро, прежде чем какая-нибудь из рук успела стать предателем и поднести ко рту что-нибудь съестное, убрала оставшуюся еду в бумажный пакет, проверила, надежно ли закручена пробка на опустевшей на четверть бутылке «Сэджа», и сложила все в рюкзак. При этом пальцы ее коснулись чего-то твердого, выпирающего из стенки, и Триша просияла (может, тому помогли и добавленные калории). Еще бы, такой приятный сюрприз!

Ее «Уокмен»! Она взяла с собой «Уокмен»! Вот радость-то!

Она расстегнула молнию внутреннего кармана и достала плейер, обращаясь с ним так же трепетно, как священник — со святыми дарами. Провода, намотанные на пластмассовый корпус, миниатюрные наушники, аккуратно уложенные в специальные пазы на корпусе. Естественно, в плейере стояла кассета с записью, которая на тот момент была фаворитом и у нее, и у Пепси (альбом «Таптампер» группы «Чамбавамба»[10]),

---

[10] Примечания: [10]

Английская рок-группа, созданная в 1983 г. Среди поклонников и подростки, и сорокалетние.

но сейчас Трише было не до музыки.

Она вставила наушники в уши, передвинула рычажок с положения «TAPE» в положение «RADIO» и включила плейер.

Поначалу услышала только помехи, но потом настроилась на WMGX, портлендскую радиостанцию. Чуть дальше нашла WOXO, радиостанцию в Норуэе, вернувшись по шкале FM назад, поймала WCAS, маленькую радиостанцию Касл-Рок, городка, который они проезжали по пути к Аппалачской тропе. Она буквально услышала голос своего брата, сочащийся юношеским сарказмом: «WCAS, сегодня нас слушает вся наша деревня, завтра — весь мир»! И действительно, это была самая что ни на есть провинциальная, захудалая радиостанция. Визгливых исполнителей ковбойских песен, вроде Марка Честнатта и Трейс Эдкинз, сменяла ведущая, которая принимала звонки тех, кто хотел продать посудомоечные машины, сушилки, «бьюики» и охотничьи ружья. Однако человеческие голоса так много значили для того, кто заблудился в дремучем лесу. И Триша, сидя на поваленном дереве, слушала как зачарованная, рассеянно разгоняя бейсболкой клубящуюся вокруг нее мошкару. В какой-то момент ведущая сообщила и текущее время: три

часа девять минут.

В половине четвертого ведущая прочитала подборку местных новостей. Жители Касл-Рока недовольны порядками в баре, где по пятницам и субботам выступали обнаженные по пояс танцовщицы. В доме престарелых произошел пожар (никто не пострадал). Открытие реконструированного касл-рокского стадиона намечено на Четвертое июля. Зрителей ждали новенькие трибуны и фейерверки. Во второй половине дня дождь, ночью сухо, завтра — солнечный день, восемьдесят пять — восемьдесят шесть градусов[11]. Все. Ни слова о пропавшей маленькой девочке. Триша не знала, радоваться ей или тревожиться.

Она уже протянула руку к рычажку, чтобы выключить плейер: батареек надолго не хватит, когда ведущая добавила: «Не забудьте, что сегодня, в семь вечера, „Бостон Ред сокс“ принимают этих несносных „Нью-Йорк янкиз“[12]. Оставайтесь с нами, и вы узнаете, как идут дела у наших „Ред сокс“. А теперь вернемся к…»

---

[11] Примечания: [11]

86 градусов по шкале Фаренгейта соответствуют 30 градусам по шкале Цельсия.

[12] Примечания: [12]

Еще одна профессиональная бейсбольная команда, выступающая, как и «Бостон Ред сокс», в Восточном отделении Американской бейсбольной лиги.

А теперь вернемся к самому ужасному дню в жизни маленькой девочки, подумала Триша, выключая плейер. Она вынула наушники из ушей, закрутила проводки вокруг хрупкого пластмассового корпуса, вставила наушники в соответствующие пазы. Но не могла не признать, на душе у нее полегчало. Пожалуй, впервые с того момента, как ей стало окончательно ясно, что она заблудилась. Частично улучшению настроения помогла и еда, но Триша подозревала, что куда большая заслуга принадлежала радио. Голоса, настоящие человеческие голоса, и звучали они совсем близко.

Десант комаров высадился на ноги, пытаясь прокусить плотную ткань джинсов. Слава Богу, она не надела шорты. Вот бы комары полакомились.

Триша смахнула комаров, поднялась, надела пончо. Что теперь? Знает она что-нибудь из того, что может помочь человеку, заблудившемуся в лесу? Значит, так: солнце встает на востоке и заходит на западе. Пожалуй, все. Еще кто-то говорил ей, что мох растет или на северной, или на южной стороне дерева, но она не помнила, на какой именно. Может, лучше всего остаться на этом самом месте, соорудить какое-нибудь укры-

тие (скорее от комаров, чем от дождя; некоторые, особо настойчивые вновь залетели под капюшон, и их писк сводил Тришу с ума) и ждать, пока ее не найдут. Будь у нее спички, она смогла бы разжечь костер. В мокром после дождя лесу пожар она устроить не могла, а дым кто-нибудь бы да и заметил. Конечно, если бы у свиней были крылья, бекон мог бы летать, как говаривал ее отец.

— Одну минуту, — прошептала Триша. — Одну минуту.

Что-то насчет воды. Найти дорогу из леса с помощью воды. Но как?..

Мгновением позже она уже поняла, как ей может помочь вода, и ее охватило радостное возбуждение. Чувство это было таким сильным, что у нее даже закружилась голова. Она покачнулась и едва устояла на ногах.

Ей надо найти ручей! Мать ей этого не говорила. Она прочитала об этом сама, в какой-то детской книжке, давным-давно, в семь или восемь лет. Ты находишь ручей, идешь по течению, и ручей или выведет тебя из леса, или приведет к другому, более широкому ручью. Если это будет ручей, надо идти по его течению, пока он не приведет еще к одному ручью или к реке. А в конце концов вода обязательно выведет тебя из леса, потому

что все реки впадают в море, а там леса нет, только пляж, скалы и ангары для лодок. Но как найти бегущую воду? Какие проблемы, она же может пойти вдоль обрыва. Того самого, с которого едва не свалилась по собственной глупости. Во-первых, так она не будет петлять, а пойдет в определенном направлении. А во-вторых, обрыв рано или поздно приведет ее к ручью. В лесах их полным-полно.

Триша забросила за плечи рюкзак, на этот раз поверх пончо, и осторожно подошла к ясеню, вершина которого нависала над обрывом. Теперь она воспринимала свой недавний безумный забег по лесам как глупую детскую выходку, но все равно не решилась подойти слишком близко к краю обрыва. Вдруг у нее закружится голова. Она может потерять сознание или… блевануть. Выблевать еду, запасы которой очень малы. Нет, это идея не из лучших.

Она повернула налево и зашагала по лесу, держась футах в двадцати от обрыва. Время от времени она заставляла себя подходить ближе, чтобы убедиться, не отклоняется ли она от выбранного курса… короче, чтобы убедиться, что обрыв и ущелье никуда не делись. Она прислушивалась к голосам, но без особой надежды:

понимала, что тропа проходит совсем в другом месте и выйти на нее она может лишь по чистой случайности. Что она рассчитывала услышать, так это журчание бегущей воды, и в конце концов ее ожидания оправдались.

Не будет мне от этого никакого проку, если сейчас я выйду к водопаду, подумала Триша и решила, что, прежде чем идти к ручью, надо подойти к обрыву и посмотреть, очень ли он высокий. Чтобы потом не испытать горького разочарования.

Деревья в этом месте чуть отступали от края обрыва, а пространство между лесом и обрывом занял черничный ковер. Через четыре или пять недель тут вызрел бы богатый урожай. Пока, однако, ягодки были крохотные, зеленые и несъедобные. А вот ягоды митчеллы вполне созрели. Триша еще раз отметила это для себя. На всякий случай.

Землю между кустами черники, словно чешуя, устилали тонкие каменные пластинки. Они похрустывали под кроссовками Триши, и ей казалось, что она идет по разбитым тарелкам. Шагала она все медленнее, а в десяти футах от обрыва присела и поползла на четвереньках. Я в полной безопасности, мне ничего не грозит, потому что я

знаю, где я и что ждет меня впереди, волноваться не о чем, убеждала она себя, но ее сердце так и норовило выскочить из груди. Когда же она еще приблизилась к краю, с ее губ сорвался нервный смешок, потому что обрыва как такового уже и не было. Ущелье по-прежнему уходило вдаль, но теперь Триша уже не смотрела на него сверху вниз. Перепад высот значительно уменьшился, однако раньше Триша этого не заметила, потому что голова у нее была занята другим: найти бы бегущую воду, сохранить самообладание, не поддаться панике. Все так же на четвереньках она добралась до самого края и посмотрела вниз.

До дна ущелья двадцать футов. И не отвесной стены, а крутого, но все-таки склона, на котором росли кособокие деревья, островки черники, кусты ежевики. И груды мелкого камня между ними. Ливень прекратился, гром гремел далеко-далеко, но дождик продолжал моросить, так что груды мокрого камня напоминали выброшенную из шахты пустую породу.

Триша чуть отползла от края, встала и сквозь кусты направилась к журчащей воде. Начала сказываться усталость, ноги гудели, но в принципе она чувствовала себя неплохо. Боялась, конечно, но уже не так, как раньше. Ее найдут.

Заблудившихся в лесу людей находили всегда. На их поиски посылали самолеты и вертолеты, лес прочесывали егери и лесники с собаками. И поиски продолжались до победного конца.

А может, я спасусь и сама. Натолкнусь где-нибудь в лесу на охотничий домик, разобью окно, если дверь заперта, а хозяев нет, позвоню по телефону…

Триша уже видела себя в охотничьем домике, которым не пользовались с прошлой осени. Мебель в выцветших чехлах, на полу медвежья шкура. Пахнет пылью и золой. Все это пригрезилось ей так отчетливо, что она даже уловила запах кофе. Домик пустовал, но телефон работал. Старый такой аппарат, с тяжеленной трубкой, которую приходилось держать обеими руками. Она услышала свой голос: «Привет, мамик. Это Триша. Я не знаю, где я, но…»

Она так увлеклась воображаемым разговором в воображаемом охотничьем домике, что едва не свалилась в быстрый ручеек, который вырывался из леса и скатывался по склону, усеянному мелкими камнями.

Триша ухватилась за ветки ольхи, постояла, глядя на ручеек. Губы ее раздвинулись в улыбке. Ужасный выдался день, всё так, просто отврати-

тельный, но удача наконец-то начала поворачиваться к ней лицом, а это уже немалое дело. Девочка подошла к обрыву. Ручеек переваливался через край, и чуть ниже его ждала большая скала. Вода падала на нее, поднимая столб брызг, над которым в солнечный день стояли радуги. Склон по обеим сторонам ручья выглядел скользким и ненадежным: мокрый мелкий камень под тяжестью человека мог посыпаться вниз. Однако и здесь хватало кустов. И Триша подумала, что, поскользнувшись, она всегда сможет схватиться за куст, как схватилась за ольху, что росла на берегу ручья.

— Вода ведет к людям, — напомнила она себе и двинулась вниз по склону.

Спускалась она осторожно, бочком, справа от ручья. Поначалу все шло хорошо, хотя склон оказался более крутым, чем казалось сверху, а камни выскальзывали из-под ног при каждом шаге. Рюкзак, вес которого она раньше не замечала, превратился в неуклюжего младенца, сидящего в «кенгуру». Он словно двигался сам по себе, и при каждом таком движении Трише приходилось взмахивать руками, чтобы сохранить равновесие. Но пока особых проблем у нее не возникало, и ее это очень радовало, потому что,

остановившись на полпути, уперевшись правой ногой в камень побольше, она посмотрела вверх и поняла, что подняться по склону она не сможет. Поэтому другого пути, кроме как вниз, на дно ущелья, для нее не было.

И она продолжила спуск. Три четверти склона остались позади, когда большое насекомое спикировало ей на лицо, большое, не мокрец или комар. Оса! И Триша с криком взмахнула рукой, отгоняя ее. От этого резкого движения рюкзак сильно качнулся, правая нога соскользнула, и Триша мгновенно потеряла равновесие. Она упала, ударилась о камни плечом, да так, что лязгнули зубы, и заскользила вниз.

— О, дерьмо на палочке! — простонала она, хватаясь за камни. Но лишь выковыривала их из земли и тащила за собой. Ладонь пронзила резкая боль: острый кусок кварца поранил кожу. Другой рукой она схватилась за куст и вытащила его вместе с корнями. Потом ступня правой ноги за что-то зацепилась, Тришу развернуло, оторвало от земли, и она полетела вниз.

Приземлилась на рюкзак, на нем и заскользила дальше, раскинув ноги, размахивая руками, крича от боли, страха, изумления. Пончо и свитер задрались до лопаток, острые края камней

царапали спину. Триша попыталась затормозить ногами. Но левая зацепилась за вросший в склон валун, Тришу развернуло, и она покатилась вниз: со спины на живот, с живота — на спину, снова на живот. Рюкзак то придавливал ее, то она расплющивала его своим телом. Триша то смотрела в серое небо, то утыкалась носом в каменистый склон.

Последние десять ярдов Триша проскользила на левом боку, с вытянутой левой рукой, уткнувшись лицом в локтевой сгиб. Обо что-то крепко ударилась боком, так, что затрещали ребра… и прежде чем она успела поднять голову, боль иголкой пронзила ее чуть повыше левой скулы. Триша вскрикнула, поднялась на колени, стукнула себя по щеке. Что-то раздавила: естественно, осу, кого же еще, открыла глаза и увидела, что вокруг нее ос этих полным-полно: желто-коричневые насекомые угрожающе жужжали, готовые вонзить в незваную гостью наполненные ядом жала.

Триша врезалась в сухое дерево, стоящее у подножия склона, в двадцати пяти ярдах ручья. И на первой ветви, аккурат на уровне глаз девятилетней девочки, высокой для своего возраста, к стволу прилепилось серое гнездо. Растрево-

женные осы ползали по ветке и стволу. Другие вылетали из отверстия на верхушке гнезда.

Боль пронзила шею Триши. Еще одно жало впилось в правую руку повыше локтя. Крича как оглашенная, в панике Триша бросилась бежать. Тут же ее ужалили в левую руку, потом в поясницу, повыше джинсов, пониже задранной к лопаткам фуфайки.

Бежала она к ручью. Не потому, что у воды будет безопасней. Просто старалась держаться открытой местности. Сначала огибала кусты, потом, когда они пошли сплошняком, продиралась сквозь них. У самой воды остановилась, тяжело дыша, оглянулась, опасаясь преследования. Но нет, осы остались у своего гнезда, хотя и успели причинить немало вреда до того, как ей удалось оторваться от них. Левый глаз — а именно под него ужалила Тришу первая оса — почти полностью заплыл.

Если у меня повышенная чувствительность, я умру, подумала она, но совсем не испугалась, потому что еще не вышла из состояния шока. Всхлипывая, с катящимися по щекам слезами, она присела у ручейка, из-за которого и повстречалась с осами. А немного придя в себя, сняла со спины рюкзак. По телу пробегала дрожь, укусы

ужасно болели. Триша обхватила рюкзак руками, покачивая его, словно куклу, и зарыдала в голос. Подумала о Моне, оставшейся на заднем сиденье «каравана», милой, доброй Монье-Болонье с большими синими глазами. Не в такие уж далекие времена, когда ее родители собирались развестись и во время развода, только Мона могла посочувствовать ей, утешить ее. Случалось, что даже Пепси не могла понять, что творится у нее на душе. Теперь же родительский развод казался сущим пустяком. Теперь возникли куда более серьезные проблемы, чем отношения взрослых, не сумевших ужиться друг с другом. Например, осы, и Триша подумала, что многое отдала бы ради того, чтобы Мона вновь оказалась с ней.

Однако смерть от укусов ей не грозила, иначе она бы уже умерла. Как-то она подслушала разговор мамика и их соседки, миссис Томас. Она жила в доме напротив. Речь шла о каком-то человеке, у которого была аллергия на ос. «Через десять секунд после того, как оса ужалила его, — рассказывала миссис Томас, — старина Фрэнк раздулся, как воздушный шар. Если бы при нем не было шприца с лекарством, он бы, наверное, задохнулся».

Триша осторожно ощупала себя. Обнаружила

не меньше шести укусов (одно место, на левом боку, повыше бедра, болело больше других, и Триша решила, что туда ее ужалили два или три раза). Царапин хватало и на спине, и на левой руке, которой особенно досталось на завершающей стадии спуска. Из многих царапин выступила кровь, все сильно саднили. Кровоточила и царапина на левой щеке.

Несправедливо, подумала Триша. Несп…

И тут ужасная мысль пришла к ней в голову… какая там мысль, она разом поняла, что по-другому и быть не может. Ее «Уокмен» разбился, разлетелся на тысячи мелких кусочков, которые сейчас лежат на дне внутреннего кармана рюкзака. Иначе и быть не может. Не мог плейер пережить такой спуск.

Дрожащие, запачканные кровью руки Триши с большим трудом справились с пряжками. Она откинула клапан, вытащила «Геймбой». Игрушке явно не поздоровилось. Дисплей разлетелся, от него остались лишь несколько осколков желтоватого стекла. Несомненно, та же участь постигла и начинку. Пакетик с чипсами порвался, и их крошки облепили белый корпус «Геймбоя».

Обе пластиковые бутылки, с водой и «Сэдж», помялись, но не лопнули. Пакет с ленчем сильно

расплющило (словно по нему прокатился дорожный каток). Чипсовые крошки налипли и на него. В пакет Триша заглядывать не стала. Ее волновало совсем другое. Мой «Уокмен», думала она, дергая за молнию внутреннего кармана, не замечая, что по щекам катятся слезы. Неужели ее отрежут от голосов человеческого мира?

Триша знала, что этого она не переживет.

Она сунула руку в карман и… о чудо! Извлекла из него целехонький плейер. Провода, которые она обмотала вокруг корпуса, сползли с него, но никаких повреждений Триша не обнаружила. Она держала плейер в руке, переводя взгляд с него на «Геймбой». И никак не могла поверить своим глазам. Как такое могло быть: «Уокмен» в целости и сохранности, а «Геймбой» разбит вдребезги? Неужели такое возможно?

Конечно же нет, услужливо сообщил ей ледяной, отвратительный голос, зазвучавший в ее голове. Он только выглядит как новенький, а внутри все сломано.

Триша размотала провода, вставила в уши наушники, положила палец на рычажок ON/OFF. Она забыла про укусы ос, про комаров и прочую мошкару, про царапины и ссадины. Тяжелые, распухшие веки опустились, закрыв глаза.

— Пожалуйста, Господи, — взмолилась Триша. — Не дай моему «Уокмену» сломаться.

И перевела рычажок из положения OFF в положение ON.

«Только что к нам поступила следующая информация, — раздался в ушах голос ведущей. — Женщина из Сэнфорда сообщила в полицию о пропаже дочери. Она вместе с двумя детьми оправилась на пешую прогулку по участку Аппалачской тропы, расположенному в округе Касл. Ее дочь, девятилетняя Патриция Макфарленд, вероятно, сошла с тропы и заблудилась в лесах к западу от Тэ-Эр девяносто и города Моттона».

Глаза Триши широко раскрылись, и она еще десять минут слушала радио, хотя радиостанция WCAS уже переключилась на музыку. Она заблудилась в лесу. Об этом известно полиции. Скоро начнутся поиски. Над лесом появятся вертолеты, ее будут искать егери с собаками… Ее мать, должно быть, перепугана до смерти… и, как это ни странно, Тришу это даже обрадовало.

Удивляться тут нечего, подумала она, полагая, что правота на ее стороне. Я еще маленькая, а потому нуждаюсь в должном присмотре. Если она начнет орать на меня, я скажу: «Ты же не могла прекратить цапаться с братом, и в конце

концов это вывело меня из себя. Я больше не могла вас слушать». Пепси бы это понравилось. Так и просится в книгу Ви-Си Эндрюс.

Наконец она выключила радио, вынула наушники из ушей, любовно погладила черный пластмассовый корпус, обмотала вокруг него провода и убрала плейер во внутренний карман рюкзака. Посмотрела на расплющенный пакет с ленчем и решила, что не сможет заставить себя заглянуть вовнутрь, разобраться, в каком состоянии сандвич с тунцом и оставшиеся печенья «Туинкиз». Зрелище-то будет печальное. Хорошо хоть она съела яйцо до того, как оно превратилось в яичный салат. В другой ситуации эта мысль вызвала бы у нее смех, но, вероятно, запасы смеха у Триши иссякли. Колодец со смехом, который ее мать считала бездонным, временно пересох.

Триша сидела на берегу ручья, ширина которого не превышала трех футов, и рассеянно ела картофельные чипсы. Сначала те, что остались в порванном пакетике, потом перешла на крошки с бумажного пакета с ленчем, наконец, добралась до тех, что оказались на дне рюкзака. Большое насекомое зажужжало у носа. Триша отпрянула, испуганно вскрикнула, подняла руку, чтобы защитить лицо. Но увидела не осу, а овода.

Крошки закончились. Устало, замедленными движениями, словно женщина лет шестидесяти после утомительного трудового дня (а Триша и чувствовала себя как женщина лет шестидесяти после утомительного трудового дня), она убрала все пожитки в рюкзак, положила в него даже разбитый «Геймбой» и встала. Прежде чем защелкнуть клапан на пряжке, сняла с себя пончо. Осмотрела его со всех сторон. Синий пластик никак не защитил ее, когда она катилась вниз по склону, только изорвался в клочья. Особенно нижняя часть пончо. Но все-таки Триша решила его не выкидывать. Насекомые, а их вновь собралась целая туча, прокусить пластик не могли. Особенно много стало комаров, которых, судя по всему, привлек запах крови. Наверное, они улавливали его на большом расстоянии.

— Фу, — Триша наморщила носик, замахала бейсболкой, разгоняя мошкару, — и откуда вы только беретесь?

Она говорила себе, что должна поблагодарить Бога. Все-таки не сломала ни руку, ни ногу, не проломила голову. И осиные укусы не вызвали у нее такой аллергии, как у Фрэнка, знакомого миссис Томас. Но так трудно испытывать благодарность, когда ты испугана, поцарапана, искусана и вы-

мотана донельзя.

Триша уже собралась надеть то, что осталось от пончо, чтобы потом наклониться за рюкзаком, но тут заметила, что оба берега ручья сильно заилены. Она опустилась на колени, поморщилась от боли: при каждом движении осиные укусы давали о себе знать, зачерпнула пастообразного коричневато-серого ила. Попробовать или нет?

— Хуже-то не будет, так? — со вздохом отметила она и намазала илом припухлость над бедром. Ил приятно холодил кожу, а зуд прекратился практически мгновенно. Очень осторожно она намазала илом все укушенные места, до которых смогла дотянуться, включая и под левым глазом. Потом вытерла руки о джинсы (и первые, и вторые выглядели совсем не так, как шесть часов назад), надела порванное пончо, закинула за плечи рюкзак. К счастью, он не терся об укушенные места. Триша зашагала вдоль ручья и пятью минутами позже вновь углубилась в лес.

Следующие четыре часа, или около того, она шла вдоль русла, слыша лишь пение птиц да писк комаров. Практически все время моросил дождь, а в какой-то момент полил так сильно, что опять вымочил ее насквозь, хотя она и пыталась укрыться под большим деревом. Но в этот раз

обошлось без грома и молнии.

Никогда раньше Триша не считала себя городской девочкой, для которой в диковинку общение с природой, а вот тут вот — когда этот безумный, отвратительный день подходил к концу, такое ощущение у нее возникло. И с лесом творилось что-то странное. Он словно делился на полосы. Какое-то время она шагала среди высоких красивых сосен, совсем как в диснеевских мультфильмах. А потом диснеевскую идиллию сменяла чащоба: деревья с искривленными стволами, заросли кустов, переплетенные, зачастую усеянные шипами ветки, которые так и норовили добраться до ее рук и глаз. Крайняя усталость, если не сказать измотанность, уже не позволяла Трише ломиться сквозь кусты. Она осторожно распутывала их, и со временем девочке начало казаться, что поцарапать ее, а при удаче и вонзиться в глаз — для кустов цель второстепенная. Основную свою задачу они видели в другом: помешать ей идти вдоль ручья. А ведь только он и мог вывести ее к людям.

Если заросли становились совсем уж непроходимыми, Триша соглашалась на то, чтобы отдалиться от русла достаточно далеко. То, что она не видела ручья, ее не смущало. Но слышать

шум бегущей воды считала для себя обязательным. Если этот шум быстро сходил на нет, она опускалась на четвереньки и ползла под зарослями вместо того, чтобы искать в них проход. Под зарослями было мокро и сыро (не то что в сосновом бору, где землю устилал пружинящий под ногами ковер из иголок), рюкзак то и дело цеплялся за ветки, и всегда перед ее лицом висела туча мошкары.

Триша понимала, почему ей так тоскливо, почему опускаются руки, только не находила слов, чтобы сформулировать причину своего дискомфорта. Она словно попала в чужую страну: со многим из того, что она видела и слышала в лесу, Триша сталкивалась впервые и не знала, чего от всего этого ждать. Кое о чем ей рассказывала мать, и Триша могла определить березу, бук, ольху, ель, сосну, стук дятла, карканье ворон, стрекотание цикад… а все остальное? Если мать ей об этом и говорила, то Триша все благополучно позабыла, но скорее всего такого разговора просто не было. Потому что ее мать была типичной горожанкой из Массачусетса, которая довольно продолжительное время прожила в Мэне, любила гулять по лесу и прочитала несколько иллюстрированных справочников о лесных растениях. Как

назывались, к примеру, вот эти густые кусты с блестящими зелеными листьями (пожалуйста, Господи, только бы они не были ядовитыми)? Или те невысокие деревья с серыми стволами? А те, с узкими длинными листьями? Леса у Сэнфорда, которые хорошо знала ее мать, по которым она часто гуляла, одна или с дочерью, казались городским парком в сравнении с лесами, по которым шла сейчас Триша.

Триша попыталась представить себе сотни людей, отправляющихся на ее поиски. Воображением ее природа не обидела, так что поначалу все шло очень даже хорошо. Они видела, как большие желтые школьные автобусы с надписью «ПОИСКОВЫЙ ОТРЯД» на переднем стекле заезжают на автостоянки вдоль того участка Аппалачской тропы, что проходил по территории штата Мэн. Двери открывались, из автобусов выходили люди в коричневой униформе, некоторые с собаками на поводках, все с рациями у пояса, руководители поисковых групп с портативными громкоговорителями на батарейках. Именно их голоса, усиленные техникой, она и услышала бы в первую очередь: «ПАТРИЦИЯ МАКФАРЛЕНД, ГДЕ ТЫ? ЕСЛИ ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ, ИДИ НА ГОЛОС!»

Но тени под сенью деревьев становились все

гуще, плотнее, а она по-прежнему слышала лишь журчание воды (ручей не расширялся и не сужался, оставался точно таким, как и у склона, с которого она скатилась кубарем) да собственное дыхание. И мало-помалу образы крепких мужчин в коричневой униформе, возникшие перед ее мысленным взором, померкли.

Я не могу оставаться здесь всю ночь, подумала она. Все же понимают, что ночью маленькой девочке не место в темном…

Она почувствовала, как ее вновь охватывает паника. Учащенно забилось сердце, во рту пересохло, глаза начали пульсировать в орбитах. Она заблудилась в лесу, ее окружали деревья, названия которых она не знала, она одна в таком месте, где знания, полезные и необходимые в городе, абсолютно не нужны, и помочь ей могут — только интуиция и быстрота реакции. До всего она должна доходить собственным умом. В мгновение ока из цивилизованного мира она перенеслась в первобытный.

Триша боялась темноты даже дома, в своей комнате, хотя через окно в комнату падал свет уличного фонаря. Она думала, что умрет от ужаса, если ей придется провести ночь в лесу.

Ее так и подмывало сорваться с места и бежать

куда глаза глядят. Вода выведет ее к людям? Все это выдумки, сказочки для маленьких детей, которые читают глупые книжки вроде «Маленького домика в прерии». Она прошла вдоль ручья уже не одну милю, а встретила только новых комаров. И теперь ей хотелось убежать от ручья, бежать, бежать и бежать туда, где не было этого непролазного переплетения кустов и деревьев, где на гладком ковре из иголок росли величественные сосны. Бежать и найти людей до наступления темноты. И хотя где-то в глубине души Триша понимала, что идея эта — полный бред, желание бежать не ослабевало. Все так же часто билось сердце, рот напоминал пустыню Сахару, да еще начали зудеть все осиные укусы.

Триша с большим трудом проложила путь через чащобу, деревья там чуть ли не переплелись стволами, и неожиданно для себя выбралась на маленькую серповидную полянку. В этом месте ручей круто поворачивал налево. Полянка, окруженная густыми кустами и деревьями, показалась Трише пятачком райского сада. Имелась даже скамейка — сваленное дерево.

Триша подошла к нему, села, закрыла глаза, попыталась помолиться о спасении. Попросить Бога о том, чтобы плейер не сломался, было легко:

она не думала, что делает, просьба просто вырвалась из души. Теперь же с молитвой возникли проблемы. Ни отец, ни мать Триши в церковь не ходили. И если мамик еще помнила, что была католичкой, то отец, насколько знала Триша, не принадлежал ни к одной церкви. И теперь выяснилось, что девочка не знает языка, на котором говорят с Богом. Она произнесла: «Отче наш», — но прозвучали это слова пресно и неубедительно. Похоже, пользы от них в лесу было не больше, чем от электрической открывалки консервных банок. Триша открыла глаза, огляделась, заметила, насколько темнее стало вокруг, и нервно сцепила пальцы исцарапанных рук.

Она не могла вспомнить, чтобы хоть раз говорила с матерью о душе и Боге, но не далее как месяц назад спросила отца, верит ли тот в Бога. Они сидели во дворе маленького домика в Молдене, ели мороженое «Санни трит», купленного с передвижной лавки: белый, с тренькающим колокольчиком пикап остановился у соседнего дома (от воспоминания о мороженом на глаза Триши вновь навернулись слезы). Пит «ушел в парк». В Молдене это означало, что он тусуется с друзьями.

— В Бога, — повторил отец. Казалось, он пробует

это слово на вкус, словно новый сорт мороженого. «Ванильное с Богом» вместо «Ванильного с орешками». — Почему ты об этом спрашиваешь, сладенькая?

Триша покачала головой, не зная, чем вызван ее вопрос. А теперь, сидя на сваленном дереве в сгущающихся июньских сумерках, она вздрогнула от сверкнувшей в голове мысли: неужели она спросила потому, что какая-то часть ее подсознания, способная заглянуть в будущее, знала о том, что должно произойти? Знала, решила, что без помощи Господа не обойтись, и выдала команду на этот столь необычный для Триши вопрос?

— Бог. — Ларри Макфарленд лизнул мороженое. — Бог, значит… Бог… — И глубоко задумался. Триша молча сидела по другую сторону пластмассового столика, смотрела на маленький двор (траву давно следовало скосить). Я скажу тебе, во что я верю, — наконец заговорил он. — Я верю в Неслышимого.

— В кого? — Триша вскинула глаза на отца, не уверенная, шутит он или нет. Вроде бы не шутил, говорил на полном серьезе.

— Неслышимого. Помнишь наш дом на Открытой улице?

Разумеется, она помнила дом на Открытой

улице. В трех кварталах отсюда, около Линн-таун-лайн. Дом побольше этого, и двор побольше. Там отец всегда скашивал траву вовремя. Тогда она ездила в Сэнфорд, чтобы навестить дедушку и бабушку да на летние каникулы, и с Пепси Робишо общалась только летом. В кухне дома на Открытой улице не стоял запах пива, как в кухне этого маленького домика. Триша кивнула, потому что помнила очень даже хорошо.

— В том доме электрический обогрев. Ты помнишь, как гудели обогревательные блоки, даже когда они ничего не грели? Даже летом?

Триша покачала головой, а ее отец кивнул, словно и не ожидал другого ответа.

— Все потому, что ты к этому привыкла, — пояснил он. — Но, поверь мне на слово, Триша, они гудели всегда. Даже если в доме не стоят электрические обогревательные блоки, там слышны другие звуки. Холодильник включается и отключаются. Гудят трубы. Скрипит пол. С улицы доносится шум проезжающих автомобилей. Мы слышим все это постоянно, но большую часть времени не замечаем этих шумов. Они становятся… — И знаком он предложил ей закончить фразу, как проделывал это еще с тех пор, когда она, совсем маленькая, сидела у него на коленях

и училась читать. Такой знакомый, добрый знак.

— Неслышимыми, — ответила она. Она не совсем понимала значение этого слова, но точно знала, чего он от нее ждал.

— Именно так. — И рука с мороженым резко пошла вниз, словно он хотел поставить жирный восклицательный знак. Пара капель мороженого упала на штанину, и Триша задалась вопросом, столько банок пива он выпил в этот день. — Именно так, сладенькая моя, неслышимыми. Я не верю, что Бог следит за полетом всех птичек в Австралии или всех насекомых в Индии, что Бог записывает все наши грехи в большую золотую книгу и судит нас после нашей смерти… Я не хочу верить в Бога, который по собственному образу и подобию создал людей, а потом отправил их гореть в аду, который также является его творением. Но я верю, что-то должно быть.

Он оглядел слишком уж высокую траву, качели, которые соорудил для сына и дочери (Пит их уже перерос, Триша, по правде говоря, тоже, но иногда качалась на них, чтобы доставить отцу удовольствие), две декоративные фигурки гномов (одна едва проглядывала сквозь сорняки), забор, который нуждался в покраске. Трише показалось, что отец как-то разом постарел. На его лице отра-

жалось замешательство. Даже испуг (он словно заблудился в лесу, подумала Триша уже теперь, сидя на сваленном дереве, с рюкзаком между ног). Тогда же он кивнул и повернулся к ней.

— Да, что-то. Некая необъяснимая сила, которая стремится творить добро. Необъяснимая… ты знаешь, о чем я?

Триша кивнула, хотя и не знала наверняка, но не хотела, чтобы он растолковывал ей уже сказанное вместо того, чтобы продолжать. Она не хотела, чтобы он давал ей урок, во всяком случае сегодня. Сегодня она просто тянулась к новым знаниям, независимо от того, насколько усвоила пройденный материал.

— Я думаю, есть какая-то сила, которая не позволяет пьяным подросткам, большинству пьяных подростков, разбиться насмерть, когда они возвращаются домой после серьезного экзамена или первого в их жизни большого рок-концерта. Эта же сила предотвращает катастрофы большинства самолетов, на борту которых возникают неполадки. Не всех, но большинства. А тот факт, что после сорок пятого года никто не сбрасывал атомную бомбу на головы живых людей, прямо говорит, что нам кто-то или что-то помогает. Рано или поздно кто-нибудь сбросит, без этого не обойтись,

но уже больше полувека… это огромный срок.

Он помолчал, глядя на карликовые деревца, едва проглядывающие сквозь сорняки.

— Есть что-то такое, что не дает большинству из нас умереть во сне. Не идеальный, любящий всех, всевидящий Бог, я не думаю, что есть доказательства Его существования, но некая сила.

— Неслышимый.

— Ты все поняла.

Она, конечно, поняла, но объяснение ей не понравилось. Все равно что получить письмо, как ты предполагаешь важное и интересное, но, вскрыв конверт, обнаружить, что начинается оно словами: «Дорогой квартирант…»

— А ты веришь во что-нибудь еще, папик?

— А как же. В смерть и налоги, и еще в то, что ты у меня — самая прекрасная девочка на всем свете.

— Па-пик. — Она радостно засмеялась, когда отец нежно обнял ее и поцеловал в макушку. Ей нравились прикосновения его рук и поцелуй, но не понравился запах пива изо рта.

Он отпустил ее, встал.

— Я также верю, что наступил пивной час. Хочешь чая со льдом?

— Нет, благодарю, — ответила Триша и тут же

добавила, наверное, потому, что та часть ее подсознания, о которой упоминалось выше, хотела довести дело до конца: — Но все-таки, ты веришь во что-нибудь еще? Если серьезно.

Улыбка увяла, лицо отца стало серьезным. Он стоял, глубоко задумавшись (сейчас, сидя на сваленном дереве, Триша вспомнила, что ей это польстило. Как же, отец глубоко задумался над ее вопросом, то есть отнесся к ней как к равной), мороженое начало капать на руку. Потом он посмотрел на дочь, вновь заулыбался.

— Я верю, что твой любимчик Том Гордон спасет в этом сезоне сорок игр. Я верю, что на сегодня он лучший финишер в обеих профессиональных лигах. Поэтому, если он не получит травму, а у «Сокс» повысится результативность, он будет бросать мяч в играх Мировой серии[13], которые начнутся в октябре. Этого достаточно?

— Да-а-а-а! — крикнула Триша и рассмеялась, позабыв о серьезности своего вопроса… потому что Том Гордон действительно был ее любимчиком, и она любила своего отца за то, что он это

---

[13] Примечания: [13]

Профессиональные бейсбольные команды США объединены в Американскую и Национальную лиги, каждая из которых проводит свой чемпионат. Осенью проводится первенство страны, в котором принимают участие обладатели кубков обеих лиг.

знал и не злился, а, наоборот, поддерживал ее в этом. Она подбежала к нему и крепко обняла. В результате испачкала ему рубашку мороженым, но нисколько не огорчилась. Несколько капель «Санни трит» попали не по назначению? Какие пустяки.

И теперь, в сгущающихся сумерках, прислушиваясь к каплям воды, падающим с листьев, наблюдая, как деревья расплываются перед глазами, принимая странные, может, и угрожающие формы, в ожидании усиленных мегафоном человеческих голосов («ИДИ НА ЗВУК МОЕГО ГОЛОСА») или собачьего лая, Триша подумала: я не могу молиться Неслышимому. Не могла она молиться и Тому Гордону, это уж совсем нелепо, но… она могла послушать, как он будет бросать мяч в игре с «Янкиз»: радиостанция WCAS собиралась транслировать матч. Она, конечно, понимала, что батарейки надо беречь, но хоть немного-то послушать могла, не так ли? И как знать? Может, она услышит усиленные мегафоном голоса и собачий лай еще до окончания матча?

Триша раскрыла рюкзак, осторожно достала «Уокмен» из внутреннего кармана, вставила наушники в уши. На мгновение замялась, почему-то решив, что теперь радио точно не заработает:

какой-то важный контакт разъединился и она услышит тишину, если передвинет рычажок с позиции OFF в положение ON. Глупая, конечно, мысль, но в этот день все шло наперекосяк, так что она бы, наверное, и не удивилась, если б ее подвел и плейер.

Давай, давай, не трусь.

Она передвинула рычажок, и, как по мановению волшебной палочки, в ушах зазвучал голос Джерри Трупано… и, что более важно, загудел стадион в Фенуэй-парк. Она сидела в темном лесу, заблудившаяся, в полном одиночестве, но могла слышать тридцать тысяч человек. Чудо, да и только!

— …какой удар! — надрывался Джерри. — Берни Уильямс остался не у дел. Вторая половина третьего иннинга подходит к концу, у «Янкиз» все те же два очка, а на счету «Бостон Ред сокс» по-прежнему пусто.

Тут веселенький голос предложил Трише позвонить по телефону 1-800-54-GIANT, если ей надо починить какие-либо неисправности в автомобиле, но Триша не слушала. Раз команды отыграли два с половиной иннинга, значит, уже восемь вечера. Поначалу это казалось невероятным, но сумерки-то сгущались. А значит, она в лесу уже

десять часов. Целую вечность.

Триша отмахнулась от мошкары (жест этот стал уже автоматическим) и полезла в бумажный пакет с ленчем. Сандвич с тунцом пострадал гораздо меньше, чем она ожидала. Расплющился, но остался сандвичем. Во всяком случае, не размазался по стенкам пакета.

Триша слушала репортаж о матче и медленно съела половину сандвича, тщательно пережевывая каждый кусочек. Еда разбудила ее аппетит, она без труда могла съесть и вторую половину, но убрала ее в пакет и съела расплющенные печенья «Туинкиз», соскребла с обертки и тесто, и белую кремовую начинку. Достав пальцем все, что могла, Триша вывернула упаковку наизнанку, слизала с нее остатки крема и убрала в бумажный пакет. Потом позволила себе три больших глотка «Сэдж», пошарила по дну рюкзака в поисках затерявшихся там крошек картофельных чипсов. Тем временем «Ред сокс» и «Нью-йоркские янкиз» закончили третий и отыграли четвертый иннинг.

К середине пятого «Янкиз» вели четыре — один, и Мартинеса сменил Джим Корси. Ларри Макфарленд относился к Джиму Корси с глубоким недоверием. Как-то раз, когда он и Триша говорили по телефону о бейсболе, Ларри сказал:

«Попомни мои слова, сладенькая, Джим Корси „Ред сокс“ не друг». Триша тут же захихикала, просто не смогла сдержать смех. Очень уж напыщенная получилась фраза. Несколько секунд спустя засмеялся и Ларри. И она вошла в число фраз, понятных только им двоим, стала еще одним паролем: «Попомни мои слова, Джим Корси „Ред сокс“ не друг».

В первой половине шестого иннинга Корси, однако, показал себя другом «Бостон Ред сокс», поскольку счет остался прежним и «Янкиз» не увеличили отрыв. Триша понимала, что должна выключить радио, чтобы не сели батарейки. Том Гордон не мог выйти на поле в игре, по ходу которой «Ред сокс» уступали три перебежки-очка, но не могла заставить себя отключиться от стадиона в Фенуэй-парк. Она вслушивалась в гудение голосов зрителей с куда большим интересом, чем в разглагольствования комментаторов — Джерри Трупано и Джо Кастильоне. Эти люди сидели на трибунах, ели хот-доги, пили пиво, выстраивались в очередь, чтобы купить с лотка сувениры и мороженое, наблюдали, как Даррен Льюис — комментаторы частенько называли его Ди-Лу

— встает на место бэттера[14]. В ярком свете прожекторов он отбрасывает длинную тень, а небо над стадионом становится все темнее и темнее по мере того, как день плавно переходит в ночь. Триша не могла решиться поменять гудение тридцати тысяч зрительских голосов на гудение мошкары, которое усиливалось с приближением ночи, капель с листьев, стрекотание цикад… и другие звуки, которые могла принести с собой ночь.

Именно этих других звуков Триша боялась больше всего.

Звуков из тьмы.

Ди-Лу сыграл не слишком удачно, но одним аутом позже блестящий удар, вызвавший бурные восторги комментаторов, удался Мо Вогну.

---

[14] Примечания: [14]

Бэттер — игрок из команды нападения, отбивающий с помощью биты броски питчера в пределах боковых границ площадки. Бэттер занимает свое место и не должен покидать его после того, как питчер встал в позицию броска. Покидая отведенную ему зону, он рискует тем, что будет объявлен страйк и в него попадут мячом. Бэттер должен так отбить мяч, чтобы дать возможность себе уже в качестве раннера и другим игрокам команды быстрее перебежать от базы к базе и достичь «дома». Бэттер становится раннером и имеет право на занятие первой базы, когда: а) мяч после питча (броска питчера), который бэттер не собирается отбивать, касается его (если он не находится в страйк-зоне и не пытается уклониться от мяча; б) в действия бэттера вмешивается кэтчер или любой другой полевой игрок; в) игровой мяч на игровой территории до соприкосновения с игроками касается арбитра. После трех промахов бэттеров команды меняются ролями. Дуэль питчера и бэттера — стержень бейсбольного матча.

— Через все поле, через все поле, ЧЕРЕЗ ВСЕ ПОЛЕ! — ликовал Джерри Трупано. — «Ред сокс» бросились в погоню за «Янкиз». Мо Вогн, поздравляем тебя с круговой пробежкой[15]. Двадцатой в этом сезоне. И преимущество «Янкиз» сокращается до одного очка.

Сидя на стволе упавшего дерева, Триша засмеялась, захлопала в ладоши, натянула на голову бейсболку с росписью Тома Гордона. Ее уже окружала ночь.

Во второй половине восьмого иннинга мяч после удара Номара Гарчапарры ударился о защитный экран, протянутый вдоль дальнего конца поля, и заработал еще два очка. «Ред сокс» повели пять — четыре, и в первой половине девятого иннинга в круг питчера ступил Том Гордон.

Триша соскользнула со ствола упавшего дерева на землю. Кора больно царапнула по осиным укусам повыше бедра, но девочка этого даже и не заметила. Комары тут же оккупировали голую кожу, появившуюся из-под задравшихся фуфайки и лохмотьев пончо, чтобы полакомиться свежей

---

[15] Примечания: [15]

Пробежка бэттера по всем трем базам с возвратом в «дом» после того, как ему удалось выбить мяч настолько далеко, что ему удается вернуться в «дом», прежде чем полевой игрок успевает поймать мяч и осалить его.

кровью, но Триша не чувствовала их укусов. Уставившись на ручей, еще поблескивающий в темноте, усевшись на влажную после дождя землю, она прижала пальцами уголки рта. Том Гордон должен сохранить отрыв в одно очко, это очень важно, почему, она сказать не могла, просто знала, он должен принести «Ред сокс» победу над могучими «Янкиз», которые лишь однажды, в начале сезона, проиграли Анахайму, а потом не знали поражений.

— Давай, Том, — прошептала она.

В номере отеля «Касл-Вью» ее мать не находила себе места. Ее отец рейсом авиакомпании «Дельта» летел из Бостона в Портленд, чтобы быть рядом с Куиллой и их сыном. К полицейскому управлению округа Касл возвращались поисковые группы (точь-в-точь такие, какими их представляла себе девочка): на первых порах их усилия не принесли желаемого результата. У здания полицейского управления стояли микроавтобусы трех телевизионных станций из Портленда и двух — из Портмаунта. Три десятка опытных лесников и охотников, некоторые с собаками, оставались в лесах, окружающих город Моттон и расположенных на территории трех районов, не имеющих названия: ТР-90, ТР-100 и

ТР-110, то есть в местах, граничащих с Нью-Хэмпширом. Те, кто продолжал поиски, сходились во мнении, что Патриция Макфарленд должна быть или около Моттона, или в ТР-90. В конце концов, она — маленькая девочка и не могла далеко уйти от того места, где ее видели в последний раз. Эти опытные лесники, егери, охотники удивились бы донельзя, узнав, что Триша в этом момент находилась в девяти милях к западу от основного района поисков.

— Давай, Том, — прошептала она. — Давай, Том, раз-два-три, ты знаешь, как это делается.

Но в этот раз у Тома Гордона не получилось. И девятый иннинг начался с того, что симпатичный, но очень опасный для соперника Дерек Джетер перешел на первую базу[16]. Тут же Трише вспомнились слова отца о том, что, если команда начинает иннинг с прогулки игрока на первую базу, вероятность того, что она сравняет счет, поднимается до семидесяти процентов.

Если мы выиграем, если Том удержит счет, то спасут и меня. Мысль эта пришла внезапно, сверкнула в голове словно молния.

---

[16] Примечания: [16]

Бэттер получает право перейти на первую базу после четвертого бола питчера (болом считается мяч, брошенный питчером вне зоны удара и зафиксированный судьей до нанесения бэттером удара по мячу).

Глупо, конечно, так же глупо, как и стучать по дереву, предваряя бросок питчера после трех болов и двух страйков[17] (это всякий раз проделывал ее отец), но темнота становилась все чернее, ручей совсем пропал из виду, Триша могла лишь слышать его, так что у девочки оставалась только одна надежда: если Том Гордон спасет игру, она тоже будет спасена.

Полу О'Нейлу повезло меньше, чем Джетеру. Первый аут. Место бэттера занял Берни Уильямс.

— Очень опасный бэттер, — прокомментировал Джо Кастильоне.

И точно, Уильямс отбил мяч в центр поля, а Джетер тем временем успел перебежать с первой базы на третью.

— Зачем ты это сказал, Джо? — простонала Триша. — Господи, ну зачем ты только это сказал?

Раннеры на первой и на третьей базах, только один аут. Толпа на стадионе ревела, подбадривая Гордона, надеясь, что финишер не подведет, вытащит игру.

— Давай, Том, давай, Том, — шептала Триша.

---

[17] Примечания: [17]

Страйк — пропущенный бэттером бросок. Пропуск засчитывается, если бэттер промахивается по правильно поданному питчером мячу (мяч должен пролететь в зоне страйка: пространство над «домом» на высоте между уровнем подмышек и колен бэттера). Три страйка бэттера засчитываются как аут, и он выходит из игры.

Мошкара вилась тучей, но девочка более не замечала назойливых насекомых. Отчаяние пробралось в ее сердце, ледяное, как тот отвратительный голос, что помимо ее воли время от времени звучал в голове. «Янкиз» слишком сильны. Простая пробежка, за которую дают очко, позволит им сравнять счет, круговая выведет вперед, и все будет кончено. Догнать их уже не удастся. А место бэттера занял этот ужасный, ужасный Тино Мартинес, самый опасный из всех «Янкиз». Небось стоит сейчас, покачивает битой и пристально наблюдает за каждым движением Гордона.

Дважды Мартинес отбил мяч, но не слишком удачно, поэтому не успел перебежать на первую базу, дважды промахнулся, а потом Гордон решился на крученый бросок.

— Вышибай его! — крикнул Джо Кастильоне. А потом запнулся, словно не мог поверить своим глазам. — Фантастика! Мартинес промахнулся на фут!

— Два фута, — поправил его Трупано.

— Похоже, начинается самое интересное, — продолжил Джо. Триша слышала и другие голоса, болельщиков, которые все громче подбадривали своих любимцев. Не только голосом. Они еще

и начали ритмично хлопать в ладоши. Должно быть, весь стадион встал, как прихожане в церкви при исполнении псалма. — Двое на поле, два аута, «Ред сокс» по-прежнему на очко впереди. Том Гордон в круге питчера, а…

— Не говори этого, — прошептала Триша, все еще сжимая руками уголки рта. — Не смей этого говорить!

Но Кастильоне ее не услышал.

— …место бэттера занимает, как всегда, опасный Дэррил Строуберри.

Вот и все. Игра сделана. Этот сатана Джо Кастильоне раскрыл рот и все испортил. Почему он не мог ограничиться только именем и фамилией? Почему добавил «как всегда, опасный»? Всякий дурак знает, что опасными они становятся благодаря болтливым комментаторам.

— Итак, всем приготовиться, пристегнуть ремни, — вещал Джо. — Строуберри вскидывает биту. Джетер приплясывает на третьей базе, стараясь хоть как-то отвлечь внимание Гордона. Не получается. Гордон смотрит на кэтчера[18]. Тот зна́ком показывает, что готов. Все замирают. Гордон бросает… Строуберри пытается отразить бросок

[18] Примечания: [18]

Игрок, который располагается позади «дома» и ловит мяч перчаткой-ловушкой после броска питчера, если его не отбивает битой бэттер.

и промахивается, первый страйк. Строуберри качает головой, словно не понимает, как такое могло случиться…

— А чего там не понимать, — вмешался Трупано. — Бросок-то был отменный.

Помолчи, Джерри, просто помолчи, подумала Триша, сидя в кромешной тьме, окруженная тучей мошкары.

— Строуберри отступает на шаг, поправляет перчатки, вновь занимает место бэттера. Гордон смотрит на Уильямса на первой базе… на трибуны… бросает. Низко, вне зоны страйка.

Триша застонала. Ее пальцы так надавливали на щеки, что губы выпятились в какой-то неестественной улыбке. Сердце гулко стучало в груди.

— Игра продолжается, — воскликнул Джо. — Гордон готов. Бросает, Строуберри отбивает, мяч летит на правую половину, если он попадет в площадку, все будет кончено, но его сносит… сносит… сно-си-и-т…

Триша ждала, затаив дыхание.

— Мяч за боковой, — сообщил наконец Джо. И девочка шумно выдохнула. — Но оч-ч-чень близко. Ударь Строуберри чуть слабее, и была бы у него круговая пробежка. Мяч упал в шести или восьми футах от боковой.

— Пожалуй что в четырех, — не согласился с ним Трупано.

— Хоть бы и в одном, — прошептала Триша. — Давай, Том, давай. Пожалуйста.

Но у него ничего не выйдет. Она это знала наверняка. Слишком силен соперник. Не мог Том справиться со всеми.

Однако она буквально видела его. Невысокий и широкоплечий, как Рэнди Джонсон. Не маленький и круглый, как Рич Гарсис. Среднего роста, стройный… и красивый. Очень красивый, особенно в бейсболке, с козырьком, прикрывающим глаза… да только отец говорил, что в бейсболе практически все игроки красивые. «Это у них в генах, — указывал он. — Разумеется, у большинства в голове — опилки, так что одно компенсируется другим». Но в Томе Гордоне она выделяла не только внешность. Особое впечатление производило на нее его спокойствие перед броском. Он не ходил по кругу питчера, не наклонялся, чтобы завязать шнурок, не лазил не пойми зачем в сумку. Он стоял в круге в слепящей глаза белой униформе и спокойно ждал, пока бэттер займет исходную стойку. И разумеется, неизменный жест Гордона, который сопровождал каждую победу. Жест, с которым он выходил из круга. От

этого жеста Триша просто млела.

Гордон разворачивается и бросает… в молоко! Веритек блокирует бросок своим телом и спасает очко «Ред сокс». То самое очко, на которое они пока впереди.

— Да что это такое, — простонала Триша.

Джо даже не пытался подсластить пилюлю.

— Гордон тяжело вздыхает. Строуберри в исходной стойке. Бросок… выше.

В наушниках раздался возмущенный рокот трибун.

— Тридцать тысяч зрителей с этим не согласны, Джо, — заметил Трупано.

— Совершенно верно, но решающее слово за Ларри Барнеттом, который стоит за «домом», а он говорит, что высоко. В этом микроматче пока впереди Дэррил Строуберри: три бола на два страйка.

Болельщики все сильнее хлопали в ладоши, подбадривая Тома Гордона. Ритмичный гул заполнил голову Триши. Не отдавая себе отчета в том, что делает, она постучала по стволу дерева, к которому привалилась спиной.

— Болельщики стоят, — комментировал Джо Кастильоне. — Все тридцать тысяч. Сегодня с трибун не ушел никто.

— Может, один или два, — ввернул Трупано. Триша пропустила его слова мимо ушей. И Джо скорее всего тоже.

— Гордон приготовился к броску.

Да, она могла его себе представить. Руки вместе, смотрит он уже не на «дом», а куда-то за левое плечо.

— Гордон начинает бросок.

И это она тоже увидела как наяву: отставленная левая нога возвращается к правой, а руки, одна в перчатке, вторая держащая мяч, поднимаются на уровень груди. Она видела даже Берни Уильямса, который дернулся на своей базе, пытаясь отвлечь Тома Гордона, но тот конечно же ничего и не заметил. Все его внимание сконцентрировалось на перчатке Джейсона Веритека, кэтчера, который, пригнувшись, замер за «домом».

— Гордон бросает… и…

Болельщики подсказали ей результат своим радостным ревом.

— Третий страйк! — Джо кричал в микрофон. — О Боже, он сделал крученый бросок при трех к двум и застал Строуберри врасплох. «Ред сокс» выигрывают пять — четыре у «Нью-йоркских янкиз», а Том Гордон спасает восемнадцатую игру. — Тут его голос вернулся к нормальному

уровню. — Игроки «Ред сокс» сбегаются к кругу питчера, первым спешит Мо Вогн, но, прежде чем он обнимает Гордона, тот успевает отсалютовать победе тем самым жестом, который так полюбился болельщикам «Бостон Ред сокс». И к которому они уже привыкли, потому что видят его все чаще и чаще.

Из глаз Триши брызнули слезы. Она выключила плейер и просто сидела на влажной земле, привалившись спиной к стволу упавшего дерева, широко раскинув ноги, прикрытые сверху лохмотьями синего пластикового пончо. Плакала она, пожалуй, даже сильнее, чем в тот раз, когда впервые осознала, что заблудилась, да только теперь это были слезы радости. Она заблудилась, но ее найдут. Том Гордон спас игру, следовательно, спасут и ее.

Все еще плача, она сняла пончо, расстелила на земле у самого ствола, частично даже под ним. Улеглась на пончо. Проделывала она все это автоматически. Потому что мысленно еще находилась на стадионе в Фенуэй-парк. Видела, как Мо Вогн бежит к кругу питчера, чтобы поздравить Тома Гордона. Как его примеру следуют Номар Гарчапарра, Джон Валентин, Марк Лемке. Но, прежде чем они подбегают к своему питчеру,

Гордон салютует победе: вскидывает руку вверх. С нацеленным в небо указательным пальцем.

Триша убрала «Уокмен» и, прежде чем улечься, на мгновение вскинула руку вверх, совсем как Гордон, с нацеленным в небо указательным пальцем.

От этого жеста ей и полегчало, и поплохело. Полегчало, потому что движение это, без всяких слов, заменяло молитву. Поплохело, потому что особенно остро почувствовала свое одиночество. Жест а-ля Том Гордон с предельной ясностью показал ей, что она заблудилась. Голоса, которые выплескивались из наушников «Уокмена» и наполняли ее голову, теперь обернулись голосами призраков. По телу Триши пробежала дрожь. Не хотела она думать о призраках, особенно здесь, в темном лесу, у ствола упавшего дерева. Ей недоставало матери. А еще больше ей хотелось быть с отцом. Ее отец смог бы вызволить ее отсюда, он взял бы ее за руку и вывел к людям. А если бы она устала и не смогла идти дальше, то взял бы ее на руки и понес. У него такие сильные мышцы. Когда она и Пит оставались у него на уик-энд, в субботу вечером он брал ее на руки и относил в маленькую спальню. Относил даже теперь, хотя ей было уже девять (и для своего возраста девоч-

кой она была крупной). Ей это очень нравилось.

Триша призналась себе, вот уж воистину удивительно, что ей недостает даже ее занудного, вечно всем недовольного брата.

Плача, всхлипывая, она заснула. Кровососы, кружащиеся в темноте, надвинулись на нее. А потом оккупировали открытые участки кожи и устроили пир, набросившись на ее кровь и пот.

Ветерок пролетел по лесу, шевельнул листьями, стряхивая последние капли дождя. Потом на несколько секунд все затихло. Не все, конечно. Похрустывали сучки, падали капли. Мгновением позже захлопали крылья, неподалеку возмущенно каркнула ворона. Вновь лес затих. Спала и Триша, положив голову на вытянутую руку.

Вторая половина четвертого иннинга

Они сидели во дворе за маленьким домиком отца в Молдене, вдвоем, на раскладных, тронутых ржавчиной стульях, смотрели на траву, выросшую больше чем следует. Два гнома улыбались Трише поверх сорняков. Она плакала, потому что папик обошелся с ней грубо. Такого он раньше не позволял, всегда обнимал ее, целовал в макушку, называл сладенькая, а тут обошелся грубо, и все потому, что она не хотела откинуть обитую металлом крышку люка у кухонного окна, спуститься на четыре ступеньки в подвал и принести банку пива из упаковки, которую он держал там, потому что любил холодное пиво. Она очень расстроилась, и слезы, должно быть, раздражали кожу, потому что зудело все лицо. Да и руки тоже.

— Дочка дуется, папка хмурится. — Отец наклонился к ней, она уловила запах его дыхания. Незачем ему пить пиво, он уже достаточно выпил, изо рта пахло дрожжами и дохлой мышью. — Ну почему ты у меня такая трусишка? Неужели нет

в тебе ни капельки смелости?

Слезы все капали, но ей очень уж хотелось показать отцу, что смелости у нее хоть отбавляй, во всяком случае, пара капель найдется. Поэтому она поднялась со ржавого раскладного стула и направилась к еще более ржавой крышке люка над лестницей в подвал. Все тело зудело, и не хотелось ей открывать дверь в подвал, потому что за ней затаилось что-то ужасное. Все об этом знали, даже гномы, поставленные отцом на лужайке, головы которых едва виднелись в высокой траве. Они предупреждали ее своими двусмысленными улыбками. Триша тем не менее потянулась к ручке — и ахнула, потому что за спиной раздался изменившийся до неузнаваемости голос отца, который понукал ее, понукал, понукал, давай, мол, давай, дочка дуется, давай, сладенькая, давай, милая, сделай то, о чем тебя просят.

Она подняла крышку люка и увидела, что четырех ступеней, ведущих в подвал, нет. И лестницы нет. Потому что ее место заняло огромное осиное гнездо. Сотни ос вылетали из черной дыры, напоминающей широко раскрытый глаз человека, который умер изумленным, нет, не сотни, тысячи ос летели на нее, чтобы поразить ядовитыми жалами. Она поняла, что убежать времени нет,

сейчас они накинутся на нее, ужалят одновременно и она умрет, а они будут ползать по ней, заползать в глаза, заползать в рот, наполнять язык ядом, а потом поползут дальше, в горло…

Триша подумала, что она кричала, но, ударившись головой о ствол лежащего на земле дерева, после чего на ее слипшиеся от пота волосы дождем посыпались кусочки коры и мха, услышала только слабенькое повизгивание. Горло словно перехватила чья-то железная рука, так что более громких звуков издавать она не могла.

В первое мгновение она не соображала, что к чему, удивилась, отчего у нее такая жесткая кровать, задалась вопросом, обо что она могла удариться головой… неужели во сне она забралась под кровать? И по ее коже ползли мурашки, ползли в прямом смысле. Все из-за сна, из которого ей только что удалось вырваться. О Боже, какой же ей приснился кошмар.

Триша вновь стукнулась головой и окончательно пришла в себя. Она не в своей кровати и даже не под кроватью. Она в лесу заблудилась. Она спала под деревом, и по коже по-прежнему ползут мурашки. Только не мурашки это, вызванные страхом, а…

— Убирайтесь, убирайтесь, мерзавцы! — закри-

чала Триша, замахала руками, и большинство мокрецов и комаров снялись с облюбованных аэродромов и вновь образовали облако. Ощущение, что по коже ползут мурашки, исчезло. А вот нестерпимый зуд остался. Ос не было и в помине, но искусали ее капитально. Она спала, а ее кусали и кусали. Так что теперь зудело все тело. И ей хотелось попи́сать.

Триша выползла из-под дерева, жадно хватая ртом воздух, морщась от боли. Шея, левое плечо, левая рука и левая нога, та половина тела, на которой она спала, онемела. Стала как деревянная, говорила в таких случаях мать. У взрослых (во всяком случае, в ее семье) присказки находились по любому поводу: онемелый как деревяшка, радостный как жаворонок, шустрый как кузнечик, глухой как тетерев, темно, как у коровы в желудке, мертвый, как…

Нет, вот этого не надо, по крайней мере сейчас.

Триша попыталась встать, не смогла, на четвереньках выползла на полянку-полумесяц. Постепенно чувствительность начала возвращаться и в руку, и в ногу: в них словно впились тысячи иголочек.

— Дери-раздери, — простонала Триша, главным образом для того, чтобы услышать собственный

голос. — Здесь темно, как у коровы в желудке.

Но только добравшись до ручья, Триша поняла, что на полянке совсем и не темно. Ее заливал лунный свет, холодный и чистый, достаточно сильный для того, чтобы она, Триша, могла отбрасывать четкую тень, а вода — искриться. Над головой висел большой серебряный круг, слишком яркий, чтобы смотреть на него… но Триша посмотрела, вскинув к небу зудящее, искусанное лицо. Луна в эту ночь светила так сильно, что «гасила» все звезды, за исключением самых ярких, но отчего-то в свете этого «фонаря», возможно, из-за того, откуда смотрела на него Триша, девочка особенно остро почувствовала свое одиночество. Совсем недавно, во время бейсбольного матча, она загадала, что ее спасут, если Том Гордон спасет игру. Теперь она понимала, что это ерунда. С тем же успехом можно стучать по дереву, бросать соль через левое плечо и осенять себя знаком креста, как проделывал Номар Гарчапарра, вставая на место бэттера. Здесь не было телекамер, переигровок, болельщиков. Только холодная красота лика луны, которая как бы говорила ей, что Неслышимый — не такая уж выдумка, Бог, который не знал, что Он (или Оно) и есть Бог, который не интересовался судьбой заблудившей-

ся маленькой девочки, который вообще ничем особо не интересовался. Бог — переменчивый, как комариная туча над ее головой, а оком этого Бога была далекая и яркая луна.

Триша наклонилась над ручьем, чтобы умыться, снять этот невыносимый зуд, увидела свое отражение и застонала. Осиный укус повыше левой скулы раздуло еще больше (может, она поцарапала или ударила его во сне). Головка укуса прорвала ил, которым она намазала щеку, и теперь напоминала проснувшийся вулкан, окруженный полями засохшей и растрескавшейся лавы. Из-за укуса и глаз изменил форму, стал каким-то жутким, страшным, такие глаза заставляют отворачиваться, если на улице движутся тебе навстречу, потому что обычное их место — лица умственно отсталых людей. Да и остальное не радовало: желваки в месте осиных укусов, припухлости там, где во время ее сна кормились сотни комаров. У самого берега была заводь, и в практически стоячей воде Триша увидела, что один комар так и не улетел. Прицепился к уголку правого глаза, слишком раздувшийся, чтобы подняться в воздух. Еще одна присказка взрослых пришла на ум: напился, как верблюд.

Триша раздавила комара, брызнувшая кровь

попала в глаз, его сразу стало щипать. Трише удалось не вскрикнуть, но звук отвращения, ф-ф-ф-ф-ф-у, все-таки сорвался с плотно сжатых губ. Она смотрела на окровавленные пальцы, не веря своим глазам. Столько крови в одном комаре! Невероятно!

Сложив ладони ковшиком, Триша зачерпнула воды, умылась. Пить не стала, вспомнив, как кто-то сказал, что из лесных ручьев пить нельзя: можно заболеть. Но для воспаленной кожи вода, наоборот, стала лекарством: ее словно погладили прохладным шелком. Девочка зачерпнула воду еще раз, смочила шею, руки до локтя. Потом набрала со дна ил и начала намазывать на лицо и шею, от круглого воротника свитера, на спине которого красовалось: 36 ГОРДОН, до линии волос. При этом ей вспомнился эпизод из комедии «Я люблю Люси», который она видела в передаче «С Ником в девять». Люси и Этель в салоне красоты, каждая с грязевой маской на лице. Приходит Деси, смотрит на одну, на вторую и спрашивает: «Эй, Люси, которая из вас ты?» Зрители, конечно, покатывались со смеху. Триша понимала, что выглядит точно так же, как Люси и Этель, но ее это нисколько не волновало. Зрителей не было, смеха — тоже, а кровососы ее достали. Они же

просто могли свести ее с ума.

Илом она мазалась минут пять, в конце очень аккуратно намазала веки, вновь наклонилась над водой, чтобы посмотреть на свое отражение. Увидела девочку с грязевой маской на лице, залитую лунным светом. Лицо стало серым, словно ваза, извлеченная из земли в ходе археологических раскопок. Выше стояли дыбом грязные волосы. Глаза белые, мокрые, испуганные. Выглядела она совсем не смешной, не то что Люси и Этель с грязевыми масками, которые сделали им в салоне красоты. Выглядела она мертвой. Мертвой и плохо набальзамированной, или как там это называется.

Глядя на лицо в воде, Триша прошептала: «А потом Маленький Черный Самбо сказал: „Пожалуйста, тигры, не берите мою красивую новую одежду“».

Тоже не смешно. Ну совершенно несмешно. Триша намазала илом предплечья, потом потянулась к воде, чтобы помыть руки, передумала. Зачем? Расчищать место для кровососов?

Покалывания в левых руке и ноге исчезли: кровообращение восстановилось. Триша смогла присесть на корточки и попи́сать, не повалившись на бок. Могла она также стоять и ходить,

хотя морщилась от боли всякий раз, когда поворачивала голову направо или налево. Триша решила, что у нее смещение шейных позвонков. Такое случилось с миссис Четвинд, которая жила в их квартале, когда какой-то старик врезался сзади в ее автомобиль, остановившийся на красный свет. Старик остался невредим, а миссис Четвинд лечилась шесть недель и носила специальный корсет. Может, и ей на шею наденут корсет, когда она выберется отсюда? Может, ее доставят в больницу на вертолете с красным крестом, как в «Военно-полевом госпитале»[19], и…

Забудь об этом, Триша, — все тот же пугающе-ледяной голос. Не будет тебе никаких шейных корсетов. И вертолета тоже.

— Заткнись, — пробормотала девочка, но голос не унимался.

Тебя даже не набальзамируют, потому что им не удастся найти твое тело. Ты умрешь здесь, до самой смерти бродя по этим лесам. Потом придут

---

[19] Примечания: [19]

Нашумевший комедийный фильм производства киностудии «XX век — Фокс» 1970 г. (режиссер Роберт Олтман). Считается вехой в истории масс-культуры. Первый фильм о войне, где она показана без ура-патриотизма, в жанре «черной комедии». В 1972 г. на основе фильма создан телесериал, с большим успехом шедший до 1983 г. Трансляцию Си-би-эс последней, 251-й серии в 1983 г. смотрели 106 миллионов американцев — самая большая аудитория, когда-либо подключавшаяся к одной передаче. Демонстрировался и по российскому телевидению.

животные и обглодают твое тело до костей. А когда-нибудь какой-то охотник случайно наткнется на твои кости.

В эти ужасные слова поневоле верилось: точно такие истории она слышала в телевизионных выпусках, и не раз. Триша снова заплакала. Она буквально увидела охотника, мужчину в ярко-красной куртке, оранжевой шапочке, мужчину, которому давно следовало побриться. Он оглядывается. Ищет место, где мог бы залечь в засаде, подстерегая лося. Или просто справить малую нужду. Видит что-то белое и думает, обычный камень. Подходит ближе и замечает, что камень с глазницами.

— Хватит, — прошептала девочка, возвращаясь к упавшему дереву. Поправила расстеленное под ним превратившееся в лохмотья пончо (пончо она теперь ненавидела; непонятно почему, но оно стало для Триши символом всех тех несчастий, что выпали на ее долю). — Прекрати. Пожалуйста.

Но ледяной голос не собирался прислушиваться к ее просьбе. Потому что ему еще было что сказать. Вот он и сказал.

Может, тебе не удастся просто умереть. Может, тебя убьет зверь, который бродит сейчас по лесу,

и съест.

Триша схватилась рукой за торчащую из ствола сухую ветвь, нервно озираясь. С момента пробуждения она могла думать о том, что у нее чешется все тело. Теперь ил успокоил зуд как от комариных, так и от осиных укусов, и она вновь осознала, что с ней произошло: ночь, дремучий лес и она, одна-одинешенька.

— По крайней мере светит луна. — Триша оглядела полумесяц полянки. Вроде бы она стала меньше, словно деревья и кусты придвинулись к ручью, пока она спала. Угрожающе придвинулись.

И от лунного света проку было не так уж и много, как ей поначалу показалось. Действительно, на полянке он высвечивал каждую травинку. Но эта обманчивая яркость смешивала реальность с нереальностью. Тени становились слишком уж черными, и когда ветер шевелил листвой, тени эти меняли свои очертания, вселяя тревогу.

В лесу что-то хрумкнуло, затихло, хрумкнуло вновь.

Где-то далеко ухнул филин.

Гораздо ближе треснула ветка.

Что там такое? Триша повернулась на звук треснувшей ветки. Сердце с ровного шага пере-

шло на трусцу, потом на бег. Еще через несколько секунд оно неслось во всю прыть, и Триша едва не сорвалась с места, поддавшись панике. Еще чуть-чуть, и она бежала бы, как олень от лесного пожара.

— Ничего страшного, ничего страшного. — Голос у нее стал низкий и хрипловатый… очень похожий на голос матери, хотя Триша этого знать не могла. Не знала она и о том, что в номере мотеля, расположенного в тридцати милях от упавшего дерева, рядом с которым стояла сейчас Триша, Куилла рывком села, вырвавшись из тревожного сна, в полной уверенности, что что-то ужасное случилось с ее заблудившейся в лесу дочерью. Случилось или должно вот-вот случиться.

Ты услышала зверя, Триша, сообщил ледяной голос. Произнес он эти слова вроде бы с печалью, но сквозь нее проступала злоба. Он идет к тебе. Он уловил твой запах.

Лунный свет изменил очертания деревьев, превратил их в черепа с проваленными глазницами. Звук двух ветвей, трущихся друг о друга, превратился в урчание чудовища. Триша медленно поворачивалась, пытаясь увидеть все и сразу, ее глаза круглыми белыми плошками выделялись

на сером иле ручья.

Это необычный зверь, Триша. Зверь, который охотится на заблудившихся в лесу людей. Он позволяет им бродить по лесу, пока они не напугаются до смерти, от страха человечина становится вкуснее, слаще, а потом приходит к ним. Ты его увидишь. Он покажется из-за деревьев с минуты на минуту. А увидев его морду, ты сойдешь с ума. Если бы кто-нибудь услышал тебя, они бы подумали, что ты кричишь. Но на самом деле ты будешь смеяться, не так ли? Потому что именно так ведут себя безумцы в конце жизни — они смеются… и смеются… и смеются.

— Прекрати, нет тут зверя, нет в лесу такого зверя, прекрати!

Эти слова Триша прошептала очень быстро, не выпуская из руки сухой ветви, сжимая ее сильнее и сильнее, пока та не отломилась с громким треском. Словно выстрелил стартовый пистолет. От этого звука Триша аж подпрыгнула, вскрикнула, но и в значительной мере успокоилась. Она же знала, что это за звук. Ветка, обычная ветка, которую она сломала. Она может ломать ветки, она может определить, что реальное, а что — нет. Звуки всего — лишь звуки. Тени всего — лишь тени. Она может бояться, она может слушать этот

предательский голос, если ей того хочется, но нет никакого зверя — необычного зверя — в лесу. Звери, конечно, есть, обычные лесные звери, и нет никаких сомнений в том, что они каждую секунду ведут борьбу за существование (не съешь ты — съедят тебя), но нет…

Есть.

Голос не ошибся.

В тот самый момент, позабыв о тех мыслях, что только что роились в голове, затаив дыхание, Триша окончательно и бесповоротно поняла: она не одна. Рядом кто-то есть. В голове ее не слышались голоса, но сработала какая-то сигнальная система, о существовании которой она даже не подозревала, которая не была востребована в мире домов, телефонов и электричества, которая включалась только в глухом лесу. Эта система не могла видеть, не могла думать, она только чувствовала. Вот она и почувствовала, что совсем рядом кто-то есть.

— Привет! — обратилась Триша к залитым лунным светом деревьям. — Привет! Есть тут кто-нибудь?

В номере мотеля «Касл-Вью», который Куилла попросила Ларри Макфарленда разделить с ней, Ларри, в пижаме, сидел на краю кровати, обнимая

за плечи бывшую жену, одетую в самую тонкую из своих хлопчатобумажных ночных рубашек. И хотя Ларри знал, что под рубашкой ничего нет, а в последний год роль сексуального партнера выполняла у него левая рука, страсть в нем не закипала (во всяком случае, не было желания тут же завалить жену на кровать). Он чувствовал, что Куилла дрожит всем телом.

— Ну что ты так разволновалась, — успокаивал он ее. — Это дурной сон, ничего больше. Кошмар, который тебя и разбудил.

— Нет. — Куилла так яростно замотала головой, что ее волосы отхлестали Ларри по щекам. — Она в беде, я это чувствую. Ей грозит смертельная опасность. — И она заплакала.

Триша не плакала. В тот момент. Так испугалась, что не могла плакать. Кто-то наблюдал за ней. Кто?

— Привет! — вновь обратилась она к деревьям. Ответа не последовало. Но наблюдающий не стоял на месте, двигался, огибая полянку, слева направо. И ее взгляд двигался следом. Она ничего не видела, но чувствовала, куда надо смотреть. Треснула веточка. Послышался тихий выдох… послышался ли? Может, то было дуновение ветерка?

Ты знаешь, что это не так, прошептал ледяной голос, и, разумеется, она знала.

— Не причиняй мне вреда, — попросила Триша, вот теперь у нее на глазах выступили слезы. — Кто бы ты ни был, пожалуйста, не причиняй мне вреда. Я же не пытаюсь причинить тебе боль, вот и ты не трогай меня. Я… я же еще ребенок.

Ноги стали ватными. Триша не упала, а осела на землю. Плача, дрожа от ужаса, она заползла под упавшее дерево, словно маленькое и беззащитное животное. Сама не осознавая, что делает, она продолжала молить о том, чтобы ей не причиняли вреда. Она схватила рюкзак и, как щитом, закрыла им лицо. Рыдания сотрясали все тело. А когда треснула еще одна ветка, уже ближе, она закричала. Зверь еще не вышел на полянку, но вплотную приблизился к ней.

Новая мысль пришла ей в голову. Может, это не зверь, а птица? Может, искать его надо не на земле, а на деревьях?

Триша выглянула в щель между рюкзаком и стволом упавшего дерева. На фоне подсвеченного луной неба увидела только переплетение ветвей. Никакого живого существа она там не обнаружила… но внезапно лес погрузился в полную тишину. Не пели птицы, не трещали цикады.

Зверь, какой, Триша не знала, находился совсем рядом и раздумывал, что делать дальше. То ли подойти и разорвать на куски, то ли двинуться дальше, Триша знала, что это ей не пригрезилось. Вопрос стоял ребром: жизнь или смерть. Зверь раздумывал. То ли покончить с ней прямо сейчас… то ли попозже, чтобы она еще помучилась от страха.

Триша лежала, вцепившись в рюкзак, затаив дыхание. Прошла вечность, прежде чем опять треснула ветка, чуть подальше. Таинственное существо, проявившее интерес к Трише, удалялось.

Девочка закрыла глаза. Слезы вытекали из-под измазанных илом век и катились по измазанным тем же илом щекам. Уголки рта ходили вверх-вниз. На мгновение она пожалела о том, что не умерла: лучше умереть, чем натерпеться такого страха, лучше умереть, чем заблудиться в лесу.

Треснула новая ветка, еще дальше. Зверь уходил, но он знал, что девочка здесь, в лесу. И он мог вернуться. А пока Триша осталась одна, ночью, которая простиралась перед ней как тысячемильное пустынное шоссе.

Мне никогда не заснуть. Никогда.

Когда она не могла заснуть, мать советовала ей

попытаться что-нибудь представить. Представь себе что-то приятное. Это лучшее занятие на тот случай, когда Дрема[20] запаздывает.

Представить себе, что она спасена? Нет, от этого только станет хуже… все равно что представлять себе большой стакан с водой, когда хочется пить.

Тут только Триша поняла, что ей ужасно хочется пить… в горле у нее все пересохло. Она догадалась, что эта жажда — прямое следствие пережитого страха. Не без труда ей удалось развернуть рюкзак, отщелкнуть пряжки. Сидя у нее все получилось бы проще, но никакая сила в мире, да что там в мире — во всей вселенной, не смогла бы заставить ее вылезти из-под дерева.

Учти только, что он может вернуться, дал знать о себе ледяной голос. Он может вернуться и вытащить тебя оттуда.

Триша схватила бутылку с водой, несколько раз жадно глотнула, закрутила пробку, вновь убрала бутылку в рюкзак. Покончив с этим, вожделенно посмотрела на закрытый на молнию внутренний карман, в котором лежал «Уокмен». Очень ей хотелось достать плейер и хоть немного послушать радио. Но она понимала, что должна

---

[20] Примечания: [20]

Сказочный человечек, который сыплет детям в глаза песок, чтобы им хотелось спать.

беречь батарейки.

Триша быстренько, прежде чем желание послушать радио взяло бы верх, защелкнула пряжки клапана рюкзака, обхватила рюкзак руками. Теперь, когда пить уже не хотелось, что она могла себе представить? Двух мнений быть не могло. Она представила себе Тома Гордона, вот здесь, на полянке, стоящего у ручья. В белой униформе, в которой «Бостон Ред сокс» проводили домашние матчи. Такой белой, что под луной она словно светилась изнутри. Он не охранял ее, но, скажем так, делал вид… что охраняет ее. Почему нет? В конце концов, это ее фантазия, ничего больше.

Кто это выследил меня, спросила она Тома Гордона.

Не знаю, ответил Том. Безразличным таким голосом. Конечно же он мог себе такое позволить, не так ли? Настоящий Том Гордон находился в двухстах милях от полянки, в Бостоне, и сейчас спал за запертой на крепкий замок дверью.

— Как вам это удается? — спросила Триша, уже сонная, совсем сонная: она даже не понимала, что произнесла эти слова вслух. — В чем секрет?

Секрет чего?

— Удержания победного счета. — Глаза Триши закрылись.

Она подумала, что он ответит: верить в Бога. Не потому ли он всякий раз вскидывал руку с нацеленным в небо пальцем. Или — верить в себя. Или — стараться изо всех сил. Таким был девиз тренера футбольной команды Триши: «Выкладывайся до конца, остальное приложится». Но номер 36, стоя у ручейка, ничего такого не сказал.

Ты должен переиграть первого бэттера, вот с чего начал Гордон. Подавить его волю первым броском. Послать мяч так, чтобы он не смог его отбить. Занимая место бэттера, он думает: я играю лучше этого парня. Твоя задача — доказать ему, что это не так, и тянуть с этим не надо. Лучше всего сразу расставить точки над «i». Показать, кто в доме хозяин. В этом и состоит секрет удержания победного счета.

— А как… вы обычно выполняете первый бросок, — такой была завершающая часть вопроса, но произнести ее Триша не успела, потому что заснула. В мотеле «Касл-Вью» ее родители спали, на этот раз на одной узкой кровати. Предшествовал сну внезапный, неожиданный для них обоих, неистовый половой акт, принесший каждому безмерное удовлетворение. Если бы мне сказали, что… успела подумать Куилла перед тем, как отрубиться. Вот уж не ожидал… успел подумать

Ларри.

Из всей семьи в те предрассветные часы беспокойно спал только Пит Макфарленд. В номере, примыкающем к родительскому, он стонал и ворочался с боку на бок, сбивая простыню. В его снах он и мать спорили, шагая по тропе, в какой-то момент он оборачивался (то ли потому, что не мог больше выносить мать, то ли, чтобы она не увидела выступившие на его глазах слезы), а Триши позади не было. На этом сон и останавливался. Застревал в его голове, словно кость в горле. Вот он ворочался в кровати, стараясь вырваться из застывшего сна. А огромная луна пялилась на него через окно, и в ее свете блестел пот, выступивший на его лбу и висках.

Он поворачивался, а ее позади не было. Поворачивался, а ее не было. Поворачивался, а ее не было. Он видел лишь пустую тропу.

— Нет, — бормотал во сне Пит, мотая головой из стороны в сторону, не оставляя попыток вырваться из сна, в котором остановилось время. Ничего не получалось. Он поворачивался, а ее позади не было. Он видел только уходящую вдаль пустую тропу.

Словно у него никогда не было сестры.

Пятый иннинг

Наутро, когда Триша проснулась, шея у нее болела так сильно, что она не могла повернуть голову. Но девочку это особо не волновало. Главное для нее заключалось в том, что солнце встало, залив полянку-полумесяц ярким светом. В сравнении с этим событием все остальное не имело ни малейшего значения. Трише казалось, что она родилась заново. Она помнила, что просыпалась ночью из-за того, что все тело зудело от комариных укусов и очень хотелось пи́сать. Она помнила, что подходила к ручью и под лунным светом мазала лицо и руки илом. Она помнила, как засыпала, а Том Гордон охранял ее покой и делился секретами своего мастерства. Она также помнила, как едва не умерла от страха, решив, что в лесу затаился какой-то страшный зверь. Но, разумеется, никто не наблюдал за ней из лесной чащи. А испугалась она только потому, что заблудилась и впервые в жизни осталась наедине с ночью.

Какая-то часть ее сознания попыталась протестовать, но Триша этого не допустила. Ночь

закончилась. Оглядываться назад не хотелось, как не хотелось вновь спуститься по каменистому склону и врезаться в дерево с осиным гнездом. Наступил день, поисковые группы уже в пути, и скоро ее найдут и спасут. Она это знала. Она заслужила свое спасение, проведя ночь в лесу одна-одинешенька.

Триша выползла из-под упавшего дерева, толкая перед собой рюкзак, встала, надела бейсболку, подошла к ручью. Смыла с лица и рук ил, посмотрела на тучу мошкары, уже собравшуюся у ее головы, с неохотой вновь намазалась илом. Вспомнила, как она и Пепси маленькими девочками играли в салон красоты. И так распатронили косметику миссис Робишо, что мать Пепси чуть ли не пинками выгнала их из дома, даже не дав умыться. Вот они и выскочили на улицу, в пудре, румянах, зеленых тенях для глаз, помаде «Пэшн плам». Выглядели они как самые юные уличные проститутки. Они пошли к Трише. Когда Куилла увидела их, у нее просто отпала челюсть, а потом она так смеялась, слезы градом катились по щекам. Но она не оставила девочек в беде, отвела в ванную, поставила перед ними банку кольдкрема и показала, как снимать косметику.

— Сверху вниз и очень осторожно, девочки, — пробормотала Триша слова матери.

Вымазав лицо илом, она помыла руки, съела остаток сандвича с тунцом, половину палочек сельдерея. Потом с легким чувством тревоги взглянула на пакет для ленча. Яйцо она съела, сандвич с тунцом съела, чипсы съела, «Туинкиз» съела. Запасы сократились до половины (даже меньше) бутылки «Сэдж», полбутылки воды и нескольких палочек сельдерея.

— Не важно, — сказала себе Триша, укладывая пустой пакет и палочки сельдерея в рюкзак. Туда же отправилось и грязное, порванное пончо. — Не важно, потому что сегодня лес прочешут поисковые группы. Одна из них обязательно меня найдет. Так что уже в полдень я буду есть ленч в какой-нибудь закусочной. Гамбургер, жареный картофель, шоколадное молоко, яблочный пирог. — Ей тут же ответило урчание в животе.

Собрав вещи, Триша намазала илом руки. Яркое солнце предвещало жаркий день. Триша потянулась, разминая косточки. Покачала головой, изгоняя из шеи последние остатки боли. Постояла, прислушиваясь, в надежде уловить человеческие голоса, собачий лай, стрекотание вертолета. Услышала лишь дятла.

Пустяки, времени еще предостаточно. Это же июнь. Сейчас самые длинные дни в году. Иди вдоль ручья. Даже если поисковые группы сразу не найдут тебя, ручей все равно выведет к людям.

Но время шло, близился полдень, а ручей все вел и вел ее по лесу. Температура воздуха все поднималась. Струйки пота текли по грязевой маске. Большие темные пятна появились на свитере с надписью «36 ГОРДОН». Сначала под мышками, потом на спине, между лопатками. Волосы (грязь перекрасила ее из блондинки в брюнетку) висели патлами. Надежда на скорое спасение все таяла и таяла, убывали и силы. К десяти часам она уже устала. А где-то в одиннадцать произошло событие, окончательно испортившее ей настроение.

Триша поднялась на вершину холма, по пологому склону, усыпанному иголками и листвой, и остановилась, чтобы немного передохнуть, когда сигнальная система, та самая, что не давала о себе знать в городе, внезапно забила тревогу. За ней кто-то наблюдал. И не имело смысла убеждать себя в обратном: эта система сбоя дать не могла.

Триша медленно повернулась на триста шестьдесят градусов. Ничего не увидела, но лес вроде бы снова притих: бурундуки не шуршали в прошло-

годней листве и под кустами, белки не скакали по веткам на другой стороне ручья, замолчали сойки. Дятел продолжал долбить, где-то вдалеке каркали вороны, но вокруг нее вся живность куда-то попряталась, остались одни комары.

— Кто здесь? — спросила Триша.

Ответа, естественно, не последовало, и Триша начала спускаться с холма, держась за кусты: ноги скользили по влажной глине. У меня разыгралось воображение, подумала девочка… да только она знала, что это не так.

Ручей становился все уже, и вот это она уже никак не могла списать на воображение. Спустившись вниз, Триша попала в густые заросли кустов, которые угрожающе ощетинились шипами. Ширина ручья уже не превышала восемнадцати дюймов.

А потом он и вовсе исчез в зарослях. Триша продиралась сквозь них, не решаясь обойти вокруг из боязни потерять ручей. Однако что-то подсказывало ей: потеря будет невелика и ничего не изменит — ручей определенно никуда ее не выведет. Но Триша просто гнала от себя такие рассуждения. Дело в том, что с ручьем у нее установилась эмоциональная связь (связанные одной цепью, как сказали бы взрослые), и Триша

не могла допустить ее разрыва. В этом случае она превращалась бы в ребенка, бесцельно блуждающего по дремучему лесу. А от одной этой мысли у нее перехватывало дыхание и учащенно билось сердце.

Она выбралась из зарослей, появился и ручей. Триша пошла дальше, опустив голову, сурово хмуря брови: Шерлок Холмс, идущий по следу собаки Баскервилей. Она не заметила, как меняется растительность (кусты уступали место папоротникам), не заметила, что вокруг слишком много сухих деревьев, а земля все больше пружинит. Она сосредоточилась только на ручье. И шагала вдоль берега, не видя ничего вокруг.

Ручей вновь начал расширяться, и минут на пятнадцать (не больше) в ней вновь затеплилась надежда на то, что он не исчезнет, юркнув под землю. А потом Триша поняла, что ручей не просто расширяется, но и перестает течь: превращается в череду луж, частично затянутых ряской, с зависшими над ними тучами комаров. Еще через десять минут ее кроссовка провалилась сквозь землю: обманчиво твердая «корочка» мха скрывала карман чавкающей грязи. Нога скрылась в ней по лодыжку, и Триша, вскрикнув от неожиданности и испуга, выдернула ногу из

цепких объятий болота. Он резкого рывка кроссовка наполовину слетела с ноги. Триша вновь вскрикнула, оперлась рукой о сухое дерево, вытерла ногу о траву, вновь надела кроссовку.

Вот тут она огляделась и наконец-то заметила, что пришла в мертвый лес, где когда-то бушевал пожар. Впереди (да и вокруг) торчали давно засохшие деревья. Ковер мха то и дело разрывали сверкающие под солнцем водяные зеркала. Из них тут и там торчали заросшие травой кочки. Надсадно пищали комары, летали стрекозы. А с дюжину дятлов долбили деревья. Оно и понятно: тут им было чем поживиться.

В этих болотах и закончил свои странствия ручей Триши.

— Что же мне теперь делать? — сквозь слезы, безмерно уставшим голосом спросила Триша. — Может, кто-нибудь скажет, что же мне теперь делать?

Тут было где посидеть и подумать. Везде лежали стволы упавших деревьев, многие еще несли на себе следы пожара. Однако первое, на которое села Триша, переломилось под ее весом, и девочка оказалась на мокром мхе. Триша вскрикнула: джинсы на попке мгновенно намокли, а она ужасно не любила ходить с мокрой задницей, — она

тут же вскочила. Ствол прогнил насквозь. Да и древоточцы сделали свое дело. Триша осмотрела труху, в которую превратилась когда-то крепкая древесина, направилась к другому дереву. Надавила на него, прежде чем сесть. Ствол испытание выдержал. Триша устало опустилась на него. Потерла шею, которая вновь начала болеть, оглядела лежащее перед ней болото и попыталась решить, а что же делать дальше.

И хотя в голове ее царил сумбур, которого не было и в помине, когда она проснулась, Триша понимала, что выбирать она может только одно из двух: либо оставаться на месте и ждать, пока придет помощь, либо идти вперед, навстречу этой самой помощи. Она видела резон в том, чтобы оставаться на месте. Сберегаются силы и все такое. Опять же, ручья теперь нет и где этот самый перед? Как теперь выбрать нужное направление? Она может идти к цивилизации, а может и уходить от цивилизации. Может статься, она будет просто идти по кругу.

С другой стороны («Всегда есть другая сторона», — как-то раз сказал ей отец), здесь есть нечего, воняет гнилью, и кто знает, какая еще гадость может ей встретиться. Место это ужасное, отвратительное место. Тришу вдруг осенило:

если поисковые группы не найдут ее до наступления темноты, ей придется провести ночь здесь. Ее аж передернуло. Маленькая полянка-полумесяц в сравнении с этим болотом казалась Диснейлендом.

Триша стояла и всматривалась в том направлении, куда тек ручей, прежде чем закончиться болотом. Она смотрела сквозь строй серых стволов и переплетение сухих ветвей и вроде бы разглядела вдалеке что-то зеленое. Зеленое и поднимающееся. Может и холм. И ягоды? Почему нет? Она прошла мимо нескольких, усыпанных ягодами. Ей следовало собрать их и положить в рюкзак, но она могла думать только о том, что ручей скоро выведет ее к людям, и не хотела терять время. Теперь же ручей исчез, а ей вновь хотелось есть. Нет, адского голода она не испытывала (пока), но есть хотелось.

Триша сделала два шага, проверила полоску мягкой земли, с тревогой наблюдала, как вода заполняет впадину, только что оставленную носком ее кроссовки. С чего ей идти туда? Только потому, что она вроде бы что-то увидела по другую сторону болота?

— Тут может быть трясина, — пробормотала Триша.

Совершенно верно, мгновенно согласился ледяной голос. Звучал он очень даже весело. Трясина! Аллигаторы! Не говоря уже о маленьких серых человечках из «Секретных материалов»[21], которые мечтают о том, чтобы использовать тебя для опытов.

Триша отступила на те же два шага, вновь села на дерево. Пожевала нижнюю губу. Кружащую вокруг мошкару она даже не замечала. Идти или оставаться на месте? Оставаться на месте или идти?

Десять минут спустя ее заставила идти слепая надежда… и мысль о ягодах. Черт, да она согласилась бы съесть и листья. Триша видела, как она собирает ярко-красные ягоды на склоне зеленого холма, прямо-таки девочка с картинки в школьном учебнике (она забыла про маску из ила на лице и грязные, всклоченные волосы). Она видела, как медленно продвигается к вершине, набивая ягодами рюкзак… наконец поднимается на нее, смотрит вниз, видит…

Дорогу. Я вижу проселочную дорогу, изгороди по обеим сторонам… вдали — сарай. Стены, выкрашенные красной краской, белая продольная

---

[21] Примечания: [21]
Популярный телесериал.

полоса.

Безумие! Абсолютное безумие!

Или нет? Что, если она сидит в получасе ходьбы от человеческого жилья? Что, если только трусость мешает ей выйти к людям?

— Хорошо. — Триша снова встала, нервно поправила лямки рюкзака. — Хорошо, иду к ягодам. А если станет опасно, поверну назад.

Она поддернула рюкзак и медленно, осторожно двинулась по ненадежному мху, при каждом шаге ее ноги чуть ли не по щиколотку уходили в воду. Она огибала и торчащие стволы-скелеты, и завалы упавших, полусгнивших деревьев.

А со временем, возможно, через полчаса, может, через сорок пять минут, Трише открылась истина, которую до нее открыли для себя тысячи (может, даже миллионы) мужчин и женщин: к тому времени, когда осозна́ешь, что опасность слишком велика, поворачивать назад уже поздно. С пропитанного водой, но не проваливающегося под ногами мха она ступила на кочку, которая оказалась совсем не кочкой. Ее нога нырнула в холодную, вязкую субстанцию, слишком густую для воды и слишком жидкую для ила. Триша отпрянула, схватилась за сухую ветку, вскрикнула испуганно и гневно, когда ветка переломилась у

нее в руке. Девочка потянула ногу назад. С чавкающим звуком она вылезла из вонючей жижи, но без кроссовки. Кроссовка осталась где-то внизу.

— Нет! — воскликнула Триша, так громко, что спугнула какую-то большую белую птицу. Она устремилась к небу, а за ней тянулись длинные, тонкие ноги. В другое время, в другом месте девочка не отрываясь смотрела бы на это экзотическое зрелище, но тут ей было не до птиц. Она опустилась на колени, — правая нога блестела от черной грязи, — сунула руку в быстро заполняющуюся водой дыру, которая образовалась в «кочке» после того, как она выдернула ногу.

— Не могу я без нее! — яростно закричала Триша. — Она моя, и мне… без нее… НИКАК!

Она пошарила в холодной жиже, разрывая какие-то мелкие корешки, обходя крупные. Что-то живое на мгновение коснулось ее ладони, потом исчезло. И тут же ее пальцы нащупали кроссовку, которую Триша и вытащила на свет божий. Посмотрела на нее — черная, извалянная в грязи обувка, самое оно для извалянной в грязи девочки, — круто, как сказала бы Пепси Робишо. И из глаз Триши брызнули слезы. Она подняла кроссовку, перевернула, из нее хлынул поток черной жижи. Зрелище это вызвало у Триши

приступ смеха. С минуту, а то и дольше она сидела на кочке, положив ногу на ногу, со спасенной кроссовкой на коленях и смеялась, окруженная черной тучей мошкары. А вокруг, словно часовые, стояли мертвые деревья и стрекотали цикады.

Наконец слезы подсохли, а смех поутих. Триша нарвала травы, обтерла кроссовку снаружи. Потом раскрыла рюкзак, достала бумажный пакет из-под ленча, разорвала на кусочки, которыми и протерла кроссовку изнутри. Грязные клочки бумаги она сминала в шарики и бросала на мох. Да, она мусорила на этом отвратительном, вонючем болоте. Да, это правонарушение. Если появится полиция и арестует ее, она не будет иметь ничего против.

Девочка встала, с вызволенной из болота кроссовкой в руках, огляделась.

— Твою мать, — вырвалось у нее.

Впервые в жизни она выругалась вслух (с Пепси такое иногда случалось, но Пепси — это Пепси). Теперь она более отчетливо видела зелень, которую приняла за склон холма. То были поросшие травкой островки-кочки, ничего больше. Островки, маленькие и не очень. А разделяла их стоячая черная вода и деревья. В большинстве своем мертвые, но некоторые на самой вершине

кучерявились листвой. Она слышала, как квакали лягушки. Никакого холма. Сплошное болото.

Триша повернулась, посмотрела назад, но уже не могла сказать, откуда вошла в это гиблое место. Если б она догадалась метить свой путь чем-нибудь ярким, теми же лоскутами пончо, то могла бы вернуться. Но не метила, а потому пути назад для нее не было.

Ты все-таки можешь вернуться назад: для того, чтобы определиться с направлением, ориентиры не нужны.

Наверное, она смогла бы, но один раз она уже попала впросак, решив, что, определившись с направлением, сумеет попасть на главную тропу через лес. Второй раз наступать на те же грабли не хотелось.

И Триша повернулась к травянистым островкам и поблескивающей под солнцем стоячей воде. Деревьев, за которые она могла при случае ухватиться, хватало, а где-то болото должно было кончиться, не так ли?

Только безумцу могут прийти в голову такие мысли.

Безусловно. Но ситуация-то безумная.

Триша постояла еще с минуту, думая о Томе Гордоне, об его умении замирать перед броском.

О том, как он стоял в круге питчера, не сводя глаз с одного из кэтчеров «Бостон Ред сокс», Хаттеберга или Веритека, подавая только им ведомые сигналы. А потом, в мгновение ока, все его тело приходило в движение, и следовал разящий бросок.

Не человек — айсберг, говаривал ее отец. Кровь у него — ледяная.

Триша хотела выбраться отсюда. Первым делом из этого мерзопакостного болота, а потом и из леса, вернуться к людям, магазинам, торговым центрам, телефонам и полисменам, которые помогут тебе, если ты заблудился. И она подумала, что сможет выбраться. Сможет, если не даст слабину, не струсит. Сможет, если у нее в жилах есть хоть немного ледяной крови.

Тут и Триша вышла из ступора, сняла вторую кроссовку, связала узлом шнурки обеих. Повесила на шею, словно грузы часов-кукушки, посмотрела на носки, решила оставить их на ногах (мало ли на что можно наступить в этой черной воде), до колен закатала штанины джинсов, глубоко вдохнула, выдохнула.

— Макфарленд готовится к броску, Макфарленд бросает, — изрекла Триша. Повернула бейсболку козырьком назад (потому что козырьком назад

— это круто) и сделала первый шаг.

Триша осторожно передвигалась с кочки на кочку, часто поднимая голову, устанавливая все новые ориентиры, совсем как днем раньше. Только сегодня я не собираюсь поддаваться панике и бежать, думала она. Сегодня у меня в жилах течет ледяная вода.

Миновал час, потом два. Вместо того чтобы твердеть, почва становилась все более топкой. Наконец, земли не стало вовсе: над водой возвышались лишь поросшие травой островки-кочки. Триша переходила от одного к другому, держась за ветви и кусты, если была такая возможность, если нет — балансируя руками, словно канатоходец. Наконец, наступил момент, когда она не могла не только переступить на очередную кочку, но даже допрыгнуть до нее. Какое-то время ей пришлось настраиваться, а уж потом она ступила в черную воду. Ее окатило гнилостным запахом. Вода чуть-чуть не доходила до колена. Ступня погрузилась в холодный желеобразный ил. Со дна поднялись желтоватые пузыри.

— Ну и гадость. — Триша скорчила гримаску, взяв курс на ближайшую кочку. — Гадость. Гадость-гадость-гадость. Так можно и задохнуться.

При каждом шаге ей приходилось прилагать

немало усилий, чтобы с чавканием вырвать из ила ногу. Триша старалась не думать о том, что произойдет, если ногу вытащить не удастся, если она застрянет намертво и начнет тонуть.

— Гадость-гадость-гадость, — повторяла Триша. Пот теплыми каплями стекал по лицу, от него щипало в глазах. Цикады, казалось, стрекотали на одной ноте: ре-е-е-е-е. С кочки, к которой она держала путь, три лягушки спрыгнули в воду: плюх-плюх-плюх.

— Буд-Вай-Зер. — И Триша кисло улыбнулась.

В желтовато-черной взвеси тысячами шныряли головастики. Когда она разглядывала их, одна нога наткнулась на что-то твердое и склизкое, должно быть, толстую ветку. До кочки Трише удалось добрести ни разу не упав. Хватая ртом воздух, девочка выбралась на нее, озабоченно оглядела вымазанные в иле ступни и икры, ожидая, что их облепили пиявки, а может, и что-то похуже. Но не обнаружила ничего ужасного (во всяком случае, видимого глазом). Ил, правда, покрывал ноги до колен. Триша села, сняла носки, ставшие черными, и словно осталась в белых носках: их роль отлично сыграла кожа. Сам вид этих «носочков» — смех. Она откинулась назад, уперлась в кочку локтями и хохотала, уставив-

шись в небо. Ей не хотелось так смеяться, так смеются только полные идиоты, но она ничего не могла с собой поделать. Отсмеявшись, она выжала носки, натянула их на ноги и поднялась. Постояла, прикрыв глаза ладонью, остановила свой выбор на дереве с толстой сломанной нижней ветвью, конец которой прятался в воде. Это дерево и стало ее ближайшей целью.

— Макфарленд готовится к броску, Макфарленд бросает, — устало выдохнула Триша и двинулась дальше.

Она больше не думала о ягодах. Теперь ее заботило другое: выбраться отсюда живой и невредимой.

В ситуациях, когда люди вынуждены полагаться только на себя, всегда есть момент, когда они перестают жить и мобилизуют все внутренние резервы ради того, чтобы выжить. Тело, не получающее новых калорий, начинает расходовать калории, запасенные ранее. Голова туманится. Что-то происходит со зрением: сокращается его поле, цвета становятся более яркими. Триша перешла границу между жизнью и выживанием, когда минула большая часть второго дня ее пребывания в лесу.

Девочку совершенно не волновало то обстоя-

тельство, что двигалась она строго на запад; она полагала (возможно, не без оснований), что она должна придерживаться одного направления, выбранного раз и навсегда. Ей хотелось есть, но большую часть времени этого не осознавала; все свое внимание она сосредоточила на одном: идти по прямой. Отклонение вправо или влево могло привести к тому, что ночь она могла встретить в этом болоте. От одной этой мысли ей становилось дурно. Один раз она остановилась. Чтобы глотнуть воды из бутылки. А около четырех часов допила остатки «Сэдж».

Мертвые деревья все больше напоминали молчаливых часовых, застывших навытяжку над черной стоячей водой. Еще немного, и я начну разглядывать их лица, подумала Триша. Проходя мимо одного из этих деревьев (ни одной кочки не было в радиусе тридцати футов), она споткнулась о скрытый водой корень или ветвь и во весь рост шлепнулась в воду. Набрала полный рот грязной, вонючей воды, с криком выплюнула ее. Сквозь слой воды она могла видеть свои руки. Желтоватые и распухшие, как у утопленника. Вытащила их из воды, подняла.

— Я в полном порядке, — вырвалось у Триши. Она словно поняла, что пересекла некую очень

важную границу. Оказалась в чужой стране, где совсем другой язык и странные деньги. Все переменилось. Но… — Я в полном порядке. Да, я в полном порядке. — И рюкзак остался сухим. А это главное, потому что в нем лежал ее «Уокмен». Он, и только он, связывал ее с миром людей.

Грязная, в промокшем спереди свитере, Триша продолжала путь. Следующим ориентиром стало сухое дерево с расщепленным посередине стволом, черная буква У на фоне заходящего солнца. Триша направилась к дереву. Поравнявшись с кочкой-островком, искоса глянула на нее и прошла мимо, по воде. Чего забираться на нее? По воде быстрее. Отвращение, которое она поначалу испытывала, когда ее ступня погружалась в холодный ил, притупилось. Если другого выхода нет, привыкнуть можно ко всему. Она уже уяснила для себя эту истину.

Вскоре после того, как Триша плюхнулась в воду, она начала проводить часть времени с Томом Гордоном. Поначалу это казалось странным, что там странным, невероятным, но по мере того, как час уходил за часом, она перестала задумываться над такими мелочами и болтала с ним, как с закадычной подругой. Показывала ему свой следующий ориентир, объясняла, что

первопричиной появления этого болота стал пожар, заверяла его, что скоро они отсюда выберутся, потому что не может болото тянуться до бесконечности. Она как раз говорила ему, что в сегодняшней игре «Бостон Ред сокс» создадут к последним иннингам приличный запас прочности и он без труда доведет матч до победы, когда замолчала на полуслове.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросила она.

За Тома Триша отвечать не могла, но она определенно слышала устойчивое стрекотание лопастей вертолета. Доносилось оно издалека, но сомнений, что над лесом кружит вертолет, быть не могло. Триша отдыхала на кочке, когда услышала этот стрекот. Вскочила, повернулась на звук, прикрыла глаза ладонью, всмотрелась в небо. Ничего не увидела, а вскоре пропал и стрекот.

— Напрасные хлопоты, — вздохнула она. Но по крайней мере ее разыскивали. Она убила комара, цапнувшего ее в шею, и двинулась дальше.

Десять или пятнадцать минут спустя она стояла на полузатонувшем корне дерева и смотрела прямо перед собой, гадая, что же ей теперь делать. Строй деревьев-часовых резко обрывался, уступая место большому пруду. Его середину занимали

островки-кочки, но не зеленые, а коричнево-бурые, казалось, сложенные из пеньков и веток. На этих кочках, уставившись на нее, сидело с полдюжины толстых коричневых зверьков.

Глаза Триши широко раскрылись, когда она поняла, кого она видит перед собой. Она забыла о том, что находится посреди болота, забыла о грязи, комарах, усталости, забыла о том, что заблудилась в лесу.

— Том, — восторженно прошептала она. — Это же бобры! Бобры, сидящие на бобровых домиках или бобровых хатках, или как там их называют. Это же бобры, правда?

Она привстала на цыпочки, держась одной рукой за ствол, чтобы не упасть, и во все глаза смотрела, смотрела и смотрела. Бобры, настоящие бобры, сидящие на крышах своих хаток… они смотрят на нее? Триша подумала, что да, один-то наверняка, тот, что по центру. Размерами побольше остальных, и его черные глазки, как показалось Трише, не отрывались от ее лица. Вроде бы она различала, как подергивались усики. И какой роскошный мех. Темно-коричневый, у задних лап чуть светлее. Прямо-таки иллюстрация из книжки «Ветер в ивах».

Наконец Триша сошла с корня в воду и продол-

жила путь, ведя за собой длинную тень. И тут же Главный Бобер (так она его назвала) поднялся и попятился, пока его задние лапы не оказались в воде. А потом шлепнул по воде хвостом. Шлепок вышел на удивление громким. Как по сигналу, нырнули в воду и остальные бобры. Словно хорошо сыгранная команда. Триша смотрела на них раскрыв рот, прижав руки к груди. Никогда в жизни не видела она ничего более удивительного, а Главный Бобер казался ей мудрым старым учителем, хоть она и понимала, что не сможет объяснить, откуда у нее возникли такие ассоциации.

— Том. Посмотри! — Смеясь, она указала на бобров. — Посмотри на воду! Они плывут! Какая прелесть!

Полдюжины букв V образовались на гладкой поверхности пруда, и с каждым мгновением расстояние между бобрами и девочкой увеличивалось. Пошла своим путем и Триша. Теперь она держала курс на большую кочку, целый остров, заросший темно-зелеными папоротниками, торчащими во все стороны, словно взъерошенные волосы. На этот раз она двигалась не по прямой, а по широкой дуге. Увидеть бобров — это здорово (полный отпад, как сказала бы Пепси), но у нее

не было ни малейшего желания столкнуться с плывущим под водой бобром. Она видела достаточно картинок бобров, чтобы знать, какие у них большие зубы. И какое-то время Триша вскрикивала всякий раз, когда ее ноги касалась водоросль или затонувшая ветка, в уверенности, что это Главный Бобер (или один из его верноподданных). Конечно же они хотели, чтобы она незамедлительно покинула их владения.

Оставив хатки бобров по правую руку, она с каждым шагом приближалась к зеленому острову, и в какой-то момент сердце у нее учащенно забилось: а ведь на нем росли не просто папоротники. Три весны подряд она с матерью и бабушкой собирала молодые листья орляка, еще закрученные в тугие «завитки». И в ней крепла уверенность, что на острове-кочке растет именно орляк. В окрестностях Сэнфорда орляк начали собирать чуть ли не месяц назад, но ее мать говорила, что на северо-западе сезон сбора орляка начинается позже, а на болотах чуть ли не в середине июля. Конечно, с трудом верилось, что судьба одарила ее таким подарком, но чем ближе подходила Триша к острову, тем больше крепла ее уверенность в том, что она не ошиблась. «Завитки» орляка были не просто съедобными, их

отличал восхитительный вкус. Даже Пит, который на дух не переваривал овощи (разве что ел замороженный зеленый горошек после разогрева в микроволновой печи), никогда не отказывался от орляка.

Она убеждала себя, что нельзя ожидать невозможного, но пять минут спустя отпали последние сомнения. Перед ней лежала не кочка, а Остров орляка! Разве что, думала она, медленно продвигаясь к нему уже почти по пояс в воде, его следовало назвать Остров насекомых. Над болотом их везде хватало, но Триша время от времени подновляла грязевой защитный слой на лице, шее и руках, а потому они ей давно уже не досаждали. Но над Островом орляка воздух буквально кишел насекомыми. Причем компанию комарам, мокрецам и мошке составили мириады мух. Триша уже слышала их назойливое жужжание.

От ближайших стрелок орляка Тришу отделяли каких-то десять футов, когда она остановилась, позабыв об иле, в который погрузились ее ноги. Кто-то буйствовал на этой стороне острова, вырывая с корнем орляк. Несколько пучков стрелок плавали по черной воде. А чуть дальше, на зелени, она видела ярко-красные пятна.

— Мне это не нравится, — пробормотала Триша

и взяла левее, вместо того чтобы идти к острову. Стрелки орляка — это хорошо, но вдруг ее поджидал убитый или смертельно раненный зверь. Может, бобры подрались между собой из-за самки? Она еще не настолько проголодалась, чтобы, собирая еду на ужин, наткнуться на раненого бобра. Так можно остаться без руки или глаза.

Миновав чуть ли не половину периметра Острова орляка, Триша остановилась. Смотреть не хотелось, но она не могла отвести глаз.

— Эй, Том. — Голос ее дрожал. — Это же ужасно, не правда ли?

Отгрызенная голова лосенка скатилась по пологому склону, оставляя за собой кровавый след и примятые стрелки орляка. Теперь она лежала у самой воды. Мухи облепили глаза и обрубок шеи. Громкостью их жужжание не уступало небольшому лодочному мотору.

— Я вижу его язык. — Собственный голос долетел до Триши со стороны, из далекого далека. Золотая солнечная дорожка на воде вдруг стала нестерпимо яркой, девочка почувствовала, что ее качает, поняла, что она вот-вот лишится чувств.

— Нет, — прошептала она. — Нет, не разрешай мне. Нельзя этого допустить.

На этот раз голос заметно приблизился. И яр-

кость золотой дорожки стала прежней. И слава Богу! Не хватало ей потерять сознание, стоя почти по пояс в затхлой, вонючей воде. Не будет ей орляка, не будет и обморока. Баланс сохранялся. Одно уравновешивалось другим. Триша двинулась дальше, прибавив шагу, уже не думая о том, куда ставит ногу. Шла, вращая бедрами, ее руки описывали короткие дуги. Будь на ней трико, подумала Триша, она выглядела бы совсем как гость передачи «Зарядка с Уэнди». Итак, друзья, сегодня мы предлагаем вам новый комплекс упражнений. Я назвала его «Как быстрее уйти от отгрызенной головы лосенка». Активно вращайте бедрами, помогайте себе и руками, и плечами.

Она смотрела прямо перед собой, но не могла ничего поделать с лезущим в уши удовлетворенным жужжанием мух. Почему не пожужжать после такого сытного обеда? Кто это сделал? Не бобр, тут двух мнений быть не могло. Ни одному бобру не удалось бы отгрызть голову лосенку, какими бы острыми ни были у него зубы.

Ты знаешь, кто это сделал, дал о себе знать ледяной голос. Это зверь. Тот самый особенный зверь. И сейчас он наблюдает за тобой.

— Никто за мной не наблюдает, это все враки, — выдохнула Триша. Рискнула оглянуться

и увидела, что Остров орляка остался позади. Голову она едва различила: что-то коричневое с живой черной лентой по краю. — Это враки, не так ли, Том?

Но Том ей не ответил. Том не мог ответить. Том, вероятно, уже приехал на стадион в Фенуэй-парк, перешучивался с другими игроками «Ред сокс», надевая белую униформу. А по болоту, бесконечному болоту шагал не настоящий Том Гордон, а вымышленный, придуманный ею, гомеопатическое лекарство от одиночества. В лесу она была одна.

Да нет же, сладенькая. Вовсе ты и не одна.

Триша ужасно боялась, что ледяной голос, хотя она и не могла отнести его к числу своих друзей, говорит правду. Ощущение, что за ней следит чей-то взгляд, вернулось, более того, усилилось. Она пыталась списать все на нервы (кто бы не заволновался, увидев отгрызенную голову), и ей это практически удалось, когда она подошла к дереву, на засохшем стволе которого увидела с полдюжины диагональных царапин. Словно кто-то, пребывая в отвратительном настроении, походя цапнул дерево.

— Боже мой, — ахнула Триша. — Это же следы от когтей.

Зверь впереди, Триша. Впереди, поджидает тебя, с когтями и всем прочим.

Триша видела перед собой стоячую воду, новые острова-кочки, похожие на зеленый, поднимающийся склон холма (но она уже знала, что никакой это не холм, второй раз на одну и ту же уловку она не покупалась). Никакого зверя она не видела… но, естественно, и не могла увидеть, не так ли? Зверь вел себя так, как и положено зверю, который высмотрел добычу и теперь выжидал удобного момента для того, чтобы напасть на нее. Было даже какое-то слово, которым определялось поведение зверя в такие вот моменты, но оно никак не приходило на ум, потому что девочка очень устала, испугалась…

Они таятся, подсказал ледяной голос. Вот что они делают, таятся. Да, крошка. Особенно такие звери, как твой новый приятель.

— Таятся, — прохрипела Триша, горло сжал страх. — Да, именно это слово я и позабыла. Спасибо тебе. — А потом двинулась вперед, потому что зашла слишком далеко, чтобы повернуть назад. Даже если кто-то и затаился впереди, чтобы убить ее, она зашла слишком далеко, чтобы повернуть назад.

На этот раз то, что выглядело твердой зем-

лей, — землей и оказалось. Поначалу Триша не позволяла себе в это поверить, но по мере того, как она подходила все ближе и ближе и видела перед собой только зеленые кусты и деревья, в ней проснулась надежда. И болото, по которому она шла, становилось все мельче. Вода едва достигала середины голени, хотя раньше ей случалось брести и по пояс в воде. Она наткнулась еще на две кочки, на которых рос орляк. Его было гораздо меньше, чем на Острове орляка, но Триша сорвала и съела те стрелки, что встретились ей. Сладкие, оставляющие во рту привкус горечи. У них зеленый вкус, подумала девочка. Она бы набрала больше орляка и положила в рюкзак, но в других местах он ей не встретился. Триша об этом не грустила. Детям свойственна беззаботность: орляк утолил чувство голода, а подумать о том, что она будет есть в следующий раз, она еще успеет. Триша шла к берегу, срывая на ходу молодые побеги орляка. Сначала отправляла в рот лист, закрученный в тугие «завитки», потом приходил черед стебля. Ил, в который по-прежнему погружались ноги, ее не смущал. Она привыкла к болоту, не испытывала к нему никакого отвращения.

Потянувшись к нескольким оставшимся стрел-

кам орляка на второй кочке, Триша вдруг замерла. Потому что вновь услышала жужжание мух. И на этот раз звучало оно куда как громче. Если бы была такая возможность, Триша ушла бы в сторону, сделала бы крюк, но болото в этом месте заканчивалось кладбищем утонувших веток и кустов. В этом месиве дерева и воды оставался лишь один более-менее свободный проход, по которому и могла пройти Триша, если только она не хотела еще два часа бороться с подводными заграждениями, рискуя застрять в них или серьезно поранить ногу.

Но и в этом проходе ей пришлось перелезать через упавшее в воду дерево. Упало оно недавно. Пожалуй и не упало, а его свалили. Триша увидела следы когтей на коре; а разлом у самого комля был совсем свежим. Словно дерево это попалось кому-то на пути и этот кто-то походя пнул его, переломив, как спичку.

Жужжание все набирало силу. Туловище лосенка, вернее, то, что от него осталось, лежало рядом с зарослями орляка, аккурат у того места, где Триша наконец-то выбралась из болота. Лежало двумя частями, соединенными змеями кишок. Одну ногу отгрызли, и она стояла у дерева, словно костыль.

Триша прижала ко рту тыльную сторону ладони и торопливо прошла мимо. Тошнота подкатывала к горлу, и она прилагала все силы, чтобы не дать желудку вывернуться наизнанку. Зверь, который убил лосенка, хотел, чтобы ее вырвало. Неужели такое возможно? Рациональная часть ее сознания (а она никуда не делась) утверждала, что нет, но Триша уже не могла отрицать, что кто-то сознательно изгадил останками лося две самые большие плантации орляка, которые встретились ей на этом болоте. А если кто-то такое сделал, почему не поверить в то, что этот кто-то хотел, чтобы она рассталась с теми крохами, которые ей удалось отправить в рот?

Да. Хотел. Почему нет? А теперь забудь об этом. И, ради Бога, не вздумай блевать.

Постепенно, по мере того как она все дальше уходила на запад (теперь, когда солнце опустилось к самому горизонту, выдержать нужное направление не составляло труда), приступы тошноты ослабели, а жужжание мух поутихло. Окончательно справившись с тошнотой, Триша остановилась, сняла носки, надела кроссовки. Выжала носки, расправила, посмотрела на них. Она помнила, как прошлым утром надевала носки в своей сэнфордской спальне, сидела на краешке

кровати и надевала, напевая себе под нос «Покрепче обними меня… чтоб я почувствовал тебя». То была песня группы «Бойз то да Макс»; она и Пепси тащились от «Бойз то да Макс», особенно от Адама. Она помнила полоску солнечного света на полу. Она помнила постер «Титаника» на стене. Воспоминания о том, как она надевала носки, были очень четкие, но и очень давние. Триша предположила, что точно так же старики, вроде бабушки, помнят эпизоды своей молодости. Теперь же носки более напоминали решето: дырки, соединенные нитками, и ей захотелось плакать (возможно, потому, что и себе она казалась таким же решетом). Но Триша сдержалась. Скатала носки и положила в рюкзак.

Она застегивала пряжки, когда вновь услышала стрекотание вертолетных лопастей. На этот раз гораздо ближе. Триша вскочила, завертелась на месте. Вон они, два вертолета, далеко на востоке, черные на фоне синего неба. Чуть похожие на стрекоз, которые парили над Болотом мертвого лося. Махать руками и кричать смысла не было: вертолеты отделял от нее миллиард миль, но она и махала, и кричала. Ничего не могла с собой поделать. И угомонилась, лишь охрипнув.

— Посмотри, Том. — Теперь она лишь взглядом

провожала вертолеты. — Посмотри, они пытаются меня найти. Если б они подлетели чуть ближе…

Но они не подлетели. Путь их лежал с севера на юг, и они скрылись за лесом. Триша стояла не шевелясь, пока шум от вертолетных лопастей не растворился в стрекоте цикад. Тогда она глубоко вздохнула и присела, чтобы завязать шнурки кроссовок. Она не чувствовала, что за ней наблюдают, хоть в этом ей…

Ах ты, лгунья, возразил ей ледяной голос. В нем слышалась насмешка. Ты маленькая лгунья.

Но она не лгала, во всяком случае, намеренно. Она так устала, в голове у нее все перемешалось, вот она уже и не и не знала, что чувствовала… за исключением голода и жажды. А не вернуться ли, чтобы набрать орляка, мелькнула в голове мысль. Его ростки занимали немалую территорию, и она могла избежать тех мест, где лежала туша лосенка и пролилась его кровь.

Она подумала о Пепси, которая иногда злилась на Тришу, если та царапала коленку, когда они катались на роликах, или падала, когда они лазали по деревьям. Если Пепси видела слезы, наворачивающиеся на глазах Триши, она говорила: «Хватит распускать слюни, Макфарленд». Видит

Бог, она не могла позволить себе распускать слюни из-за мертвого лося, определенно не могла, но… но она боялась, что зверь, убивший лосенка, все еще здесь, затаился и наблюдает. В надежде, что она вернется.

А насчет того, чтобы пить болотную воду… Во-первых, она грязная. Во-вторых, с мертвыми насекомыми и личинками комаров. Могут личинки развиваться в желудке человека? Наверное, нет. Хотела она проверить это на себе? Ни в коем разе!

— Наверное, я еще наткнусь на орляк, — решила она. — Правильно, Том? И на ягоды тоже. — Том не ответил, и Триша двинулась дальше, прежде чем сомнения в принятом решении возьмут верх.

Она шла на запад еще три часа, сначала медленно, потом, попав в хвойный, зрелый, практически без подлеска, лес, чуть быстрее. Гудели ноги, болела спина, но Тришу эти болячки не допекали. И голод особо не беспокоил. Но после того, как солнце сменило золотые одежды на багряные, Тришу замучила жажда. В горле пересохло, язык превратился в терку. Она кляла себя за то, что не напилась из болота, благо такая возможность у нее была. Один раз даже остановилась, подумав:

к черту, возвращаюсь.

И не пытайся, милая, остановил ее ледяной голос. Дороги тебе не найти. Даже если тебе повезет и ты сумеешь вернуться к болоту, уже стемнеет… и как знать, кто может тебя там поджидать?

— Заткнись, — устало бросила она ледяному голосу. — Просто заткнись, злобная, глупая тварь.

Но, разумеется, злобная, глупая тварь говорила чистую правду. Триша вновь повернулась лицом к солнцу, в тот момент уже оранжевому, и продолжила путь. Жажда пугала ее. Если она так донимает ее в восемь вечера, что же будет в полночь? И сколько времени человек может прожить без воды? Она не помнила, хотя читала об этом, точно читала. Во всяком случае, меньше, чем без пищи. И на что это похоже, смерть от жажды?

— Я не умру от жажды в этом чертовом лесу, не так ли, Том? — спросила она, но не получила ответа. Настоящий Том Гордон в этот момент следил за игрой. Тим Уэйкфилд, опытнейший бэттер «Бостон Ред сокс» против Энди Петита, левши, юной звезды «Янкиз». У Триши скребло в горле. Каждое глотательное движение вызывало дикую боль. Она вспомнила о дожде, под который попала, уже заблудившись в лесу (как

же это было давно, примерно в те времена, когда она надевала носки, сидя на краешке кровати в своей спальне). Чего бы ему не пойти сейчас? Она бы вышла под него и танцевала, задрав голову, раскинув руки, открыв рот. Она бы танцевала, как Снупи[22] на своей конуре.

Триша шагала между соснами и елями, которые становились все выше. Увеличивалось и расстояние между соседними деревьями. В лучах заходящего солнца толстые стволы отбрасывали длинные, широкие тени, то и дело накладывающиеся друг на друга. Она могла бы подумать — до чего это красиво, строевой лес, залитый предзакатным солнцем, если бы не мучившая ее жажда. Конечно, какая-то часть ее сознания фиксировала то прекрасное зрелище, которое демонстрировала ей природа, но мысли Триши занимало другое. Виски пульсировали от головной боли, горло сжалось до размера игольного ушка.

Пребывая в таком состоянии, поначалу она приняла шум бегущей воды за звуковую галлюцинацию. Не могла же она слышать настоящую

[22] Примечания: [22]

Добрый, мечтательный песик, персонаж комиксов «Орешки» художника Чарльза Шульца. «Родился» в 1950 г. Снупи — популярная собачья кличка. Очень любит песика и Стивен Кинг. Упоминает о нем едва ли не в каждом романе.

воду. Откуда ей взяться, словно по заказу? Тем не менее Триша повернула на этот шум и теперь шагала на юго-запад, ныряя под ветки, перепрыгивая через упавшие деревья. Когда же шум стал таким громким, что ни о какой галлюцинации речи уже быть не могло, Триша побежала. Пару раз поскользнулась на ковре из иголок, однажды угодила в крапиву, но не обратила ни малейшего внимания на ожоги, появившиеся на локтях и тыльной стороне ладони. И через десять минут после того, как до ее ушей донесся шум бегущей воды, Триша стояла на обрыве. В этом месте скалы прорывали тонкий слой почвы и торчали из нее словно серые каменные костяшки пальцев. И из-под скал вырывался поток воды, такой широкий, что в сравнении с ним первый ручей казался жалкой струйкой, текущей из неплотно закрытого крана.

Триша двинулась вдоль обрыва, даже не думая о том, что один неверный шаг может привести к падению с высоты двадцати пяти футов и скорее всего к смерти. Пять минут спустя она обнаружила участок достаточно пологого склона, ведущего от леса в долину, по которой бежал ручей. Склон этот покрывали десятилетиями скапливающиеся на нем иголки и листья.

Триша села на край обрыва, поставила ноги на пологий склон, точь-в-точь как ребенок, решившись скатиться с ледяной горки. И заскользила вниз, сидя, используя ноги вместо тормоза. На полпути ее начало сносить в сторону. Вместо того чтобы попытаться остановиться — а такой маневр наверняка привел бы к тому, что она кубарем покатилась бы вниз, — Триша улеглась на спину, заложив руки под голову, и закрыла глаза, надеясь на лучшее.

Оставшийся путь много времени не занял. Правым бедром она наткнулась на торчащий камень, о другой она так сильно стукнулась сплетенными пальцами, что они онемели. Если бы она не подложила руки под голову, второй камень мог бы содрать с нее полскальпа, чуть позже подумала Триша. И это еще не самое худшее. «Не сломай свою глупую шею», — еще одна знакомая ей присказка взрослых, пожалуй, любимая у бабушки Макфарленд.

В самом низу Тришу подбросило, она крепко приложилась попкой, и тут же почувствовала, что в ее кроссовки льется ледяная вода. Девочка отдернула ноги, села, рыбкой нырнула к воде и пила, пила, пила, пока у нее не заломило лоб: такое случалось, если в жару она слишком быст-

ро съедала мороженое. Триша вскинула голову, блаженно улыбаясь, посмотрела в темнеющее небо. Пила ли она когда-нибудь такую вкусную воду? Могло хоть что-то сравниться по вкусу с этой водой? Конечно же нет. Эта вода не знала себе равных. Триша вновь опустила лицо в воду. Наконец, поднялась на колени, смачно рыгнула (оказывается, отрыжка бывает и от воды), рассмеялась. Живот ее раздулся, стал твердым, как барабан. И голода она уже не чувствовала.

Склон, по которому она попала в долину, показался ей слишком крутым и скользким, чтобы подниматься на обрыв. Рисковать не хотелось. Кому охота преодолеть половину пути, чтобы потом поскользнуться и снова оказаться в самом низу. А вот другая сторона ручья ей приглянулась. Склон тоже достаточно крутой, но поросший деревьями, без густого подлеска. И камней, из которых можно построить переправу через ручей, хоть завались. Она могла бы пройти еще немного, прежде чем остановиться на ночлег. Почему нет? Теперь, наполнив желудок водой, она испытывала прилив сил. Не только сил, но и уверенности. Болото осталось позади. И она нашла новый ручей. Хороший ручей.

Ручей-то ты нашла, а как насчет необычного

зверя, полюбопытствовал ледяной голос. И вновь перепугал Тришу. Если бы он только сообщал ей всякие гадости. Самое худшее заключалось в другом: благодаря ему Триша узнала о существовании своей темной половины. Или ты забыла о нем?

— Если он и был, — ответила Триша, — то давно ушел. Может, вернулся к лосенку.

По всему выходило, что она не ошиблась. Во всяком случае, ощущение, что за ней наблюдают, следят, исчезло. Ледяной голос это знал и ничего не ответил. Триша внезапно поняла, что может представить себе его обладательницу: злобная, маленькая, кривящая в усмешке рот паршивка, внешне чем-то похожая на Тришу (сходство отдаленное, как между троюродными сестрами). А теперь она уходила, расправив плечики и сжав пальцы в кулаки, являя собой негодование и обиду.

— Уходи и держись от меня подальше, — бросила ей Триша. — Тебе меня не запугать. — А после паузы добавила: — Пошла на хер!

И пусть с губ Триши слетело, как говорила Пепси, «ужасное слово», Триша об этом нисколько не сожалела. Она даже представила себе, что повторит его и своему братцу Питу, если по дороге из

школы Пит вновь заведет разговор о Молдене. В Молдене, мол, есть то, в Молдене есть это, у отца можно то, у отца можно это. И тут она заявит ему: «Эй, Пит, а не пойти ли тебе на хер вместе со своим нытьем», — вместо того чтобы помалкивать и сочувственно кивать. Как ему это понравится: «Эй, Пит, а не пойти ли тебе на хер»? Триша увидела брата, как живого. Глаза вылезли из орбит, челюсть отвисла. Смех да и только. Вот Триша и захихикала.

А потом встала, подошла к ручью, выбрала четыре камня, бросила их по одному в воду, сооружая переправу. Перебралась на другой берег и зашагала по склону.

Склон этот все круче уходил вниз, а вода в ручье журчала все громче, перекатываясь по каменистому руслу. Когда же Триша попала на относительно ровный участок, она решила, что пора останавливаться на ночлег. Сумерки уже сгущались, а она понимала: прогулка по крутому склону в темноте чревата падением. Да и место ей приглянулось: не поляна, но и не чаща. Небо, во всяком случае, она видела.

— Комаров, правда, тьма. — Триша отмахнулась от целой тучи, что висела напротив лица, и пришлепнула нескольких, уже усевшихся на

шею. Направилась к ручью, чтобы добыть ила, но (ха-ха, шутить изволите, девочка?) никакого ила не нашла. Камней — сколько хочешь, но никакого ила. Триша присела на корточки, не замечая вьющейся вокруг мошкары, задумалась, кивнула, довольная найденным решением. Ребром ладони сгребла иголки с небольшого участка мягкой земли, вырыла в ней ямку, затем достала из рюкзака пустую бутылку и с ее помощью наполнила ямку водой. Потом замешала воду рыхлой землей, получив немалое удовольствие от самого процесса (думала она при этом о бабушке Андерсен, которая по субботам месила тесто на кухне). Полученной кашицей намазала лицо и шею. К тому времени практически стемнело.

Триша встала, размазывая остатки кашицы по рукам, огляделась. Упавшего дерева, привалившись к которому она могла бы провести ночь, не нашлось. Зато в двадцати ярдах она заметила кучу сосновых веток. Отнесла одну к высокой ели, стоявшей у ручья, поставила на попа, под небольшим углом, хвоей вверх. Между стволом ели и веткой сосны образовалось пространство, куда она могла заползти… маленький шалаш. Если ветер не свалит ветви, подумала Триша, в таком шалаше будет очень уютно.

Когда она несла две последние ветви, у нее схватило живот. Триша остановилась, держа в каждой руке по ветке, ожидая, что за этим последует. Живот успокоился, но какие-то неприятные ощущения остались. Как будто там трепыхалось. Триша чувствовала, что с ней что-то не так, но не могла определить, в чем, собственно, проблема.

Все дело в воде, разъяснил ей ледяной голос. В воде что-то растворено. Ты отравилась, сладенькая. И к утру скорее всего умрешь.

— Умру так умру, — огрызнулась Триша и добавила две последние ветки к своему шалашу. — Меня мучила жажда. Я не могла не напиться.

На это ответа она не получила. Может, обладательница ледяного голоса, эта предательница хоть это да поняла: она не могла не напиться воды из ручья, не могла, и все тут.

Триша присела рядом с рюкзаком, открыла его, достала «Уокмен». Вставила в уши наушники, включила. Трансляцию радиостанции WCAS она слышала, но сигнал заметно ослабел по сравнению с прошлым вечером. Триша улыбнулась, подумав о том, что она уходит из зоны устойчивого приема. Такое с ней уже случалось, когда они отправлялись в дальние поездки на автомобиле. И тут же у нее забулькало в животе.

— Внимание, — услышала Триша слабенький голос Джо Кастильоне. — Он занял место бэттера, и мы готовы начать вторую половину четвертого иннинга.

Внезапно к горлу подкатила тошнота, напала икота. Триша выкатилась из шалаша, поднялась на колени, и ее тут же вырвало. Левой рукой она успела опереться о дерево, правой — сжимала живот.

Она еще стояла на коленях, жадно ловя ртом воздух, выплевывая остатки пережеванного орляка, а Мо уже успел пропустить три мяча. И его место занял Трой О'Лири.

— Да, у «Ред сокс» сегодня не самая удачная игра, — заметил Джерри Трупано. — Вторая половина четвертого иннинга, они проигрывают один — семь, а Энди Петит по-прежнему делает с ними, что хочет.

— Говнюк, — выдохнула Триша, и ее снова вырвало. Она не видела, что вылетает у нее изо рта, уже совсем стемнело, не могла этому не порадоваться, но чувствовала, рвет ее водой, а не желчью. Стоило ей об этом подумать, как желудок скрутило вновь. Она подалась назад от деревьев, между которыми она блевала, стоя на коленях, и тут взбунтовался кишечник.

— О, ГОВНЮК! — взвизгнула Триша, расстегивая пуговицу, потом молнию джинсов, в полной уверенности, что не успеет их снять, не успеет, такое абсолютно невозможно, но все-таки успела, сдернула джинсы и трусики, увела их с линии огня. А уж потом содержимое кишечника выплеснулось горячей, вонючей струей. Триша непроизвольно вскрикнула, и тут же, словно в насмешку, на ее вскрик откликнулась какая-то птичка. Когда же все, что могло, вылетело и Триша попыталась подняться, у нее закружилась голова. Девочка потеряла равновесие и плюхнулась задом в собственное теплое дерьмо.

— Заблудилась и сижу в своем говне, — констатировала Триша, уже заплакала и тут же начала смеяться: действительно, ситуация комичная. Заблудилась и сижу в своем говне, повторила она уже мысленно. Плача и смеясь, она не без труда сняла спущенные на щиколотки джинсы и трусики (джинсы стали черными от грязи, порвались на коленях, но ей удалось не выпачкать их в дерьме… во всяком случае, пока), поднялась и голая до пояса направилась к ручью, с «Уокменом» в одной руке. Трой О'Лири заработал очко примерно в тот момент, когда она потеряла равновесие и плюхнулась в собственные экскременты. Те-

перь же, когда она вошла в ледяной ручей, Джим Лейриц отменно отбил мяч, и разрыв сократился еще на два очка.

Триша присела, начала мыть попку и бедра.

— Все дело в воде, Том, — объяснила она Тому Гордону. — В этой чертовой воде, но что мне оставалось делать? Только смотреть на нее?

К тому времени, когда она вышла на берег, стопы у нее совершенно онемели. Онемела и попка, но зато стала чистой. Триша надела трусики, джинсы и уже собралась застегнуть молнию, когда у нее вновь скрутило желудок. Триша шагнула к ближайшему дереву, оперлась о него, и ее вырвало. На этот раз одной горячей жидкостью: весь орляк покинул ее желудок раньше. Триша прижалась лбом к шершавой коре сосны. Представила себе прибитую к дереву табличку с надписью вроде тех, какие люди вешают на летние домики у озер и моря: «ТРИШИНО БЛЕВОТНОЕ МЕСТО». Мысль эта заставила ее рассмеяться, но уж больно невеселым был этот смех. А по радио тем временем шла реклама: «Позвоните по телефону 1-800-54-GIANT».

Теперь забурлило в кишечнике.

— Нет, — прошептала Триша, не отрывая лба от сосны, не открывая глаз. — Нет, пожалуйста,

хватит. Помоги мне, Господи. Пожалуйста, больше не надо.

Не сотрясай понапрасну воздух, процедил ледяной голос. Молиться Неслышимому бесполезно.

Бурление сошло на нет. На негнущихся, ватных ногах Триша вернулась к шалашу. Болела спина, мышцы живота сводило судорогой. Кожа пылала. Триша даже подумала, что у нее поднялась температура.

За «Бостон Ред сокс» вышел подавать Дерек Лоув. Джордж Посада поприветствовал его точным ударом в правый дальний конец площадки. Триша осторожно забралась в шалаш, стараясь не задеть ветки ни рукой, ни ногой. Если бы задела, все сооружение скорее всего рухнуло бы на нее. Если бы ей вновь вдруг приспичило, она бы, конечно, все порушила. Но пока шалаш оставался шалашом.

Чак Клоблах послал мяч, как выразился Джерри Трупано, «высокой свечой». Даррен Брегг поймал его, но Посада уже успел добежать до «дома». У «Янкиз» стало на очко больше. В этот вечер ни «Бостон Ред сокс», ни ей ничего не светило. «Куда вам звонить, если у вас разлетелось ветровое стекло? — лежа на сосновых иголках, Триша повторила вопрос ненавязчивой рекламы. — 1-

800-54-GI…

По телу пробежала дрожь. Из жара Тришу бросило в холод. Она обхватила себя руками, надеясь, что дрожь эта не передастся веткам, которые она так аккуратно поставила у ствола, и они не упадут на нее.

— Вода, — простонала девочка. — Эта чертова вода, больше я к ней на пушечный выстрел не подойду.

Но она понимала, что все это лишь слова. И могла прекрасно обойтись без поучений ледяного голоса. Ей уже хотелось пить. После рвоты во рту и горле все пересохло, и она прекрасно знала, что скоро вновь прогуляется к ручью.

А пока она слушала репортаж с матча «Нью-Йорк янкиз» и «Бостон Ред сокс». В восьмом иннинге «Сокс» проснулись, сумели нейтрализовать Петита, несколько сократили разрыв. Началась первая половина девятого иннинга, «Янкиз» экзаменовали второго питчера Денниса Экерсли (Джо и Джерри Трупано называли его Эк), когда Триша сдалась: не смогла устоять перед призывным журчанием воды. Ее язык и горло взяли верх. Очень осторожно, ногами вперед, Триша вылезла из шалаша, подошла к ручью, напилась ледяной, потрясающе вкусной воды. Какой там

яд, куда больше вода тянула на божественный нектар. Девочка вновь забралась в шалаш, ее бросало то в жар, то в холод, она то покрывалась по́том, то дрожала всем телом. К утру я, наверное, умру. А если не умру, то так тяжело заболею, что буду мечтать о смерти.

«Ред сокс» к тому времени проигрывали пять — восемь, но их игроки стояли на всех базах всего при одном ауте. Номар Гарчапарра отменно отбил мяч. Если бы он успел покинуть место бэттера и совершить круговую пробежку, «Сокс» выиграли бы со счетом девять — восемь. Но Берни Уильямс, кэтчер «Янкиз», успел перехватить Номара. «Сокс» получили очко, но их это не спасло. О'Лири, который вышел против Мариано Риверы, не смог сотворить чуда. До конца игры счет не изменился. Триша выключила «Уокмен», экономя батарейки. Потом начала плакать, положив голову на руки. Ее вырвало, ее пронесло, «Ред сокс» проиграли. Том Гордон даже не вышел на поле. Жизнь кончилась. Она и заснула, продолжая плакать.

В тот самый момент, когда Триша не смогла удержаться и вновь пила воду из ручья, в полицейском участке города Касл-Рок раздался телефонный звонок. Магнитофон, на ленте ко-

торого фиксировались все входящие звонки, записал и разговор анонимного доброжелателя с дежурным.

Время звонка — 21:46

Звонящий: «Девочка, которую вы ищете, похищена с тропы Френсисом Раймондом Маззероле, первая буква Эм, как в микроскопе. Ему тридцать шесть лет, он носит очки, крашеный блондин, стрижется коротко. Поняли меня?»

Дежурный: «Сэр, позвольте спросить…»

Звонящий: «Заткнись, заткнись, слушай внимательно. Маззероле ездит на синем мини-вэне компании „Форд“, кажется, модель называется „Эколайн“. Сейчас он в Коннектикуте. Он — нехороший человек. Загляните в его досье, и вы все увидите сами. Он будет трахать ее несколько дней, если она ни в чем не будет перечить ему. У вас есть несколько дней, но потом он ее убьет. Такое он уже проделывал».

Дежурный: «Сэр не могли бы вы назвать номерные знаки…»

Звонящий: «Я сказал тебе, как его зовут и на чем он ездит. Остальное выяснишь сам. Он это уже

проделывал».

Дежурный: «Сэр…»

Звонящий: «Надеюсь, вы его убьете».

Разговор закончен в 21:48.

Полиция выяснила, что в участок звонили с телефона-автомата в Олд-Очард-Бич. На том след анонимного осведомителя оборвался.

Около двух ночи, через три часа после того, как полиция Массачусетса, Коннектикута, Нью-Йорка и Нью-Джерси начала поиски синего мини-вэна, изготовленного компанией «Форд», за рулем которого сидел коротко стриженный блондин в очках, Триша проснулась. К горлу подкатывала тошнота, живот скрутило. Триша разметала ветви шалаша, успела отойти на пару шагов, стянуть с себя джинсы и трусики. Из нее вылилось огромное количество едкой жидкости. Внутренности жгло как огнем.

После того, как поток иссяк и спазмы утихли, девочка вновь подошла к Тришиному Блевотному Месту, оперлась рукой о то же дерево. Кожа горела, волосы слиплись от пота. При этом она дрожала всем телом, а зубы у нее выбивали мелкую дробь.

Я не могу больше блевать. Пожалуйста, Господи, пойми, что я не могу больше блевать. Я умру, если блев не прекратится.

Вот тогда она впервые увидела Тома Гордона. Он стоял меж деревьев в пятидесяти футах от нее, его белая униформа ослепительно блестела в просачивающемся сквозь листву лунном свете. Он был в перчатке. Правая рука пряталась за спину, но Триша знала, что в ней зажат мяч. Пальцами он покручивал его на ладони, с тем чтобы швы на мяче заняли определенное, только ему ведомое положение относительно ладони и пальцев. То самое положение, которое гарантировало, что мяч полетит точно в цель.

— Том, — прошептала Триша. — Сегодня у тебя не было ни единого шанса, так?

Том не ответил. Он ждал сигнала кэтчера. А потому застыл как статуя. Он стоял под лунным светом, и видела она его так же отчетливо, как царапины на своих руках, он был для нее таким же реальным, как тошнота и спазмы в животе. Он застыл, ожидая сигнала. Не то чтобы совсем застыл, рука за спиной поворачивала и поворачивала мяч, но та часть его тела, которую она видела, застыла. Да, застыла в ожидании сигнала. Триша задумалась, а под силу ей вот такое — сбросить с

себя дрожь, как утка сбрасывает с перышек воду, и полностью скрыть жжение внутри.

Она попыталась, держась одной рукой за дерево. Поначалу не получилось (хорошее сразу никогда не получается, говорил ей папик), но в конце концов все пошло как по писаному: внутри все успокоилось. Так она простояла достаточно долго. Захотел бы бэттер покинуть свое место из-за того, что пауза между подачами слишком затянулась? Это его дело. Ее его действия никак не касались, ни с какого бока. Ее интересовало только умение замереть, замереть в ожидании сигнала, замереть с мячом, зажатым в правой руке. Недвижимость эта начиналась от плеч, а потом распространялась по всему телу, она успокаивала и помогала сосредоточиться.

Дрожь, бившая Тришу, начала стихать, потом и вовсе пропала. В какой-то момент она поняла, что и желудок больше не бунтует. Кишечник еще жгло, но уже не так сильно. Луна зашла. Ушел и Том Гордон. Разумеется, он и не приходил, Триша это знала, но…

— На этот раз он выглядел как живой, — просипела она. — Точь-в-точь как живой. Круто!

Медленно, волоча ноги, девочка вернулась к дереву, рядом с которым построила шалаш. И хо-

тя ей ужасно хотелось спать, она не поленилась вновь поставить ветви у ствола ели и только потом забралась под них. Пока она спала, кто-то подошел и долго смотрел на нее. Смотрел и смотрел. И ушел, лишь когда небо на востоке начало светлеть… ушел недалеко.

Шестой иннинг

Когда Триша проснулась, вокруг пели птички. Ярко светило солнце, уже высоко поднявшееся над горизонтом. Похоже, она проспала часов до десяти. И спала бы дольше, если бы не голод. Внутри, от горла до колен, образовалась огромная каверна. А посередине поселилась боль, настоящая боль. Ее словно щипали изнутри. Тришу эти ощущения не на шутку перепугали. И раньше случалось, что ей хотелось есть, но чтобы голод доставлял боль — такого еще не было.

Она вылезла из шалаша, повалив несколько ветвей, заковыляла к ручью, упираясь руками в поясницу. Наверное, выглядела она совсем как бабушка Пепси Робишо, подслеповатая, с распухшими от артрита суставами, которая не могла ходить без посторонней помощи. Бабушка Скрипуха называла ее Пепси.

Триша опустилась на колени, уперлась в землю руками и стала пить, как лошадь из корыта. Она предчувствовала, что вода вновь вызовет рвоту и понос, но не видела иного выхода, кроме как напиться. Чем еще она могла наполнить желудок?

Потом встала, огляделась, подтянула джинсы (они были ей в самый раз, когда она надевала их в сэнфордской спальне, в далеком прошлом, в далеких краях, а теперь стали великоваты) и зашагала вниз по склону, вдоль ручья. Она уже не рассчитывала на то, что ручей выведет ее к людям, но ей хотелось уйти подальше от Тришиного Блевотного Места.

Она отмахала сотню ярдов, когда дала о себе знать наглая паршивка. Ты что-то забыла, не так ли, сладенькая? Чувствовалось, что наглая паршивка тоже устала, но голос оставался таким же ледяным и ироничным, как и раньше. И, как обычно, она не грешила против истины. Триша остановилась, наклонила голову, постояла минуту-другую, потом повернулась и потащилась вверх по склону, к тому дереву, у которого провела ночь. Ей пришлось дважды останавливаться, чтобы дать успокоиться бешено бьющемуся сердцу. Сил у нее осталось совсем ничего.

Триша наполнила бутылку водой, положила ее и превратившееся в лохмотья пончо в рюкзак, тяжело вздохнула, закинув его за плечи (в нем же ничего нет, а такое ощущение, будто он набит кирпичами), и вновь тронулась в путь. Шагала медленно и останавливалась каждые пятнадцать

минут, чтобы передохнуть, хотя продолжала идти вниз по склону. Голова гудела. Все цвета словно прибавили в яркости. А когда сойка затарахтела над головой, в барабанные перепонки Триши вонзились сотни острых иголок. Она притворялась, будто Том Гордон идет рядом с ней, за компанию, но какое-то время спустя необходимость в притворстве пропала. Он шагал рядом, и хотя Триша знала, что он — галлюцинация, при дневном свете Том Гордон выглядел таким же настоящим, как и при лунном.

Около полудня Триша споткнулась о камень и повалилась в заросли колючих кустов. У нее перехватило дыхание, сердце едва не выпрыгнуло из груди, перед глазами вспыхнули белые звезды. Первая попытка выбраться из зарослей не удалась: колючки цепко держали ее. Девочка выдержала паузу, собралась с силами, на несколько мгновений замерла, потом рванулась. Из кустов она вырвалась, но, когда попыталась встать, выяснилось, что ноги ее не держат. И неудивительно. За последние сорок восемь часов она съела одно сваренное вкрутую яйцо, сандвич с тунцом, два «Туинкиз» и несколько палочек сельдерея и молодых побегов орляка. Ее также вырвало и пронесло.

— Мне суждено умереть, не так ли, Том? — спросила она. Ровным, спокойным голосом.

Ответа не получила. Подняла голову, огляделась. Номер 36 ушел. Триша дотащилась до ручья, попила. Вода более не вызывала болезненной реакции ни в желудке, ни в кишечнике. Девочка не знала, что сие означает: то ли ее организм привык к этой воде, то ли отказался от попыток избавиться от гадости, которая в ней содержалась.

Триша села, вытерла рот, посмотрела на северо-запад, вдоль русла ручья. Склон сменялся равниной, зрелый лес уступал место более молодому, с густым подлеском. Она уже знала, что идти таким лесом — удовольствие не из приятных. И понимала, что на длительное путешествие сил у нее просто не хватит. А если бы она попыталась идти по воде, то поток скорее всего сшиб бы ее с ног. Не слышала она ни стрекотания вертолетов, ни лая собак. Подумала о том, что при желании могла бы услышать и первое, и второе, видела же она Тома Гордона, когда этого хотела, но проку от этого не было никакого. Реальными могли быть только те звуки, которые раздавались внезапно, удивляли ее.

Но услышать их Триша уже и не надеялась.

— Мне суждено умереть в лесу. — На этот раз

вопросительных интонаций в ее голосе не слышалось.

Безмерная печаль отразилась на лице девочки, но слезы не закапали. Она вытянула руки, посмотрела на них. Руки дрожали. Наконец Триша встала и двинулась вниз по склону. Шла медленно, опираясь о стволы деревьев, хватаясь за ветки кустов, чтобы не упасть. А в это время два детектива из прокуратуры штата допрашивали ее мать и брата. Во второй половине дня психиатр, работавший в полицейском управлении, попытался их загипнотизировать, и с Питом ему это удалось. Как детективы, так и психиатр задавали вопросы, связанные с автостоянкой, на которую они свернули ранним субботним утром. Не видели ли они синего мини-вэна? Не видели ли они коротко стриженного блондина в очках?

— Господи. — Из глаз Куиллы брызнули слезы, которые ей так долго удавалось сдерживать. — Господи, вы думаете, мою девочку похитили, не так ли? Утащили в лес, пока мы спорили?

Тут заплакал и Пит.

В ТР-90, ТР-100, ТР-110 поиски Триши продолжались, но район поисков существенно сузился, и поисковые труппы получили указание сконцентрировать свое внимание на том участке,

где Тришу видели в последний раз. Мужчины и женщины, прочесывающие лес, теперь искали скорее не девочку, а ее вещи: рюкзак, синее пончо, одежду. Но не трусики. И сотрудники прокуратуры, и полицейские знали, что трусиков не найти. Такие, как Маззероле, с нижним бельем своих жертв не расставались. Хранили их и после того, как тела жертв находили в канавах или дренажных штольнях.

Триша Макфарленд, которая не только никогда в жизни не видела Френсиса Раймонда Маззероле, но даже понятия не имела о его существовании, находилась в тридцати милях от северо-западного периметра нового, уменьшенного района поисков. Члены Ассоциации следопытов штата Мэн и егери Службы охраны лесов скорее всего этому не поверили бы, даже если бы их не пустили по ложному следу. Более того, она уже покинула штат Мэн. В понедельник, в три часа пополудни, Триша пересекла границу Нью-Хэмпшира.

А еще через час или около того Триша увидела кусты, усыпанные красными ягодами, рядом с буковой рощицей. Она направилась к кустам, не решаясь поверить своим глазам: разве совсем недавно она не убеждала себя, что может, как

по заказу, увидеть и услышать все, что ей захочется.

Все так… но она также сказала себе: если увиденное или услышанное удивит ее, значит, она видит и слышит что-то реально существующее. И уже через несколько шагов она не сомневалась, что кусты настоящие, никакая это не галлюцинация. Кусты митчеллы… и обсыпавшие ветки сочные красные ягоды, похожие на маленькие яблочки.

— Ягоды! — выкрикнула она, и последние сомнения отпали, когда две вороны, лакомившиеся ягодами в гуще кустов, взлетели в воздух с карканьем.

Дойти до кустов шагом у Триши не получилось. Последний отрезок она пробежала и остановилась у первого куста, тяжело дыша, с пятнами румянца на щеках. Протянула грязные руки, затем убрала их: у нее возникла безумная мысль, что пальцы пройдут сквозь ягоды. И никакая это не митчелла, а кусты-вампиры, как в фильмах ужасов. Стоит ей коснуться ягод, как они превратятся в шипы и вопьются в ее руки, чтобы напиться теплой кровушки.

— Нет. — Триша качнула головой, вновь потянулась к ягодам. И, после секундного колебания,

коснулась одной. Маленькой и мягкой. Ягода лопнула под ее пальцами. Красный сок брызнул на кожу. Однажды она видела, как отец брился и порезался. Такие же крошечные капельки выступили тогда на щеке.

Триша поднесла палец с капельками (и маленьким кусочком кожицы) ко рту, облизала. Митчелла по вкусу напомнила ей не жвачку «Тиберри», а сок клюквы, налитый из бутылки, которую достали из холодильника. От этого воспоминания Триша заплакала, но едва ли она знала, что по ее щекам текут слезы. Руки уже тянулись к ягодам, срывали их, заталкивали в рот. Ягоды она не пережевывала: просто проглатывала и набивала рот новыми.

Ее организм раскрылся навстречу ягодам, наслаждался их сладостью. Все прочие ощущения исчезли. Весь окружающий мир сузился до лесной «плантации» митчеллы, на которую ей удалось набрести. Она срывала ягоды целыми гроздями, тут же отправляя их в рот. Пальцы окрасились красным, потом ладони, наконец, губы и подбородок. По мере того, как она углублялась в кусты митчеллы, все большие участки кожи окрашивались соком, цвет которого так напоминал кровь. И вскоре напоминала девочку,

которая сильно порезалась и нуждалась в срочной медицинской помощи.

Заодно Триша съела и несколько листочков. Мать оказалась права: на вкус ничего, вполне съедобные, даже если ты не лесной сурок. Кисловатые. А сочетание листьев и ягод напомнило ей желе, которое бабушка Макфарленд подавала с жареной курицей.

Она бы и дальше двигалась на юг, методично обдирая кусты, но ягодная «плантация» резко оборвалась. Триша вышла из кустов и оказалась лицом к лицу с крупной оленихой. Ее темно-коричневые глаза не отрывались от девочки. Триша выронила горсть ягод, что держала в руке, и пронзительно закричала.

Пока Триша ломилась через кусты, олениха не обращала на нее ни малейшего внимания. Не очень-то испугал ее и крик девочки. Уже гораздо позже Триша подумала, что в осенний охотничий сезон такая вот непугливость может стоить оленихе жизни. Олениха лишь дернула ушами да отступила на пару шагов в глубь небольшой полянки, на которой тут и там пересекались полоски пробившегося сквозь листву солнечного света.

За спиной оленихи, взирая на Тришу с куда

большим испугом, стояли на тоненьких ножках два олененка. Олениха развернулась, через плечо еще раз посмотрела на Тришу и неторопливо направилась к своим детенышам. Триша провожала ее восхищенным, полным изумления взглядом. Точно так же, во все глаза, Триша смотрела и на бобров, которые сначала сидели на своих хатках, а потом уплыли по своим делам.

Троица оленей постояла на краю полянки у буковой рощицы, словно позируя для семейного портрета. Потом олениха мордой ткнулась одному из оленят в бок, может, подтолкнула его, и втроем они ретировались в лес. Триша увидела их белые хвостики, а мгновением позже полянка осталась в ее полном распоряжении.

— До свидания! — крикнула им вслед Триша. — Спасибо, что загляну…

Она замолчала на полуслове, потому что поняла, с чего это олени облюбовали эту полянку: ее всю усыпали буковые орешки. О том, что они съедобные, Триша узнала не от матери, а на уроках ботаники. Пятнадцать минут назад она умирала от голода. Теперь же ее радовали роскошным

обедом, совсем как на День благодарения[23]… пусть и вегетарианским, но кому это мешало?

Триша присела, подобрала орешек, попыталась раскрыть его остатками ногтей. К ее удивлению, проблем не возникло. Буковый орешек раскрылся легко, совсем как орешек арахиса. Скорлупа была размером с костяшку пальца, а вот зернышко оказалось чуть больше семечка подсолнуха. Триша раскусила зернышко, еще сомневаясь, сможет ли она их есть. Вкус ей понравился, да и ее организм ничего не имел против. Более того, зернышек буковых орешков ему хотелось никак не меньше, чем ягод митчеллы.

Голод она в основном утолила ягодами. Триша не могла сказать, сколько она съела (не упоминая о листьях: зубы ее, наверное, стали такими же зелеными, как у Артура Родоса, отвратительного мальчишки, который жил неподалеку от Пепси), но скорее всего много. Да и желудок у нее сжался. А потому орешки ей следовало…

— Их надо взять с собой, — пробормотала Три-

---

[23] Примечания: [23]

Национальный праздник США, отмечаемый в четвертый четверг ноября. Посвящен первому урожаю, собранному в Плимутской колонии в 1621 году после голодной зимы в Новом Свете. Тогда колонисты устроили трехдневное празднество с благодарственными молебнами и пиршеством. Считается семейным праздником и отмечается традиционным обедом с индейкой.

ша. — Да, крошка, орешками надо запастись на будущее.

Триша скинула с плеч рюкзак, удивившись тому, как быстро восстанавливаются силы: только что она едва волочила ноги, а теперь, казалось, могла летать, расстегнула пряжки, откинула карман. И, нагибаясь и приседая, закружила по полянке, грязными руками собирая орешки. Волосы падали ей на глаза, свитер болтался как на вешалке, ей приходилось то и дело подтягивать джинсы. Они были ей впору тысячу лет назад, когда она надевала их, но теперь так и норовили соскользнуть с бедер. Собирая орешки, она раз за разом бубнила себе под нос рекламную фразу о том, что положено делать, если разобьется ветровое стекло, — позвонить по телефону 1-800-54-GIANT. Когда Триша набрала столько орешков, что они полностью закрыли дно рюкзака, она вернулась на ягодную «плантацию», начала укладывать ягоды (те, что не попадали в рот) на орешки.

Когда же Триша вынырнула из кустов в том месте, где и входила в них, где едва заставила себя дотронуться до первой ягоды, настроение у нее заметно улучшилось. Будущее уже не представлялось ей исключительно в черном цвете. Все

будет хорошо, подумала она, и мысль эта так ей понравилась, что она произнесла эти три слова вслух. И не один раз, а два.

Она подошла к ручью, таща за собой рюкзак, села под деревом. В воде (добрый знак!) увидела маленькую серебристую рыбку, которая плыла по течению: возможно, малька форели.

Триша повернулась лицом к солнцу и какое-то время сидела закрыв глаза.

Потом поставила рюкзак себе на колени, запустила в него руку, перемешала ягоды и орешки. Ей вспомнился дядюшка Скрудж Макдак, пересыпающий золотые монеты в хранилище-сейфе, и она весело рассмеялась. Абсурдный, конечно, образ, но очень уж похоже на ее теперешнее занятие.

Она очистила с дюжину буковых орешков, добавила на ладонь столько же ягод (теперь она уже снимала их с грозди) и тремя порциями отправила в рот: десерт. Вкус был божественный, прямо как у мюслей, которые иногда они ели на завтрак вместо корнфлекса. После третьей порции Триша поняла, что она наелась до отвала. Впрочем, она не знала, сколь долго сохранится это чувство сытости. Может, орешки с ягодами ничем не отличались от блюд китайской кухни:

поел и вроде бы сыт, а через час вновь начинает разбирать голод. Но в тот момент ее желудок напоминал наполненный подарками рождественский чулок. И как же это здорово — набить желудок. Она прожила девять лет, не зная, как мало надо человеку для счастья, но уж теперь не сомневалась, что полученного урока (набить желудок — это здорово) не забудет до конца жизни.

Триша откинулась к стволу дерева, заглянула в рюкзак. С ее лица не сходила счастливая улыбка. Если бы она так не наелась (нажралась, как удав, подумала Триша), она могла бы засунуть голову в рюкзак, как лошадь сует голову в торбу с овсом, лишь для того, чтобы вдохнуть тот нежный аромат, что шел от ягод митчеллы, смешанных с буковыми орешками.

— Друзья мои, вы спасли мне жизнь, — сказала она. — Спасли мою несчастную жизнь.

На другой стороне ручья она видела полянку, усыпанную сосновыми иголками. Солнечный свет падал на нее длинными золотыми полосами. Над полянкой порхали бабочки. Сложив руки на животе, в котором уже ничего не бурлило, Триша наблюдала за ними. В тот момент она не могла сказать, что ей недостает матери, отца, брата, лучшей подруги. В тот момент она не хотела

возвращаться домой, хотя у нее болело и зудело от комариных и осиных укусов все тело. Никогда ранее не испытывала она такой умиротворенности. Если я выберусь отсюда, то никому не смогу об этом рассказать, подумала Триша. Она наблюдала за бабочками, а веки ее опускались все ниже и ниже. Две бабочки были белые, а одна черная или темно-коричневая.

И что ты не сможешь рассказать, сладенькая? Опять эта наглая паршивка, только голос уже не такой ледяной, в нем слышалось лишь любопытство.

О том, что чувствую. О том, как мало человеку надо для счастья. Просто поесть… да, наесться досыта, а потом отвалиться…

— Неслышимый. — Это слово Триша произнесла вслух, по-прежнему наблюдая за бабочками. Две белые и одна черная, они танцевали в лучах клонящегося к горизонту солнца. Она подумала о Маленьком Черном Самбо, сидящем на дереве, тиграх, бегающих внизу и рвущих на куски его новую одежду, а потом убегающих в саванну. Ее правая рука отцепилась от левой, скатилась с колен, легла на землю. Для того чтобы вернуть ее обратно, пришлось бы затратить слишком много сил, поэтому Триша оставила руку там,

куда она легла.

Чего ты вспомнила Неслышимого, сладенькая? Что ты хотела о нем сказать?

— Ну… — медленно, сонно ответила Триша. — Что-то в этом есть, не так ли?

Наглая паршивка не соизволила ответить. Тришу это только порадовало. Она была такая сонная, такая наетая, ей было так хорошо. Впрочем, она не заснула; даже потом, когда поняла, что не могла не заснуть, ей все-таки казалось, что она не заснула. Она помнила, как подумала о дворике за новым, меньших размеров домом отца, о том, что траву давно следовало покосить, о том, что у гномов хитрые улыбки, словно они знали что-то такое, о чем было неведомо ей, о том, что отец заметно погрустнел и постарел и теперь от него всегда пахло пивом. Жизнь могла быть очень грустной, она в этом убедилась, так что отца она понимала. Взрослых, однако, всеми силами заставляли верить в обратное, и они лгали своим детям (к примеру, ни один фильм, ни одна телепередача не готовили ее к тому, что она может потерять равновесие и плюхнуться задницей в собственное дерьмо), чтобы не пугать их, не вызывать у них стресса, но истина заключалась в том, что жизнь могла быть очень грустной.

Люди жили в жестоком мире, который в любой удобный ему момент мог показать зубы и ухватить ими ничего не подозревающего человека. Она убедилась в этом на собственном опыте. Ей было всего девять лет, но она уже знала, что это так. И поняла, что случай это не единичный, так уж устроена жизнь. В конце концов, ей скоро исполнится десять, и для своего возраста она — высокая девочка.

Я не знаю, почему мы должны расплачиваться за совершенные вами ошибки?! Последние слова Пита, которые донеслись до нее с Тропы. И теперь она знала ответ. Простой, грубый, но, наверное, единственно правильный: потому что. А если тебе он не нравится, утрись и не вякай.

Триша догадывалась, что во многом она стала куда взрослее своего старшего брата.

Она посмотрела на ручей и увидела, что чуть дальше, ярдах в сорока вниз по течению от того места, где она сейчас сидела, он сливается с другим ручьем, который маленьким водопадом скатывался с высокого берега. Хороший признак, подумала Триша. На это она и рассчитывала с самого начала. Два ручья вместе больше одного, они приведут ее к третьему, четвертому, и в итоге она выйдет к реке, которая и выведет ее

к людям.

Взгляд ее переместился на маленькую полянку на другом берегу ручья, и она увидела троих людей, которые стояли там и смотрели на нее. По крайней мере она решила, что смотрели. Потому что не могла разглядеть их лица. И ноги тоже. Все трое были одеты в длинные сутаны, совсем как священники в фильмах о далеком прошлом («В стародавние дни, когда рыцари были смелы, а дамы крутили задом», — иной раз пела Пепси Робишо, прыгая через скакалку). Подолы сутан мели ковер из сосновых иголок, устилавший полянку. Капюшоны скрывали лица. Тришу их появление удивило, но не испугало, во всяком случае, поначалу. Двое были в белых сутанах. Третий, тот, что стоял посередине, — в черной.

— Кто вы? — спросила Триша.

Попыталась выпрямиться, сесть повыше, но не смогла. Слишком много съела, и еда придавливала ее к земле. Наверное, впервые она осознала, что это значит — осоловеть от еды.

— Вы мне поможете? Я заблудилась. Я заблудилась… — Она не помнила, сколько блуждала в лесу. Два дня? Три? — Уже давно. Пожалуйста, помогите мне.

Они не ответили, лишь стояли, глядя на нее (она

могла только предположить, что они смотрят на нее, потому что лица по-прежнему полностью скрывали капюшоны), и вот тогда Триша почувствовала страх. Они стояли, скрестив руки на груди, но кистей она не видела: они прятались в длинных рукавах сутан.

— Кто вы? Скажите мне, кто вы?

Тот, что стоял слева, выступил вперед, поднял руки к капюшону, и над белыми рукавами появились длинные белые пальцы. Он откинул капюшон и открыл Трише интеллигентное (пусть и грубоватое) лицо со срезанным подбородком. Он напомнил Трише мистера Борка, учителя биологии из Сэнфордской начальной школы, который рассказывал им о растениях и животных Новой Англии… в том числе, разумеется, и о всемирно знаменитых буковых орешках. Большинство мальчишек и некоторые девочки (скажем, Пепси Робишо) называли его Борк-Киборк. Он смотрел на Тришу через ручей, сквозь маленькие, в золотой оправе очки.

— Я пришел от Бога Тома Гордона, — ответил он. — Того самого, которого он благодарит, завершая игру победой.

— Правда? — вежливо спросила Триша. Она не знала, можно ли верить этому парню. Если бы он

представился Богом Тома Гордона, она бы точно ему не поверила. Она могла поверить многому, но только не тому, что этот Бог выглядит как учитель, преподающий биологию четвертому классу. — Это… очень интересно.

— Он не может помочь тебе, — продолжил Борк-Киборк. — Сегодня у него много других дел. К примеру, в Японии землетрясение, и очень сильное. Как правило, он не вмешивается в дела людей, но, должен признать, он спортивный болельщик. Хотя и не всегда болеет за «Бостон Ред сокс».

Он отступил на шаг, вновь накинул на голову капюшон. Мгновение спустя вперед выступил второй мужчина в белой сутане, тот, что стоял справа… Триша знала, что так оно и будет. Не зря же у взрослых есть поговорка: Бог троицу любит. Три желания, три зернышка, три царских сына, три сестры, на счет «три». Не упоминая уже о трех оленях, которые ели в лесу буковые орешки.

Мне это снится, спросила себя Триша, подняла руку, чтобы коснуться осиного укуса на левой скуле. Опухоль спала, но при прикосновении укус все еще отдавался болью. Нет, это не сон. Когда второй человек в белой сутане откинул капюшон, Триша увидела, что он похож на ее отца. Не выли-

тый Ларри Макфарленд, но человек, похожий на него, точно так же как первый мужчина в белой сутане походил на мистера Борка. Трише так, во всяком случае, показалось. Если это и был сон, то раньше она таких снов не видела.

— Только не говори мне, что ты пришел от Неслышимого, хорошо?

— Дело в том, что я и есть Неслышимый. — В голосе мужчины, похожего на ее отца, слышались извиняющиеся нотки. — Мне пришлось принять образ человека, который тебе знаком, потому что я очень слабый Бог. Я ничего не могу для тебя сделать, Триша. Сожалею, но это так.

— Ты выпил? — Триша внезапно разозлилась. — Выпил, не так ли? Даже отсюда я чувствую запах спиртного. Фу!

Неслышимый печально улыбнулся, ничего не ответил, отступил назад, накинул капюшон.

Наконец, вперед выступил третий, в черной сутане. Тришу охватил ужас.

— Нет! Не хочу тебя видеть. — Она попыталась встать, но вновь не смогла и шевельнуться. — Не хочу тебя видеть, уходи, оставь меня в покое.

Но руки поднялись, черные рукава откинулись, обнажая желтовато-белые когти, те самые когти, которые оторвали лосенку голову, разобрали его

тушу на две половинки.

— Нет, — прошептала Триша. — Нет, пожалуйста, нет. Я не хочу тебя видеть.

Существо в черной сутане не обратило ни малейшего внимания на ее слова. Сбросило капюшон. Лица под ним не было. Только бесформенная голова, образованная осами. Они ползали друг по другу и угрожающе жужжали. В осиной круговерти Триша разглядела некие человеческие черты: пустой глаз, ухмыляющийся рот. Голова, жужжала, как жужжали мириады мух над отгрызенной (или оторванной) головой лосенка. Жужжала, словно у существа в черной робе вместо мозга стоял моторчик.

— Я пришел от Зверя из леса. — Глуховатый, жужжащий, нечеловеческий голос. Точно такой Триша слышала по радио. Мужчина предостерегал от курения. Сам он докурился до рака горла, ему вырезали голосовые связки, и говорить он мог с помощью специального устройства, вживленного в шею. — Я пришел от Бога Заблудившихся. Он следит за тобой. Он ждет тебя. Ты принадлежишь ему.

— Уходи! — Триша хотела выкрикнуть это слово, но с ее губ сорвался лишь чуть слышный шепоток.

— Мир — это жуткое место, и, к сожалению, все, что ты чувствуешь, — правда. — Какой же противный этот жужжащий голос. Когти медленно прошлись по голове, продираясь сквозь месиво ос. Под ними взору Триши открывалась сверкающая кость. — Кожа мира — ткань, сплетенная из жал, в этом ты уже убедилась. А под ней нет ничего, кроме кости и Бога, которому мы поклоняемся. Звучит убедительно, ты согласна?

В ужасе, плача, Триша отвернулась, посмотрела на ручей. И выяснила для себя, что может шевелиться, если не смотрит на осоголового священника. Немного, но может. Она подняла руки, вытерла слезы, вновь посмотрела на полянку:

— Я тебе не верю! Я тебе…

Осоголовый священник исчез. И два его спутника в белых сутанах тоже. Лишь бабочки танцевали над полянкой на другом берегу ручья, восемь или девять вместо прежних трех, все разноцветные: две белые и черная куда-то улетели. И свет изменился, окрасился в оранжевые тона. Прошло, как минимум, два часа. Может, и три. Значит, она спала. «Так это был сон», — как говорилось во многих сказках… но Триша хоть и пыталась, не могла вспомнить, как она засыпала, не могла вспомнить разрыва в потоке сознания.

Да и по ощущениям это был не сон.

И тут в голову Трише пришла новая мысль, пугающая и успокаивающая одновременно: может, от орешков и ягод она не только наелась, но и заторчала? Она же знала, что от некоторых грибов можно заторчать, что некоторые ее знакомые именно для этого их и ели. А если можно заторчать от грибов, почему ягоды митчеллы не могут дать того же эффекта?

— Или листья, — добавила Триша вслух. — Может, все дело в листьях. Готова спорить, что так оно и есть. Ладно, больше никаких листьев, пусть и очень вкусных.

Триша поднялась, скривилась от боли, вызванной спазмами в животе. Потом громко пукнула, и боль сразу отпустила. Девочка подошла к ручью, нашла пару больших камней, бросила в воду, по ним перебралась на противоположный берег. Самочувствие у нее разительно изменилось. Сил заметно прибавилось, усталость не туманила голову. Однако воспоминания об осоголовом священнике не давали ей покоя, и она знала, что к ночи ее тревога только усилится. Если она не возьмет себя в руки, подумала Триша, то под каждым кустом ей будут чудиться всякие ужасы. А вот если она докажет себе, что это была гал-

люцинация, вызванная съеденными листьями митчеллы или непривычной для ее организма водой…

Ступив на маленькую полянку, Триша занервничала, совсем как глупая девочка в каком-то фильме, которая вошла в дом психопата и спросила: «Есть тут кто-нибудь?» Она посмотрела на другой берег, тут же почувствовала, что за ней наблюдают с этой стороны, так быстро повернулась, что едва не упала. Никого не увидела. Естественно, кого она могла увидеть в глухом лесу?

— До чего же ты бестолковая, — сказала себе Триша, но ощущение, что за ней наблюдают, вернулось, более того, усилилось. Бог Заблудившихся, как сказал осоголовый священник. Он следит за тобой, он ждет тебя. Осоголовый священник говорил что-то еще, но запомнила она только это: следит за тобой, ждет тебя.

Триша подошла к тому месту, где, по ее разумению, стояли трое в сутанах, поискала хоть какие-то следы. Ничего не обнаружила. Опустилась на одно колено, пригляделась повнимательнее. Тот же результат: ничего. Разве что чуть взбитые в одном месте сосновые иголки. След? Едва ли, Триша поднялась, повернулась к ручью, и тут ее взгляд ухватил в чаще леса справа от себя что-то

необычное.

Она вошла в лес, в полумрак, где тоненькие стволы молодых деревьев тянулись вверх, борясь друг с другом за пространство и свет. Тут и там белели стволы берез. На одном темнело пятно, которое и заметила Триша. Девочка испуганно оглянулась, не заметила ничего подозрительного, направилась к березе. Сердце выскакивало из груди, разум кричал криком: остановись, что ты делаешь, не ходи туда, дура, кретинка, идиотка, но Триша не остановилась, не повернула назад.

У подножия березы лежали окровавленные внутренности, такие свежие, что на них слетелись лишь несколько мух. Вчера от одного только вида внутренностей к горлу тут же подкатила бы тошнота, ей пришлось бы изо всех сил бороться с позывами на рвоту, но сегодня многое изменилось, и она сама, и ее жизнь, и окружающий мир. Никакой тошноты, никаких позывов, никакого желания отвернуться или по меньшей мере отвести взгляд. Вместо этого внутри все онемело. И Триша не могла сказать, лучше это или хуже.

На кусте, растущем рядом с березой, завис клок коричневого меха с белыми пятнышками. Триша поняла, что и внутренности, и клок принадлежали олененку, одному из двух, которых она видела

в буковой рощице. А чуть дальше, там, где полумрак еще более сгущался, переходя в ночь, она увидела ольху с прочерченными на коре глубокими полосами от когтей. Полосы эти находились высоко над землей, дотянуться до них мог только очень высокий человек. Но Триша не верила, что оставил их человек.

Он следил за тобой. Да, следил раньше и следит сейчас, в этот самый момент. Триша чувствовала, как чей-то взгляд ползает по ней, словно какие-то маленькие насекомые. Три священника ей, возможно, приснились или привиделись, но вот внутренности олененка или царапины на ольхе — никакая не галлюцинация, она видела их наяву. И чей-то взгляд, который она чувствовала на себе, — тоже не галлюцинация.

Тяжело дыша, оглядываясь по сторонам, Триша попятилась к ручью, ожидая, что из чащи вот-вот появится Бог Заблудившихся. Выбравшись из кустов, она продолжала пятиться, пока не добралась до берега. Только там развернулась и запрыгала по камням, перебираясь на противоположный берег. Ее по-прежнему терзал страх: а вдруг он выскочит следом за ней, ощетинившийся клыками, когтями, жалами. На втором камне поскользнулась, едва не свалилась в воду, но в

последний момент удержала равновесие и через несколько мгновений уже выбралась на берег. Повернулась, посмотрела на полянку. Никого. Улетело и большинство бабочек. Одна или две остались, провожая день.

Пожалуй, и ей следовало провести здесь ночь, рядом с кустами митчеллы и полянкой с буковыми орешками, но она боялась, что священники появятся вновь. Возможно, они ей только приснились, но один, в черной сутане, напугал ее до полусмерти. Опять же, не следовало забывать про задранного олененка. Мухи уже налетели, она слышала их жужжание.

Триша открыла рюкзак, набрала горсть ягод, посмотрела на них, лежащих в сложенной лодочкой ладони.

— Спасибо вам. Знайте, что ничего лучше вас есть мне не доводилось.

И пошла вдоль ручья, щелкая и жуя орешки. Какое-то время спустя начала петь, сначала тихонько, потом во весь голос:

— Крепче обними меня… чтоб я почувствовал тебя…

Вот так.

А день все угасал, плавно перетекая в ночь.

Первая половина седьмого иннинга

Сумерки сгущались. Триша вышла на открытый скалистый обрыв, нависший над небольшой, уже погрузившейся во тьму долиной. Триша оглядела ее, в надежде увидеть огни. Тщетно. Где-то закричала гагара. В ответ каркнула ворона. И все.

Триша огляделась, увидела несколько низких каменных выступов, между которыми ветром намело кучки сосновых иголок. Отнесла рюкзак к одному из них, прогулялась к ближайшим молодым сосенкам, наломала веток, чтобы соорудить из них матрац. Она понимала, что кровать будет не из лучших, но где взять другую? Ночь принесла с собой уже знакомые чувства одиночества и тоски по дому. Зато ужаса она не испытывала. Ощущение, что за ней наблюдают, исчезло. Если какой-то зверь и следил за ней из лесу, то теперь он ушел по своим делам, оставив ее в покое.

Триша подошла к ручью, опустилась на колени, попила. Живот схватывало у нее весь день, но спазмы были несильными и быстро проходи-

ли. Судя по всему, организм привыкал к лесной воде.

— Не возникло проблем и с ягодами, и с орешками, — вслух добавила Триша и улыбнулась. — Если не считать плохих снов.

Девочка вернулась к рюкзаку и постели из сосновых веток, достала «Уокмен», вставила наушники в уши. Подул прохладный ветерок. По разгоряченной коже Триши побежали мурашки. Триша выудила из рюкзака пончо, вернее, его лохмотья, прикрылась грязным синим пластиком, как одеялом. Грело, конечно, не пончо, а мысль о том, что она лежит под одеялом.

Триша включила «Уокмен». Плейер остался настроенным на ту же волну, что и предыдущим вечером, но услышала девочка лишь треск статических помех. Она вышла за радиус устойчивого приема радиостанции WCAS.

Триша прочесала FM-диапазон. Около отметки 95 мегагерц попала на классическую музыку. На 99 мегагерцах какой-то проповедник вещал о спасении. Тришу очень интересовало спасение, но совсем не то, о котором вел речь проповедник. В тот момент Бог мог помочь ей только одним: послать вертолет с поисковой командой. Поэтому проповедь она слушать не стала. На 104 мегагер-

цах громко пела Селин Дион[24]. После короткого колебания Триша повернула колесико настройки. Ей хотелось услышать, как Джо Кастильоне и Джерри Трупано комментируют игру «Бостон Ред сокс», а не песню Селин Дион о страдающем сердце.

Но в этот вечер репортажу с бейсбольного матча места на диапазоне FM не нашлось. Триша переключилась на AM и сразу настроилась на волну 850 килогерц, на которой работала бостонская радиостанция WEEI, транслирующая все матчи «Ред сокс». На многое она не рассчитывала, но надеялась хоть что-то услышать: ночью качество приема диапазона AM улучшалось, а WEEA располагала мощным передатчиком.

На прием Триша пожаловаться не могла, она все прекрасно слышала, да только ни Джо, ни Джерри в эфир не вышли. Их место занял один из тех, кого ее отец называл «говорливыми идиотами», — ведущий спортивного ток-шоу. Неужели в Бостоне идет дождь, подумала Триша. Игру отменили, стадион пуст, поле накрыто брезентом? Триша с сомнением посмотрела на небо. Первые

---

[24] Примечания: [24]

Современная, очень популярная канадская певица, лауреат престижной премии «Грэмми». Песни Селин Дион неоднократно возглавляли хит-парады в Соединенных Штатах и Англии.

звезды уже высыпали на темно-синем бархате. Скоро счет пойдет на миллиарды. И ни одного облачка. Конечно, до Бостона сто пятьдесят миль, может и больше, но…

А говорливый идиот общался с каким-то Уолтом из Фремингхэма. Тот разговаривал с мобильного телефона. Когда говорливый идиот спросил, где тот находится, Уолт из Фремингхэма ответил: «Где-то в Дэнверсе, Майк», — название города он произнес, как и большинство уроженцев Массачусетса, — Дэнвизз, отчего прозвучало оно почти как название лекарства, которое принимают при расстройстве желудка. Вы заблудились в лесу? Попили воды из ручья и в результате вас пронесло? Ложка «Дэнвизза» — и вам сразу полегчает.

Уолт из Фремингхэма хотел знать, почему Том Гордон всегда тычет пальцем в небо, доводя игру до победного конца («Вы знаете, Майк, этот его характерный жест — пальцем в небо», — так сказал Уолт), и Майк, этот говорливый идиот, ведущий спортивного ток-шоу, объяснил, что таким образом номер 36 благодарил Бога за дарованную его команде победу.

— Тогда ему следовало тыкать пальцем в Джо Керригэна, — указал Уолт из Фремингхэма. — Именно Керригэн предложил использовать его

на месте финишера. Вы же знаете, на первого и даже на второго питчера он тянет.

— Может, Господь Бог подсказал Джо Керригэну эту идею, вы об этом не подумали, Уолт? — спросил говорливый идиот. — Для тех, кто, возможно, этого не знает, скажу, что Джо Керригэн — тренер питчеров «Бостон Ред сокс».

— Я-то знаю, болван, — нетерпеливо прошептала Триша.

— Сегодня мы в основном говорим о «Ред сокс», потому что «Сокс» наслаждаются столь редким, свободным от игр днем, — продолжал Майк, говорливый идиот. — Завтра они начинают трехматчевую серию с Оклендом… да, все мы отправимся на Западное побережье, и на волне WEEA вы узнаете все подробности этих напряженных матчей. А сегодня у нас свободный от игр день.

Свободный от игр день! Тогда все понятно. Безмерное разочарование охватило Тришу, слезы хлынули из глаз. Теперь она плакала по любому поводу, из-за любого пустяка. Но ей так хотелось послушать репортаж с очередной игры «Бостон Ред сокс». Она и не подозревала, что ей очень не хватает голосов Джо Кастильоне и Джерри Трупано. А вот теперь, узнав, что не услышит их,

поняла, что просто жить без них не может.

— Некоторые телефонные линии еще открыты, — трещал говорливый идиот. — Давайте-ка их займем. Может, кто-нибудь думает, что Мо Вогну пора перестать валять дурака и расписаться на пустой строчке? Сколько денег нужно такому парню, как Мо? Хороший вопрос, не так ли?

— Это глупый вопрос, кретин, — в сердцах бросила Триша. — Если бы ты умел бить по мячу так же, как Мо, небось тоже просил бы кучу денег.

— Хотите поговорить о Педро Мартинесе Великолепном? Даррене Льюисе? Знаменитом кэтчере «Ред сокс»? Если есть такое желание, звоните. Не стесняйтесь, высказывайтесь. Ваше мнение наверняка интересно не только вам. Встретимся после рекламной паузы.

Вибрирующий от счастья голос заверещал: «Куда вы позвоните, если у вас разобьется лобовое стекло?»

— По телефону 1-800-54-GIANT, — ответила Триша и вертанула колесико настройки, уходя с волны WEEI. Может, она найдет репортаж с другой игры. Пусть даже ненавистных «Янкиз». Но, прежде чем она наткнулась на бейсбольный репортаж, Триша услышала свое имя.

— …тает надежда найти девятилетнюю Патри-

цию Макфарленд, которая числится пропавшей с субботнего утра.

Голос диктора информационного выпуска едва прорывался сквозь помехи. Триша наклонилась вперед, пальчиками вдавила в уши маленькие черные кружки наушников.

— Правоохранительные органы штата Коннектикут, действуя на основе информации, полученной от полиции штата Мэн, сегодня арестовали Френсиса Раймонда Маззероле, уроженца города Уэймаут, штат Массачусетс, и допрашивали его шесть часов, чтобы выяснить его причастность к исчезновению девятилетней Патриции Макфарленд. Маззероле, строитель-монтажник, в данный момент работающий на сооружении Хартфордского моста, дважды признавался виновным в развратных действиях с несовершеннолетними. Задержали его с тем, чтобы выдать полиции штата Мэн, обвинившей его в сексуальных домогательствах к пропавшей девочке. Однако в ходе допроса выяснилось, что ему ничего не известно о местонахождении Патриции Макфарленд. Осведомленный источник, близкий к полиции, говорит, что весь прошлый уик-энд Маззероле провел в Хартфорде. Это подтверждается показаниями многочисленных

свидетелей…

Звук пропал. Триша выключила плейер, вытащила наушники из ушей. Они по-прежнему ищут ее? Скорее всего. Да, у нее сложилось впечатление, что прошедший день, вместо того чтобы прочесывать лес, они толпились вокруг этого Маззероле.

— Что за кретины. — Триша печально покачала головой и убрала «Уокмен» в рюкзак. Легла на сосновые ветки, расправила пончо, поерзала, устраиваясь поудобнее. Ветер все дул, и Триша порадовалась тому, что лежит между каменными выступами. Вечер выдался холодным, а к утру она могла просто закоченеть.

Над головой, на черном небе сверкали мириады звезд, как она и ожидала. Столько она еще ни разу не видела. Триша знала, что они чуть померкнут, когда взойдет луна, но пока сияли так ярко, что слепили глаза. Как обычно, Триша задумалась о том, а есть ли среди них такие, что согревают своим теплом живых существ? Вращаются ли вокруг них планеты, поросшие джунглями, в которых водятся неведомые животные? Построены ли на этих планетах пирамиды? Правят ли ими короли? Живут ли на них гиганты? Играют ли там в некое подобие бейсбола?

— Куда вы позвоните, если у вас разобьется лобовое стекло? — просюсюкала Триша. — По телефону 1-800-54…

Она замолчала, шумно втянула воздух. Белая полоса прочертила небо: упала звезда. Полоса тянулась и тянулась, а потом разом исчезла. Не звезда, конечно, не настоящая звезда — метеорит.

За первым метеоритом небо прочертил второй, третий. Триша села, лохмотья пончо, которыми она прикрывалась, упали на колени, глаза широко раскрылись. Четвертый метеорит, пятый, эти полетели в другом направлении. Перед ней разворачивалось захватывающее зрелище: метеоритный дождь.

Должно быть, небо только и ждало, чтобы она это поняла, в следующее мгновение его избороздили ослепительно белые полосы. Триша смотрела во все глаза, крест-накрест сложив руки на груди, обхватив плечи нервными, с обкусанными ногтями пальцами. Она не видела ничего подобного, не могла даже представить себе, что такое вообще возможно.

— О, Том, — прошептала она дрожащим от волнения голосом. — О, Том, ты только посмотри. Ты видишь?

В большинстве своем полоски напоминали белые вспышки, которые появлялись, чтобы тут же исчезнуть. Но некоторые, может, пять, а может, восемь, прочерчивали полнебосвода. Триша млела от восторга.

Но вот звездопад начал сходить на нет. Триша легла, вновь укрылась пончо, вновь устроилась поудобнее, насколько может быть удобно искусанному телу на матраце из сосновых веток. При этом она продолжала ловить взглядом отдельные вспышки. Маленькие камушки, притянутые земной гравитацией, попадали в атмосферу, сначала раскалялись докрасна, а потом, по мере того, как атмосфера становилась все плотнее, сгорали дотла белым огнем. Триша и заснула, наблюдая за метеоритами.

И сны в ту ночь ей снились яркие, но отрывочные: тот же метеоритный дождь, только в голове. Запомнила она, однако, только один, тот самый, что приснился ей аккурат перед тем, как она проснулась глубокой ночью, замерзшая, кашляя, свернувшись в клубок, колени аж прижались к подбородку, и дрожа всем телом.

В этом сне она и Том Гордон оказались на заброшенном пастбище, которое уже начало зарастать кустами и деревьями. Том стоял около столбика,

высотой немного выше колена. Из верхнего торца столбика торчал старый, ржавый рым-болт. Том раскачивал его пальцами. Он был в теплой куртке, надетой поверх серой униформы для выездных матчей. Естественно, на следующий день ему предстояло играть в Окленде. Она спросила Тома, чего он вскидывает руку к небу. Она, конечно, знала, но все равно спросила. Возможно, потому, что это хотел знать Уолт из Фремингхэма, а такие кретины, как Уолт, никогда не поверили бы маленькой девочке, заблудившейся в лесу; Уолт хотел услышать ответ из уст самого финишера.

— Я вскидываю руку к небу, потому что Бог привык выходить на поле во второй половине девятого иннинга, — ответил Том, продолжая раскачивать рым-болт. Куда вы позвоните, если у вас не вытаскивается рым-болт? Разумеется, по телефону 1-800-54-RINGBOLT[25]. — Особенно если все базы заняты игроками соперника и на твоем счету только один аут. — При этих словах в лесу что-то застучало. Стук этот становился все громче и громче, и Триша открыла глаза. Поняла, что стучат ее зубы.

---

[25] Примечания: [25]
Рым-болт (англ.).

Девочка медленно поднялась, морщась от боли: тело не желало шевелиться. Особенно возмущались ноги и поясница. Внезапный порыв ветра, не легкое дуновение, именно порыв, едва не сшиб ее с ног. Триша задумалась, а сколько килограмм она потеряла. Еще одна такая неделя, — подумала она, — и меня можно будет запускать вместо воздушного змея. Зацепив ниткой за джинсы. Она уже начала смеяться, но смех тут же перешел в приступ кашля. Триша стояла, чуть наклонившись вперед, наклонив голову, уперевшись руками в колени, и кашляла. Кашель начинался где-то глубоко и вылетал изо рта отрывочными, лающими звуками.

Отлично. Великолепно. Она приложила ладонь ко лбу, но не смогла определить, есть у нее температура или нет.

С трудом переставляя широко расставленные ноги (так меньше болели ягодицы), Триша подошла к сосенкам, наломала новые ветки, которыми решила накрыться, как одеялом. Отнесла одну охапку. Взяла вторую, остановилась на полпути между сосенками и своей «кроватью». Повернулась вокруг оси под сверкающими ночными звездами.

— Оставь меня, а? — крикнула она и вновь

закашлялась. А когда приступ прошел, добавила, уже тихим голосом: — Чего бы тебе не угомониться? Дай мне хоть минуту покоя, пожалуйста!

Никакого ответа. Полная тишина, если не считать пения ветра в кронах сосен… а потом ворчание. Едва слышное, без слов. Человек так ворчать не мог. Триша застыла, обхватив пахнущие смолой ветки. По ее телу побежали мурашки. Откуда донеслось это ворчание? С этого берега ручья? С противоположного? Из-за сосен? Ужасная мысль пришла в голову: конечно же из-за сосен. Зверь наблюдал за ней, затаившись в сосняке. И когда она ломала ветки, он находился совсем рядом, может, на расстоянии вытянутой руки.

Триша опять закашлялась, зашагала к «кровати». Залезла под принесенные ветки, постаралась равномерно разложить их на себе. Застонала от боли, когда одна ткнулась в бедро, в то самое место, куда Тришу укусили две или три осы, потом замерла. Она чувствовала, что он приближается, выскользнул из сосняка, направляется к ней. Необычный зверь, как назвала его наглая паршивка, Бог Заблудившихся, по определению осоголового священника. Как его ни называй, владыка теней, император подвалов, кошмарное существо, которое у каждого ребенка свое, которого он боится

больше всего на свете. Кто бы он ни был, ему надоело ходить вокруг да около, игры для него закончились. Он пришел, чтобы скинуть ветки, которыми она укрылась, и сожрать ее заживо.

Кашляя и дрожа, оборвав все связи с реальным миром, утратив способность мыслить логически (временно обезумев, иначе и не скажешь), Триша заложила руки за голову и ждала того момента, когда когти зверя раздерут ее на куски и отправят в зубастую пасть. Так она и уснула, а когда проснулась ранним утром, во вторник, руки ее совершенно затекли, и поначалу она не могла повернуть шею: если Триша хотела посмотреть направо или налево, то поворачивалась всем телом.

Наверное, теперь мне не надо спрашивать бабушку, что такое старость, подумала Триша, присев, чтобы попи́сать. Наверное, теперь я сама все знаю.

Возвращаясь к вороху веток, под которыми она спала (как бурундук в норке, с усмешкой подумала она), Триша заметила, что одна из горок нанесенных ветром сосновых иголок разворошена. Иголки валялись вокруг, а в одном месте горку сровняли до самой земли. Так может, глубокой ночью она и не обезумела? Или обезумела не до

конца? Потому что уже после того, как она вновь заснула, кто-то к ней подходил. Постоял рядом, а может, и посидел, наблюдая, как она спит, гадая, съесть ли ее прямо сейчас или нет. И решил подождать еще день-другой, чтобы она окончательно дозрела, стала сладкой, как ягоды митчеллы.

Триша повернулась на триста шестьдесят градусов, на том самом месте, где точно так же поворачивалась несколько часов назад. Замерла, нервно кашлянула в кулак. Кашель отозвался болью в груди. Боль эта Тришу не испугала, скорее порадовала. Она была теплой, эта боль, тогда как все ее тело закоченело.

— Его нет, Том, — сказала она. — Кто бы он ни был, он опять ушел. Во всяком случае, на какое-то время.

Да, ответил Том, но он вернется. И рано или поздно тебе придется иметь с ним дело.

— Дневную норму несчастий мы уже выбрали, — процитировала Триша бабушку Макфарленд. Она не очень-то понимала, что это должно означать, но думала, что теперь понимает ее слова лучше, чем раньше, и они имели самое прямое отношение к ее нынешнему положению.

Триша села на ворох ветвей, съела три горсти ягод с орешками. Ягоды показались ей не такими

вкусными, как днем раньше, — они заметно подсохли, и Триша догадалась, что к ленчу вкус их наверняка не улучшится. Однако она заставила себя съесть все три горсти, а потом направилась к ручью, чтобы попить воды. Увидела еще одну маленькую форель, размером не больше корюшки или сардинки, и внезапно у нее появилось желание поймать ее. Руки и ноги слушались ее уже куда лучше, чем ранним утром, и, по мере того, как солнце прогревало воздух, настроение у Триши начало улучшаться. В ней вновь затеплилась надежда. Она даже подумала о том, что удаче пора повернуться к ней лицом. Да и кашель вроде бы прошел.

Триша вернулась к «кровати», вытащила из-под веток пончо, расстелила его на одном из каменных выступов. Поискала камень с заостренным краем, нашла его неподалеку от того места, где ручей перекатывался через обрыв и сбегал в долину. Сам склон был таким же крутым, как и тот, на котором свалилась Триша в первый день своего блуждания по лесам, но она решила, что спускаться по нему будет легче: много деревьев, о которые можно опереться.

С камнем в руке Триша подошла к пончо (оно накрывало каменный выступ, как скатерть),

отрезала капюшон. Девочка сомневалась, что ей удастся поймать форель капюшоном, но попытка — не пытка, а спускаться вниз по склону пока не хотелось. Отрезая капюшон, она напевала песенку «То Да Бойз», которая постоянно вертелась в голове, потом переключилась на песню «М-М-М-Бо» группы «Хэнсон», потом на «Пригласи меня на игру». При этом, даже между куплетами, она то и дело повторяла: «Куда вы позвоните, если у вас разобьется лобовое стекло?»

Холодный ночной ветер разогнал мошкару, но воздух прогрелся, и обычная туча кровососов зависла вокруг головы Триши. Она их не замечала, лишь изредка отмахивалась, когда наиболее нахальные лезли в глаза.

Отрезав капюшон, Триша покрутила его в руках, оценивающе осмотрела со всех сторон. Любопытно. Безусловно, не самое лучшее орудие лова, но любопытно. Хочется узнать, что из всего этого выйдет.

— Так куда ты позвонишь, крошка, куда ты позвонишь, если у тебя разобьется это чертово лобовое стекло, — промурлыкала Триша и направилась к ручью. Выбрала два камня, рядком торчащие из воды, встала на них. Уставилась в поток, бегущий у нее под ногами. Дно выстилала

галька, поэтому вода была чистая, незамутненная илом. Рыбок Триша не увидела, но ее это не смутило. Она знала главную заповедь рыбака: наберись терпения. «Крепче обними меня… чтоб я почувствовал тебя», — пропела Триша, рассмеялась. Ну и дурацкое она нашла себе занятие! Крепко держа капюшон за обрезанный край, она наклонилась и опустила самодельный невод в ручей.

Поток потащил капюшон за собой, но не сложил его, то есть Триша все рассчитала правильно. Беда пришла с другой стороны: очень уж в неудобной она стояла позе: спина согнута, попка задрана к небу, голова на уровне талии. Долго в такой позе она простоять не могла, а если бы попыталась опуститься на корточки, ослабевшие, дрожащие ноги подвели бы ее и она плюхнулась бы задницей в ручей. Купание в ледяной воде не пошло бы ей на пользу: она бы еще сильнее раскашлялась.

Когда в висках начала стучать кровь, Триша пошла на компромисс: чуть согнула ноги в коленях и приподняла голову. Тем самым взгляд ее сместился вверх по течению, и она увидела три серебристые полоски (рыбки, кто же еще это мог быть), быстро приближающиеся к ней. Если бы у нее было время на раздумье, Триша почти навер-

няка поддернула бы капюшон и не поймала бы ни одной. Но так уж получилось, что лишь одна мысль успела промелькнуть в ее голове (прямо-таки подводные падающие звезды), прежде чем серебристые полоски уже оказались между камнями, на которых она стояла. Одна из них обогнула капюшон, две просто вплыли в него.

— Ур-р-ра! — завопила Триша.

Трепеща от радости, наклонилась ниже, чуть не свалившись в ручей, потащила вверх наполненный водой капюшон. Вода полилась через края, Триша шагнула на берег, из капюшона выплеснулась очередная порция воды, вымочив левую штанину. Вместе с ней выскочила и одна рыбка, перевернулась в воздухе, блеснув чешуей, ударилась об воду и уплыла.

— ДЕРЬМО СОБАЧЬЕ! — выкрикнула Триша, рассмеялась. Отошла подальше от ручья, неся капюшон на вытянутых руках. Смех перешел в кашель, но Триша не остановилась, пока не добралась до ровного места.

Заглянула в капюшон, в полной уверенности, что не увидит в нем ничего, кроме воды: она упустила и вторую рыбку, по-другому и быть не может, девочкам не под силу поймать форель, даже молодую и глупую, тем более в капюшон

от пончо, просто она не заметила, как рыбка выскользнула. Но форель плавала в капюшоне, словно моллинезия в аквариуме.

— Господи, так что же мне теперь делать? — спросила Триша. Спросила совершенно искренне, потому что действительно не знала.

Ответила, однако, не душа, а тело. Она видела множество мультфильмов, в которых Уил Е. Койот смотрел на Бегающую Кукушку[26], и у него на глазах она становится главным блюдом праздничного обеда на День благодарения. Она всегда смеялась, Пит смеялся, даже мамик смеялась, если в этот момент подходила к телевизору. А теперь Триша не смеялась. Ягоды и орешки размером с семечки подсолнуха — это хорошо, но недостаточно. Они не насыщали, даже если есть их вместе. Поэтому на форель, плавающую в синем пластиковом капюшоне, тело Триши отреагировало совсем не так, как на орешки и ягоды. Что послужило толчком, откуда пошла реакция, Триша сказать не могла, но внезапно

[26] Примечания: [26]

Калифорнийская земляная (бегающая) кукушка — довольно крупная птица (длина тела до 60 см) с большими сильными ногами, длинным хвостом и короткими слабыми крыльями. Обитает на открытых равнинах в юго-западных районах США и в Мексике. Птица-символ штата Нью-Мексико. Персонаж популярной серии мультфильмов компании «Уорнер бразерс». Название связано с тем, что ее можно видеть бегущей рядом с автомобилем вдоль дороги.

все ее тело зашлось беззвучным криком (ДАЙ ЕЕ МНЕ, ДАЙ), и крик этот не имел никакого отношения к ее разуму. В капюшоне плавала форель, очень маленькая форель, но, что бы ни видели глаза Триши, тело знало, что это обед. Настоящий обед.

И когда Триша опускала капюшон на остатки пончо, все еще расстеленные на каменном выступе, в голове вертелась только одна мысль: я это сделаю, но никогда никому об этом не расскажу. Если меня найдут, если меня спасут, я расскажу им все, кроме того, как села в собственное дерьмо… и об этом.

О том, что делать дальше, думать ей не пришлось. Тело отстранило мозг и взяло бразды правления в свои руки. Триша выплеснула содержимое капюшона на засыпанную иголками землю, подождала, пока маленькая рыбка перестанет биться и затихнет. Потом подняла ее с земли, положила на пончо, острой гранью камня, того самого, которым отрезала капюшон, вскрыла форели живот. Из него вылился наперсток склизкой жидкости, не похожей на кровь. Внутри Триша увидела красные внутренности. Соскребла их ногтем. Добралась до кости. Половину удалось вытащить. Все это время разум пытался занять

положенное ему место. Ты не можешь есть голову, убеждал он Тришу, и ровный, спокойный тон не мог замаскировать скрывшихся за ним ужаса и отвращения. Я про… глаза, Триша. Глаза! Тут тело отпихнуло разум, уже куда грубее. Когда мне понадобится твое мнение, я стукну железкой по прутьям твоей клетки, как-то сказала Пепси Робишо.

Триша подняла рыбешку за хвост, отнесла ее к ручью, промыла в проточной воде, чтобы счистить с нее иголки и грязь. Потом закинула голову назад, открыла рот и откусила верхнюю половину форели. Маленькие косточки затрещали на зубах. Разум попытался показать Трише, как глаза форели вылезают из орбит и вываливаются на язык капельками темного желе. Она увидела что-то смутное, но тело тут же разобралось с разумом, отвесив ему здоровенную оплеуху: нечего показывать девочке всякие гадости. Вернешься, мол, когда в этом возникнет необходимость. Вместе с воображением, которое сейчас тоже ни к чему. Сейчас парадом командует тело, а раз тело сказало — обед, значит, будет обед. Ничего, что еще утро, обедать можно и утром, а на обед сегодня подана свежая рыба!

Верхняя половина форели одним глотком мино-

вала горло и по пищеводу спустилась в желудок. Вкус был отвратительный и одновременно потрясающий. Вкус жизни. Триша поболтала второй половиной форели над вскинутым вверх лицом, вытащила еще кусочек кости и вместе с хвостом отправила в рот, предварительно прошептав: «Позвоните по телефону 1-800-54-FRESH-FISH[27]».

Когда и вторая половина форели последовала за первой в желудок, Триша посмотрела на ручей, вытерла рукой рот и задалась вопросом, вырвет ее сейчас или нет. Она съела сырую рыбу, во рту еще стоял ее вкус, но Трише с трудом в это верилось. Желудок забурчал, и Триша подумала: «Вот и все». Но нет, она рыгнула, и желудок сразу успокоился. Триша отняла руку ото рта, увидела на ладони несколько сверкающих чешуек. Скорчив гримаску, вытерла их об джинсы, затем вернулась к рюкзаку. Положила остатки пончо и отрезанный капюшон (который показал себя отличным неводом, во всяком случае, сгодился для того, чтобы поймать молодую и глупую форель) поверх продуктового запаса, защелкнула пряжки, закинула рюкзак за плечи. Она испытывала прилив сил, стыда, гордости за себя. Возможно, она

---

[27] Примечания: [27]
Свежая рыба (англ.).

немного температурила и была чуть не в себе.

Я не буду рассказывать об этом, вот и все. Я не обязана рассказывать об этом и не расскажу. Даже если выберусь отсюда.

— И я заслуживаю того, чтобы выбраться, — добавила Триша вслух. — Тот, кто может съесть сырую рыбу, заслуживает того, чтобы выбраться.

Японцы постоянно едят сырую рыбу, напомнила ей наглая паршивка, едва только Триша зашагала вдоль ручья.

— Вот им я все и расскажу, — отрезала девочка. — Если когда-нибудь поеду туда, обязательно расскажу.

Пожалуй, впервые наглая паршивка не нашлась с ответом. Чем немало порадовала Тришу.

Она осторожно спустилась по склону в долину, где ручей петлял в смешанном лесу. Хвойные и лиственные деревья росли очень плотно, зато почти не было подлеска и колючих зарослей. Так что Трише удалось преодолеть приличное расстояние. Ощущение, что за ней наблюдают, не возвращалось, съеденная рыбка прибавила ей сил. Она представляла себе, что рядом с ней шагает Том Гордон и они очень увлечены разговором. Речь преимущественно шла о Трише. Том, похоже, хотел знать о ней все: какие у нее

любимые предметы в школе; считает ли она мистера Холла злым только потому, что он задает домашнее задание на пятницу; чем раздражает ее Дебра Джилхоли; о том, как она и Пепси хотели на прошлый Хэллоуин[28] вырядиться, как «Спайс герлз», но мамик сказала мамику Пепси, что та может наряжаться, как угодно, но ее девятилетняя девочка не будет ходить по чужим домам в короткой юбке, крошечном топике и на высоких каблуках. Том Гордон сочувственно кивал, разделяя негодование Триши.

Она рассказывала Тому, что они с Питом собирались подарить отцу на день рождения картинку-головоломку, одну из тех, что выпускались одной вермонтской компанией (а если головоломка окажется слишком дорогой, ограничиться чем-нибудь попроще), когда резко остановилась. Остановилась и замолчала на полуслове.

С минуту смотрела на ручей, уголки рта опусти-

---

[28] Примечания: [28]

31 октября, канун Дня всех святых, один из самых популярных детских праздников. Первоначально — праздник душ умерших у кельтов, приходившийся на последний день года по кельтскому календарю, когда, как считалось, на землю выходила всякая нечисть. В этот день дети в маскарадных костюмах и страшных масках ходят по домам и со словами: «Откупись, а то заколдую», — просят сладости или другие подарки. Символы праздника — ведьма на метле и выдолбленная тыква с прорезанными глазами и ртом, внутри которой устанавливается горящая свечка. В этот день непременное блюдо на столе — тыквенный пирог.

лись, одной рукой она автоматически разгоняла мошкару. Между деревьями прибавилось кустов, сами деревья стояли уже не так близко друг к другу, стало больше света. Вокруг стрекотали цикады.

— Нет, — вырвалось у Триши. — Н-нет. Только не это. Неужели опять?

Ручей более не шумел, как прежде, именно это и отвлекло ее от увлекательного разговора с Томом Гордоном (воображаемые люди такие хорошие слушатели). Не журчал, перекатываясь через камни. И все потому, что скорость течения заметно упала.

Русло стало гораздо шире. Ручей разливался, превращаясь…

— Если он закончится еще одним болотом, я покончу с собой, Том.

Часом позже Триша с трудом пробиралась между тополями и березами. Подняла руку ко лбу, чтобы раздавить особенно навязчивого комара, раздавила, а потом рука ее бессильно упала. Триша теряла надежду, не знала, что ей делать, куда повернуть.

И вскоре ручей выплеснулся из низких берегов, превратившись в обширное болото, поросшее камышом и рогозом. Между островками расти-

тельности солнце отражалось от стоячей воды. Цикады все стрекотали, квакали лягушки, в вышине кружили два ястреба. Где-то насмешливо раскаркалась ворона. Болото не вызывало у Триши особого страха, оно не шло ни в какое сравнение с той трясиной, которую она сумела преодолеть, но тянулось на милю (а то и на две), пока не упиралось в низкий, поросший соснами кряж.

Триша села на землю, начала уже что-то говорить Тому Гордону, поняла, что это глупо, продолжать притворяться, будто он идет с ней, если совершенно ясно и становится яснее с каждым часом, что ей суждено умереть. Независимо от того, столь долго она будет идти и сколь много поймает и съест рыбешек. По щекам Триши покатились слезы. Она закрыла лицо руками, зарыдала.

— Я хочу к маме! — прокричала она бесстрастному болоту. Ястребы улетели, только где-то на кряже продолжала каркать ворона. — Я хочу к маме! Я хочу к брату! Я хочу к моей кукле! Я хочу домой! — Ей ответило дружное квакание лягушек. Триша вспомнила какую-то сказку, которую читал ей отец: автомобиль завяз в грязи, а лягушки квакали: «Очень глубоко, очень глубоко».

Тогда она ужасно перепугалась.

Триша продолжала плакать, но в какой-то момент слезы (все эти слезы, эти чертовы слезы) рассердили ее. Она подняла голову, огляделась. Вокруг вилась мошкара, ненавистные слезы продолжали течь по щекам.

— Я хочу к МАМЕ! Я хочу к БРАТУ! Слышите меня? — Она замолотила ногами по воздуху. Одна кроссовка слетела с ноги. Триша знала, что устраивает истерику, впервые за три или четыре года, но ничего не могла с собой поделать. Повалилась на спину, забарабанила кулаками по земле, потом начала рвать траву. — Я ХОЧУ ВЫБРАТЬСЯ ОТСЮДА К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ! Почему вы до сих пор не можете меня найти, глупые, безмозглые говнюки? Почему вы никак не найдете меня? Я… ХОЧУ… ДОМОЙ!

Триша лежала уставившись в небо, тяжело дыша. Болел живот, горло саднило от криков, но на душе у нее стало полегче, словно ей удалось скинуть очень тяжелую ношу. Прикрыв лицо рукой, Триша задремала, все еще всхлипывая.

Когда она проснулась, солнце висело над кряжем на дальней стороне болота. День покатился к вечеру. Скажи мне, Джонни, что мы припасли для наших конкурсантов? Пожалуйста, Боб, мы

припасли для них вторую половину дня. Это не очень хороший приз, но это все, что они могут ждать от таких говнюков, как мы.

Когда Триша села, у нее закружилась голова. Перед глазами замельтешили огромные черные мухи. Неспешно парили в воздухе, помахивая крылышками. Триша уже решила, что сейчас лишится чувств. Но нет, голова перестала кружиться, мухи исчезли, но горло саднило, стоило ей проглотить слюну, а лоб пылал, словно разогретая конфорка электроплиты. Напрасно я спала на солнце, сказала себе Триша, да только самочувствие ее ухудшилось не из-за солнца: девочка заболевала.

Она надела кроссовку, которую скинула, устроив эту глупую истерику, поела ягод, попила воды из бутылки. Высмотрела маленький пятачок орляка у самой кромки болота, поела стрелок-переростков. «Завитки» уже начали раскручиваться и стали не такими вкусными, но Триша все равно их съела. Покончив с трапезой, она поднялась, посмотрела на болото, прикрыв глаза ладонью от слепящего солнца. Потом медленно и устало покачала головой. Так могла качать головой женщина, не просто женщина — старуха, но никак не ребенок. Она ясно видела кряж, не сомневалась в

том, что болото заканчивается у его подножия, а дальше идет сухая земля, но не могла заставить себя вновь брести по воде, повесив кроссовки на шею. Пусть даже это болото было куда как мельче и под водой ее не ждало переплетение корней и утонувших сучьев. Да и зачем ей пересекать болото, если за ним не было никакого ручья. Следовательно, чтобы выйти к людям, надо искать новый ручей, текущий в другом направлении.

С такими мыслями Триша повернула на север, зашагала вдоль восточного берега болота, разлившегося по долине. С тех пор как Триша потерялась, во многих ситуациях она вела себя абсолютно правильно, иногда интуитивно, даже не догадываясь об этом, но на этот раз решение она приняла плохое, пожалуй, самое худшее, если не считать самого первого, с которого и начались все ее злоключения: срезать угол и выйти на главную тропу через лес. Если бы она пересекла болото и поднялась на кряж, то увидела бы перед собой озеро Девлин-Понд, расположенное неподалеку от Грин-Маунт, штат Нью-Хэмпшир. Озеро это небольшое, но на южном его берегу стоят летние домики, а проселочная дорога ведет от них к шоссе 52.

Будь это суббота или воскресенье, Триша на-

верняка бы услышала рев лодочных моторов: по выходным хозяева коттеджей и их гости любили покататься на водных лыжах. После Четвертого июля моторы ревели бы на озере ежедневно: сезон отпусков. Но в начале июня в будни на Девлин-Понд рыбачили лишь два-три старичка, поэтому Триша слышала лишь чириканье птиц, кваканье лягушек да стрекот цикад. И вместо того, чтобы выйти к озеру, она повернула к канадской границе, уходя все дальше и дальше в лес. В четырех сотнях миль от нее лежал Монреаль.

На людей в этих местах Триша наткнуться могла, но лишь при особом везении.

Завершение седьмого иннинга

За год до развода Макфарленды на неделю ездили во Флориду, во время февральских каникул Пита и Триши. Отдых не удался. Дети часто сидели на берегу одни, тогда как родители в это время собачились в маленьком арендованном домике (ты слишком много пьешь, ты слишком много тратишь, ты обещал то, ты обещала это, почему ты так ведешь себя, что ты себе позволяешь, та-та-та-та, и так до бесконечности). Когда они летели домой, у иллюминатора каким-то чудом посадили Тришу, а не Пита. Самолет спускался к аэропорту Логана сквозь толстый слой облаков, осторожно нащупывая дорогу, словно толстая старушка, идущая по скользкому тротуару. Триша как зачарованная не отрывалась от иллюминатора. Их окружала ватная белизна. Потом внизу мелькнула серая поверхность Бостонской бухты… опять белизна… вновь кусочек воды или земли…

Четыре дня, последовавшие за ее решением повернуть на север, чем-то напоминали этот спуск: сплошной туман. И редкие, отрывочные воспо-

минания, которым она не очень-то доверяла. К вечеру вторника граница между былью и небылью только начала исчезать. К субботнему утру, после целой недели, проведенной в лесу, исчезла полностью. К субботнему утру (Триша, конечно, не знала, что это суббота, она давно потеряла счет дням) Том Гордон стал ее постоянным попутчиком, не воображаемым, а реальным. Какое-то время компанию ей составляла Пепси Робишо. Они на пару распевали песни их любимых «Бойз» и «Спайс герлз», а потом Пепси зашла за дерево и не появилась с другой стороны. Триша заглянула за дерево. Пепси там не нашла, постояла несколько минут, глубоко задумавшись, и только тогда поняла, что подруги и не было. Девочка опустилась на землю и поплакала.

Когда она пересекала широкую, заваленную валунами поляну, большой черный вертолет (на таких вертолетах летали в «Секретных материалах» мрачные типы из секретных государственных агентств) пролетел над ней. Пролетел практически бесшумно, она едва различила стрекот лопастей. Триша махала руками, кричала, и хотя люди, сидевшие в кабине, наверняка видели ее, черный вертолет улетел и больше не вернулся. Она набрела на целый лес очень старых

сосен. Кроны сливались в вышине. И солнечный свет просачивался сквозь иглы, словно сквозь пыльные окна кафедрального собора. Случилось это, должно быть, в четверг. С ветвей этих сосен свешивались изуродованные туши тысячи лосей, вокруг каждой туши кружили мириады мух, по тушам ползали полчища личинок. Триша закрыла глаза, а открыв их вновь, уже не увидела гниющих туш. Она нашла ручей и какое-то время шагала вдоль него. Потом он пропал, или она ушла от него. Но прежде, чем это произошло, девочка заглянула в ручей и увидела на дне огромное лицо, утонувшее, но еще живое. Лицо это смотрело на нее из воды и что-то беззвучно говорило. Она прошла мимо огромного дерева, и из дупла послышался мертвый голос, произнесший ее имя. Как-то ночью она проснулась, потому что что-то давило ей на грудь. Подумала, что лесной зверь наконец-то добрался до нее, но провела рукой по груди и ничего не нашла. Несколько раз она слышала, как люди звали ее. Кричала в ответ… но ее крики глохли в лесной чаще.

Среди этого океана фантазий все-таки мелькали редкие островки реальности, точно так же, как в том полете земля иной раз проглядывала сквозь толщу облаков. Она помнила, как наткнулась на

огромную «плантацию» митчеллы, занимающую чуть ли не весь склон холма. Наполняя ягодами рюкзак, она раз за разом повторяла: «Куда вы позвоните, если у вас разбилось лобовое стекло?» Она помнила, как наполняла из родника бутылку из-под воды и бутылку из-под «Сэдж». Она помнила, как зацепилась ногой за корень и упала в неглубокую ложбинку, в которой росли цветы. Прекраснее их Трише видеть не доводилось: нежно-белые, пахучие, грациозные, как колокольчики. Она помнила, как набрела на обезглавленную лису. В отличие от туш лосей, свисающих с веток, лиса никуда не делась и после того, как Триша закрыла глаза и досчитала до двадцати. Она практически не сомневалась в том, что видела ворону, висевшую вниз головой, зацепившись лапами за сук, и каркающую на нее. Насчет реальности черного вертолета (и многого другого) сомнения у нее были. А вот ворону она вроде бы видела точно. Она помнила, как капюшоном ловила рыбу в ручье, на дне которого потом увидела ужасное затонувшее лицо. С форелью ей не повезло, зато она поймала несколько головастиков. Она проглотила их целиком, после того, как убедилась, что головастики сдохли. Глотать их живыми Триша побоялась: вдруг

они приживутся в желудке и превратятся там в лягушек.

Она заболела, двух мнений тут быть не могло, но ее тело яростно боролось с инфекцией, поселившейся в ее горле, легких, носовых пазухах. Часами она горела огнем, плохо соображая, что делает и где находится. Свет, даже приглушенный густой листвой, резал глаза, и говорила она без умолку, главным образом что-то рассказывала Тому Гордону, но иногда ее слушателями становились мать, брат, отец, Пепси, школьные учителя, начиная с первого класса, и даже миссис Гармонд, воспитательница из детского сада. Она просыпалась ночью, лежа на боку, свернувшись калачиком, прижав колени к подбородку, в жару, кашляя с таким надрывом, что боялась, как бы у нее внутри что-нибудь не оборвалось. Но вместо того, чтобы развиваться, болезнь пошла на убыль. Пропали и головные боли, должно быть, вызванные высокой температурой, которые совсем уже замучили ее. И после одной ночи (со среды на четверг, хотя Триша этого и не знала), за которую она ни разу не просыпалась, Триша поднялась бодрая и полная сил. Может, она кашляла и в ту ночь, но не очень сильно, во сне. Один раз Триша обожгла левый локоть сумахом, но вовремя это заметила

и намазала воспалившееся место илом.

Но самые ясные воспоминания остались от репортажей с игр «Бостон Ред сокс». Она лежала на ветках, укрывшись ветками, смотрела на усыпавшие небо холодные звезды и слушала. В Окленде «Сокс» выиграли две игры из трех, и оба раза Том Гордон удержал победный счет. Мо Вогн сделал две круговые пробежки, Том О'Лири (по разумению Триши, такой красавчик) — одну. Репортажи она слушала на волне WEEI. Сигнал слабел с каждой ночью, но батарейки, похоже, не садились. Она еще подумала о том, что надо написать благодарственное письмо Кролику Энерджайзеру[29], если, конечно, она выберется из этой передряги. Она, правда, тоже вносила свою лепту, выключая плейер, когда чувствовала, что вот-вот заснет. Ни единого раза, даже в ночь с пятницы на субботу, когда у нее опять расстроился желудок, она не заснула, оставив плейер включенным. Радио связывало ее с остальным миром, игры «Бостон Ред сокс» поддерживали в ней жизнь. Если бы не ее желание услышать

[29] Примечания: [29]

Батарейки «Энерджайзер» выпускаются компанией «Эвэрэди бэттери». Рекламный лозунг: «Нет ничего долговечнее батареек „Энерджайзер". Они работают, и работают, и работают...» Кролик — непременный персонаж рекламных роликов компании.

вечером очередной репортаж, она, пожалуй, прекратила бы борьбу.

Девочка, которая вошла в лес (почти десяти лет от роду, высокая для своего возраста), весила девяносто семь фунтов. Девочка, которая неделей позже брела по поросшему редкими соснами холму, не тянула больше чем на семьдесят восемь фунтов[30]. Лицо ее распухло от комариных укусов, над левым уголком рта расцвела здоровенная лихорадка. Руки стали что спички. Не замечая этого, она постоянно подтягивала сваливающиеся с нее джинсы. Частенько она бубнила себе под нос любимую песенку: «Крепче обними меня… чтоб я почувствовал тебя…» И выглядела как самая юная в мире героиновая наркоманка. Она находила съедобные растения, ей повезло с погодой (тепло, ни единого дождя с того дня, как она заблудилась), неожиданно для себя она узнала, какими мощными внутренними ресурсами располагает человеческий организм. Но теперь ресурсы эти истощились до предела, и Триша прекрасно это понимала. Девочка, медленно пересекающая поляну на вершине холма, знала, что скоро ее странствия закончатся.

---

[30] Примечания: [30]
Соответственно, 44 и 35,4 кг.

В мире, который она покинула, поиски еще продолжались, но даже большинство тех, кто искал Тришу, полагали, что она уже умерла. Ее родители начали обсуждать, пусть робко, все еще отказываясь верить, что такое возможно, заказывать ли им отпевание или все-таки подождать, пока найдут тело. А если ждать, то как долго? Иногда тела заблудившихся в лесу не находили вовсе. Пит практически ничего не говорил, а глаза у него заваливались все глубже. Он взял Монью-Болонью в свою комнату и усадил в углу, откуда она все время смотрела на его кровать. А когда увидел, что мать смотрит на куклу, прошипел: «Не трогай ее. Не смей ее трогать».

Для мира уличных фонарей, автомобилей, асфальтированных дорог Триша уже умерла. В мире, что лежал вне тропы, в котором вороны иногда каркали, повиснув вниз головой, она вплотную приблизилась к границе, разделяющей жизнь и смерть. Но продолжала идти. Иногда отклонялась от выбранного направления на восток или запад, но не сильно. Точно так же, как ее тело научилось бороться с инфекцией, поселившейся в горле и груди, так же и Триша научилась держаться выбранного наперед направления. Впрочем, проку от этого не было никакого. Она

все дальше и дальше уходила от населенных пунктов, все больше и больше углублялась в ту часть штата Нью-Хэмпшир, которую назвали Трубой. Люди там не жили.

Зверь, кем бы он ни был, по-прежнему не терял Тришу из виду. Многое из того, что она видела и чувствовала, Триша воспринимала как плод своего воображения, но только не слова осоголового священника о Боге Заблудившихся, только не глубокие царапины на коре деревьев, только не обезглавленную лисицу. Все это она не могла отнести в разряд галлюцинаций. Когда она чувствовала зверя (или слышала — несколько раз трещали ветки, когда зверь шел следом за ней, дважды до нее доносилось низкое, нечеловеческое урчание), то не ставила под сомнение его существование. А когда ощущение, что за ней наблюдают, уходило, она точно знала, что ушел и зверь. Их связала неразрывная нить; им суждено быть вместе до самой ее смерти. Такие мысли раз за разом посещали Тришу. Впрочем, она понимала, что встречи со смертью ждать ей осталось недолго. «Сразу за углом», — как-то ответила мать, когда на улице ее спросили, где тут ближайшая аптека. Правда, углов в лесу не было. Болота, трясины, обрывы встречались, а вот углы

— нет. Как же это несправедливо, думала Триша, умереть, после стольких дней борьбы за выживание, но теперь подобная несправедливость не вызывала у нее злобы. Злоба требовала расхода энергии. Злоба отнимала жизненные силы. И первого, и второго у Триши осталось совсем ничего.

На полпути через поляну, которая ничем не отличалась от дюжины других, которые она миновала раньше, Триша закашлялась. Кашель вызвал резкую боль глубоко в груди, словно там за что-то зацепили крюком и потащили его наверх. Триша согнулась пополам, оперлась рукой о подвернувшийся пенек и кашляла, пока на глазах не выступили слезы. Когда приступ кашля прошел, она не стала разгибаться, дожидаясь, пока сердце замедлит свой безумный бег, и большие черные мухи, что мельтешили перед глазами, улетят восвояси. Хорошо хоть ей удалось опереться о пенек. Иначе она точно свалилась бы на землю.

Взгляд Триши упал на пенек, и все мысли, которые теснились в голове, как ветром сдуло. А первой вернулась вот такая: я вижу не то, что на самом деле у меня перед глазами. Это опять фантазия, еще одна галлюцинация. Она закрыла глаза, сосчитала до двадцати. А когда открыла их, черные мухи исчезли. И пенек оказался не

пеньком, а столбиком. Из которого торчал ржавый рым-болт.

Триша обхватила его пальцами, покачала. Разжала пальцы, посмотрела на крупицы ржавчины, оставшиеся на коже. Вновь схватила и покачала. Ощущение deja vu охватило ее. Вроде бы она уже стояла на этой поляне, но не одна, а с Томом Гордоном. И он…

— Тебе это приснилось, — сказал Том. Он стоял в пятидесяти футах от нее, сложив руки на груди, привалившись спиной к клену, в серой выездной униформе. — Тебе приснилось, что мы пришли в это место.

— Приснилось?

— Конечно, разве ты не помнишь? В день, свободный от игр. Ты тогда еще слушала Уолта.

— Уолта?.. — Вроде бы имя знакомое, только Триша не могла взять в толк, где она могла его слышать.

— Уолта из Фремингхэма. Того болвана с мобильным телефоном.

Триша начала вспоминать:

— В ту ночь еще падали звезды.

Том кивнул.

Триша медленно обошла вокруг столба, не отрывая руки от рым-болта. Внимательно при-

гляделась к поляне и поняла, что это совсем и не поляна.

Слишком много травы — высокой, зеленой травы, какая растет на полях и пастбищах. Это же пастбище, вернее, когда-то давно тут было пастбище. Если убрать выросшие здесь березы и кусты, станет ясно, что это пастбище. А пастбища — плод человеческих трудов. И только люди могут врывать в землю столбы с ввернутыми в них рым-болтами.

Триша опустилась на одно колено, осторожно, чтобы не занозить руки, провела ладонями по столбу. Нащупала две дыры. Порылась в земле у основания столба, нашла что-то твердое. Вытащила: старая ржавая петля. Подняла повыше, к солнцу. Тоненький лучик проник в отверстие под шуруп и крошечным зайчиком запрыгал по щеке девочки.

— Том, — выдохнула Триша. Повернулась к клену, привалившись к которому он стоял, сложив руки на груди, полагая, что он давно ушел. Нет, стоял на прежнем месте, только уже не улыбался, хотя Трише показалось, что глаза его смотрели с хитринкой. — Том, посмотри! — И она протянула к нему петлю.

— Тут были ворота, — ответил Том.

— Ворота! — радостно повторила Триша. — Ворота! — Другими словами, что-то сделанное людьми. Людьми из чудесного мира уличных фонарей, электрических бытовых приборов и средств для уничтожения насекомых.

— Ты понимаешь, это твой последний шанс.

— Что? — Ей стало не по себе.

— Заключительные иннинги, Триша. Когда нет права на ошибку.

— Том…

Около клена никого. Том ушел. Впрочем, она и не видела, как он уходил, потому что Тома здесь и не было. Он существовал только в ее воображении.

В чем секрет удержания победного счета? Она задавала ему такой вопрос, только не помнила, когда именно.

Главное — показать сопернику, что лучший на поле — ты. Вроде бы так ответил ей Том Гордон, а может, она прочитала эту фразу в газетной статье или услышала на послематчевом интервью, которое смотрела вместе с отцом. Он обнимал ее за плечи, она сидела привалившись к нему. И лучше всего — первым же броском.

Твой последний шанс. Заключительные иннинги. Когда нет права на ошибку.

Как я могу знать, что не допускаю ошибки, если я понятия не имею, что мне делать?

Ответа на свой вопрос Триша не получила, поэтому вновь обошла вокруг столба, держась рукой за рым-болт, медленно, грациозно, словно исполняя какой-то древний ритуал. Деревья, окружающие пастбище, закружились, словно она мчалась на карусели в Ревер-Бич или Олд-Очард. Они ничем не отличались от других деревьев, мимо и под которыми она шла уже много дней. Так куда же ей теперь идти? Где оно, правильное направление? Это столб от ворот, а не указательный столб.

— Столб от ворот, не указательный столб, — прошептала Триша. — Откуда мне знать, куда надо идти, если это столб от ворот, а не указательный столб? Каким образом городская девочка…

Тут ее осенило, и она опять упала на колени. Ударилась голенью об камень, поцарапала до крови, но даже не поморщилась. Может, это все-таки указательный столб. Может, все-таки указательный.

Потому что это столб от ворот.

Триша вновь нашла дырки, те самые, из которых вывалились винты. Винты, которыми крепилась к столбу петля. Переместилась вокруг

столба так, чтобы оказаться спиной к дыркам, и на коленях, очень медленно, двинулась вперед, по прямой линии. Выставляла сначала одно колено… потом второе… потом снова первое…

— Ой! — вскрикнула Триша и вскинула руку вверх. На этот раз травма была серьезнее, чем ушибленная голень. Девочка посмотрела на ладонь и увидела капельки крови, проступающие сквозь корку грязи. Триша наклонилась вперед, начала выдирать траву. Она знала, обо что поранила руку, но хотела в этом убедиться.

Это был зазубренный огрызок второго столба, который переломился в футе от земли. Ей еще повезло, что она лишь наколола руку. Из столба торчала пара острых, как игла, щепок длиной в дюйм-полтора. Тут же, в траве, лежала верхняя половина столба.

Последний шанс. Заключительные иннинги.

— Да, и, похоже, кто-то ждет очень многого от ребенка. — Триша покачала головой. Сняла с плеч рюкзак, открыла, достала остатки пончо, оторвала полоску синего пластика. Завязала вокруг обломившегося столба, нервно закашлялась. Пот катился по лицу. Мокрецы жадно пили его, некоторые утонули. Девочка не обращала на них ни малейшего внимания.

Она поднялась, забросила рюкзак за плечи, встала между оставшимся столбом и синей меткой на столбе сломанном.

— Здесь висели ворота. Именно здесь. — Она смотрела прямо перед собой, на северо-запад. Потом развернулась, встала лицом к юго-востоку. — Я ничего не знаю о том, кто повесил здесь ворота, но я знаю, что он не стал бы их врывать, если б к ним не вела дорога или тропа. Я хочу… — Голос ее задрожал, на глаза навернулись слезы. Триша замолчала, напомнила себе, что сейчас не до слез, продолжила уже без дрожи в голосе: — Я хочу найти тропу. Любую тропу. Где же она проходит? Помоги мне, Том.

Номер 36 не ответил. Сойка отчитала Тришу, что-то шевельнулось в лесу (не зверь, какое-то животное, может, олень — за последние три или четыре дня она часто встречала оленей), но ответа она не получила. Перед ней, вокруг нее расстилалось пастбище, такое старое, что могло бы сойти за лесную поляну, если не приглядываться к нему повнимательнее. За пастбищем вновь начинался лес. И никакой тропы.

Это твой последний шанс, ты знаешь.

Триша повернулась, зашагала на северо-запад, через пастбище к лесу. Потом оглянулась, чтобы

убедиться, что идет по прямой. Убедившись, вновь посмотрела вперед. Увидела лежащий на земле ствол, направилась к нему, протискиваясь между стоящими чуть ли не вплотную деревьями, подныривая под низкие ветви, в надежде… но это был именно ствол. Ствол, а не упавший столб. Она огляделась и ничего не увидела. С гулко бьющимся сердцем, хватая ртом воздух, Триша вернулась на пастбище, к тому месту, где когда-то стояли ворота. Встала лицом на юго-восток и двинулась к лесу.

«Игра продолжается, — вспомнились ей слова Джерри Трупано. — Дело дошло до заключительных иннингов, и „Ред сокс“ нужны раннеры на базах».

Лес. Ничего, кроме леса. Нет даже тропинки, по крайней мере Триша ее не видела, не говоря уже о проселочной дороге. Она прошла еще несколько шагов, сдерживая слезы, понимая, что скоро они польются, несмотря на все ее усилия. Ну почему дует ветер? Что она может увидеть, если перед глазами всё мельтешит. И листья, и солнечные блики.

— А это что такое? — спросил Том у нее за спиной.

— Где? — переспросила Триша, даже не обер-

нувшись. Внезапные появления и исчезновения Тома Гордона давно уже ее не удивляли. — Я ничего не вижу.

— Слева от тебя. За кустами. — Он указал пальцем.

— Какой-то старый пень, — ответила она. Но пень ли? Или… Триша боялась поверить, что это…

— Ты не права, — возразил Номер 36, а уж у бейсболиста очень зоркий глаз. — Я думаю, это еще один столб, девочка.

Триша с трудом продралась к «пню», именно продралась сквозь кусты и деревья, и — о чудо — это был еще один столб. Даже с куском ржавой колючей проволоки.

Триша положила руку на его почерневший верхний торец, вгляделась в залитый солнцем лес. Ей вспомнилось, как в дождливый день она сидела в своей комнате над развивающей книжкой, которую дала ей мамик. В книге была картинка, на которой следовало найти десять спрятанных предметов: курительную трубку, клоуна, кольцо с бриллиантом и так далее.

Теперь следовало найти тропу или дорогу. Пожалуйста, Господи, помоги мне найти тропу, подумала Триша и закрыла глаза. Молилась

она Богу Тома Гордона, а не Неслышимому, о котором говорил ее отец. Она не в Молдене, не в Сэнфорде, поэтому и обращалась к Богу, который здесь, рядом, на которого можно указать, когда… если… ты доводишь игру до победного конца. Пожалуйста, Господи, пожалуйста. Помоги мне в заключительных иннингах.

Она раскрыла глаза, как только могла широко, и смотрела, ничего не видя. Прошло пять секунд, пятнадцать, тридцать. И внезапно все стало ясно и понятно. Триша не смогла бы объяснить, что она увидела, сектор, в котором было меньше деревьев и чуть больше света, может, несколько иное соотношение света и тени, но она поняла: тропа там.

И я больше не сойду с нее, если доверюсь интуиции, если буду меньше думать о ней, сказала себе Триша и зашагала в выбранном направлении. Нашла еще один столб, так сильно наклонившийся, что стоять ему осталось недолго: еще одна морозная зима, еще одна дождливая весна — и столб проглотила бы летняя трава. Если я буду думать только о тропе и только ее искать глазами, то обязательно собьюсь с пути.

Держа в голове эту мысль, Триша нашла еще несколько столбов, врытых в 1905 году ферме-

ром Элиасом Маккорклом: они маркировали лесную дорогу, которую он прорубил к пастбищу еще молодым, прежде чем запил и расстался с честолюбивыми помыслами. Триша шагала, широко раскрыв глаза, не задумываясь надолго, если возникала необходимость принять решения (понимала, что логика в такой ситуации — не лучший советчик). Иногда столба не было, но девочка не останавливалась, чтобы искать его остатки в густых кустах: она исходила из того, как падает свет, как ложится тень, что говорит интуиция. До самого вечера она шла и шла, петляя меж высоких деревьев, ломясь сквозь густые заросли. И семь часов спустя, уже подумывая о том, а не пора ли устраиваться на ночлег, где-нибудь под кустом, укрывшись лохмотьями пончо от комаров, Триша вышла на опушку еще одной большой поляны. Три столба, наклонившиеся под разными углами, торчали посередине. На одном висела полусгнившая воротина. А за ней уходили на юг две колеи, заросшие травой и маргаритками: заброшенная дорога, по которой вывозили лес.

Триша медленно прошла мимо ворот, к тому месту, где начиналась дорога (или заканчивалась, все зависело от того, в какую сторону идешь).

Постояла, потом опустилась на землю, поползла по одной колее. По щекам вновь покатились слезы. Через высокую траву девочка переползла в другую колею. Поползла по ней, словно слепая, ничего не видя перед собой, крича сквозь слезы: «Дорога! Дорога! Я нашла дорогу! Спасибо Тебе, Господи! Спасибо Тебе, Господи! Спасибо Тебе за эту дорогу!»

Наконец остановилась, сняла рюкзак, улеглась в колею. Она выдавлена колесами, думала Триша и смеялась сквозь слезы. А какое-то время спустя перевернулась на спину и посмотрела на небо.

Восьмой иннинг

Несколько минут спустя Триша поднялась. Еще час шла по дороге, пока не сгустились сумерки. С запада, впервые с того дня, как она заблудилась, докатился раскат грома. В первые дни Триша постаралась бы найти дерево с очень густой кроной, чтобы под ним переждать дождь. Тогда она промокла бы только при ливне. Но в ее нынешнем состоянии о таких пустяках девочка не задумывалась.

Она остановилась между двумя колеями, уже начала снимать рюкзак, когда увидела впереди что-то большое. Что-то из мира людей. С прямыми углами. Вернула рюкзак за спину, перешла на правую сторону дороги и крадучись двинулась дальше, щурясь, словно близорукий человек, которому тщеславие не позволяет носить очки. На западе вновь громыхнуло, чуть громче.

Это был грузовик, вернее, кабина грузовика, колесами вросшая в землю. Длинный капот заплел лесной плющ. Одно крыло капота отвалилось, и Триша увидела, что двигателя нет. Его место заняли папоротники. Кабина покраснела от

ржавчины, накренилась набок. Лобовое стекло сняли, а вот сиденье осталось. Хотя большая часть обивки сгнила или ее изгрызли мыши.

Опять гром, на этот раз его сопровождала молния, подсветившая облака, фронт которых быстро накатывал на Тришу, поедая первые звезды.

Девочка отломила ветку, всунулась в кабину через проем из-под лобового стекла и несколько раз резко ударила по сиденью. Поднялось облако пыли, заполнив кабину, словно туманом. Полчища бурундуков обратились в бегство, негодующе вереща. Они скатывались с подножек и ретировались через окошко в задней стенке кабины.

— Всем покинуть корабль! — скомандовала Триша. — Мы столкнулись с айсбергом. Женщины и бурун… — Она вдохнула пылью и закашлялась. Затяжной приступ кашля заставил ее сесть на землю, жадно ловя ртом чистый воздух. Триша решила, что не будет спать в кабине. Она не боялась ни оставшихся бурундуков, ни змей (если бы в кабине поселились змеи, бурундуков не было бы и в помине), но ей не хотелось восемь часов дышать пылью и заходиться в кашле. Хорошо, конечно, провести ночь под настоящей крышей, но за это просили слишком высокую цену.

Сквозь кусты Триша чуть углубилась в лес, села

под большой елью, съела несколько орешков, выпила воды. Запасы и первого, и второго подходили к концу, но она слишком устала, чтобы волноваться об этом. Она нашла дорогу, и это главное. Старую, заброшенную, но эта дорога должна была куда-то ее вывести. Конечно, она могла и исчезнуть, как это уже случалось с ручьями, но на ночь глядя не хотелось думать и об этом. На ночь глядя Триша позволила себе надеяться, что дорога, в отличие от ручьев, ее не подведет.

Ночь выдалась жаркой и душной, предвестница той влажной жары, что несло с собой короткое лето Новой Англии. Триша вытерла пот с грязной шеи, выпятила нижнюю губу, чтобы сдуть волосы со лба, надела бейсболку и привалилась спиной к рюкзаку. Подумала о том, чтобы достать «Уокмен», отказалась от этой мысли: если она будет слушать репортаж с Западного побережья, то наверняка заснет (очень уж устала) и посадит батарейки.

Она сместилась ниже, так, чтобы рюкзак оказался под головой, заменяя подушку. Чувство глубокой удовлетворенности охватило Тришу. «Спасибо, Господи», — прошептала она и через три минуты уже крепко спала.

Проснулась она часа через два, когда первые

холодные капли ночного ливня просочились сквозь игольчатую «кровлю» и упали ей на лицо. Тут же гром расколол мир надвое, и Триша села. Деревья трещали и постанывали под порывами сильного, чуть ли не ураганного ветра. Вспышки молнии на мгновения выхватывали их из темноты, словно на черно-белом газетном снимке.

Триша поднялась, откинула волосы со лба, вздрогнула от очередного громового раската, прогремевшего прямо над головой и на несколько секунд оглушившего ее. Ей уже стало ясно, что при таком ливне она вымокнет насквозь, не спасут никакие деревья. Подхватив рюкзак, Триша вновь начала продираться сквозь кусты, на этот раз к кабине грузовика. Но не сделала и трех шагов, как зашлась в приступе кашля, не чувствуя листьев и мелких веток, которые хлестали ее по рукам и лицу. Где-то в лесу с громким треском повалилось дерево.

Зверь направлялся к ней, расстояние между ними сокращалось с каждой секундой.

Ветер переменил направление, плеснул в лицо водой, и Триша почувствовала запах зверя, резкий, неприятный, напомнивший ей о клетках в зоопарке. Только на этот раз никакой клетки не было и в помине.

Триша вновь двинулась к кабине, выставив перед собой одну руку, чтобы ветки не били по лицу, а второй придерживая фирменную бейсболку «Ред сокс». Трава заплеталась за щиколотки и колени, а когда Триша вышла из леса на свою дорогу (девочка думала о ней, как о своей дороге), ее тут же окатило, как из ведра.

Триша добралась до раскрытой дверцы кабины со стороны водителя (плющ увил ее, заменив своими листочками стекло) и тут полыхнула молния, окрасив все вокруг в лиловые тона. Вспышка эта позволила Трише увидеть что-то огромное, стоящее на границе леса по другую сторону дороги. Покатые плечи, черные глаза, большие уши, торчащие словно рога. Может, это и были рога. То был не человек. И, как решила Триша, не животное. У дороги, под проливным дождем, стоял ее бог. Бог, которого представлял осоголовый священник.

— НЕТ! — закричала Триша, нырнув в кабину, не замечая пыльного облака, поднявшегося с сиденья, не замечая тошнотворного запаха сгнившей обивки. — НЕТ! УХОДИ! УХОДИ И ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ!

Ей ответил гром. Ответил дождь, барабаня по ржавой крыше. Триша закрыла лицо руками,

свернулась калачиком, кашляя и дрожа. И пока не заснула, все ждала, что он влезет в кабину.

Спала Триша крепко и, насколько она могла помнить, без сновидений. А открыла глаза уже ясным днем. Воздух прогрелся, в чистом небе ярко светило солнце, деревья сверкали свежевымытой листвой, трава прибавила в росте, радостно щебетали птички. Листья и ветки сбрасывали последние капли. Когда Триша выглянула через проем из-под лобового стекла, первым делом ее чуть не ослепил солнечный свет, отражающийся от лужи, набравшейся в одной колее. Она прикрыла глаза рукой, прищурилась. Зеленая трава, зеленый лес, синее небо, никаких богов.

Кабина грузовика, пусть и без стекол, уберегла ее от дождя. Лужа натекла на полу, около педалей, промок левый рукав, но не более того. Если она и кашляла во сне, то не очень и сильно, потому что не просыпалась. В горле, правда, першило, заложило нос, но Триша полагала, что все это пройдет, как только она избавится от этой чертовой пыли.

Прошлой ночью он был здесь. Ты его видела.

Но видела ли? Действительно ли видела?

Он пришел за тобой, он хотел тебя забрать. Потом ты забралась в кабину, и он решил оста-

вить тебя в покое. Не понятно почему, но так вот получилось.

А может, и не приходил. Может, ей все почудилось. Такое бывает, когда ты уже не спишь, но окончательно еще не проснулся. Мало ли что могло привидеться в полусне, когда над головой гремит гром, небо рассекают молнии, дует ураганный ветер, а дождь льет как из ведра. В такой ситуации чего только не увидишь.

Триша схватила рюкзак за лямку и поползла к водительской дверце, поднимая новые клубы пыли и стараясь не дышать. Вылезла на подножку, спрыгнула за землю, отступила от кабины на шаг (мокрая, покрытая ржавчиной кабина приобрела цвет спелых слив), собралась уже закинуть рюкзак за плечи. Но не закинула. Ярко светило солнце, дождь закончился, она нашла дорогу… но внезапно ее охватило полная безысходность. Словно невероятно тяжелая ноша легла на ее хрупкие плечи. Человеку многое может привидеться, если он внезапно просыпается, а вокруг бушует гроза. Разумеется, может. Но то, что в тот миг открылось ее глазам, подвести под видение не представлялось возможным.

Пока она спала, кто-то очертил широкий круг, взрывая траву, иголки, кусты. В центре этого

круга находилась брошенная кабина грузовика. Круг этот она ясно видела перед собой, полоса влажной черной земли, прорезающая зелень травы и кустов. Кусты и молодые деревца, растущие ранее на этой полосе, валялись рядом, вырванные с корнем. Бог Заблудившихся приходил этой ночью и нарисовал вокруг нее круг, как бы говоря: «Держитесь от нее подальше, она — моя, она принадлежит мне».

Первая половина девятого иннинга

Все воскресенье Триша прошагала под жгущими лучами солнца, щедро льющимися на нее с синего неба. Утром мокрые леса исходили паром, к полудню все высохло. Солнце жарило нещадно. Триша все еще радовалась, что нашла дорогу, но куда больше ей хотелось идти под сенью деревьев. Она чувствовала, что у нее опять поднялась температура, усталость с новой силой давила на плечи, превращая каждый шаг в подвиг. Зверь наблюдал за ней, следовал за ней, не показываясь из лесу, и наблюдал. Чувство, что на нее смотрят, не покидало Тришу ни на минуту, потому что зверь никуда от нее не уходил. Оставался в лесу по правую сторону дороги. Пару раз девочке показалось, что она увидела его, но, возможно, она приняла за зверя тень, отбрасываемую ветками. Ей не хотелось его видеть. В вспышке молнии она увидела более чем достаточно. Мех, огромные торчащие уши, массивное туловище.

И глаза. Черные глаза, большие и нечеловеческие. Остекленевшие, но ничего не упускающие.

Глаза, которые знали о ее присутствии.

Зверь не уйдет, пока не убедится, что мне отсюда не выбраться, в отчаянии думала Триша. Он этого не допустит. Он не позволит мне выбраться отсюда.

Уже после полудня она заметила, что лужи в колеях быстро высыхают, и пополнила запас воды. Воду она фильтровала через материю бейсболки. Выливала сначала в капюшон, а уж потом в пластиковые бутылки. Вода все равно оставалась мутновато-грязной, но Триша уже не придавала этому значения. Если б лесная вода могла убить ее, она умерла бы в тот день, когда ее вырвало и пронесло. Гораздо больше ее волновало отсутствие еды. Наполнив бутылки, она подъела все свои запасы, оставив несколько орешков и ягод. Так что утром, подумала Триша, придется отскребать от дна рюкзака раздавленные ягоды, как когда-то, давным-давно, она отскребала крошки картофельных чипсов. Конечно, она могла найти что-то съедобное по пути, но не очень-то на это рассчитывала.

Дорога все вилась между деревьями, иногда колеи практически сравнивались с землей, иногда, наоборот, глубоко в нее вдавливались. Кое-где на полосе между колеями росли невысокие кустики.

Триша подумала, что это черника. Выглядели они точно так же, как и те кустики, с которых она и мамик во время прогулок по игрушечным лесам Сэнфорда собирали полные корзинки сладких, сочных ягод. Но черника созревала только через месяц. Видела Триша и грибы, но не решилась их есть. Мать ничего о грибах не говорила, не изучали они грибы и в школе. В школе ей рассказывали об орехах и о том, что нельзя садиться в автомобиль к незнакомым мужчинам (потому что некоторые незнакомцы могли оказаться психами), но не о грибах. Она только знала, что, съев ядовитый гриб, человек не просто умирает, а умирает в страшных мучениях. Впрочем, она не приносила большую жертву, отказываясь от грибов. Аппетита у нее не было, вновь разболелось горло.

Около четырех часов дня Триша споткнулась о сук, упала на бок, попыталась встать и не смогла. Ноги дрожали, стали ватными, не хотели держать тело. Она сняла рюкзак (ужасно много времени ушло на то, чтобы выпутаться из лямок). Съела последние два или три буковых орешка, едва не подавившись последним. Но вступила в борьбу с приступом тошноты и победила, вытянув, как могла, шею и дважды сглотнув. А чтобы орешки

точно остались в желудке (хотя бы на время), запила их глотком теплой, мутной воды.

— Время «Ред сокс», — пробормотала Триша и вытащила из рюкзака «Уокмен». Она сомневалась, что сможет поймать репортаж с матча, но попытка — не пытка. На Западном побережье час пополудни, то есть игра только началась. А день точно игровой.

В диапазоне FM она не поймала ничего, даже музыки. На AM сразу наткнулась на человека, тараторящего на французском (он еще похохатывал чуть ли не после каждой фразы). Наконец, на волне 1600, у самой границы диапазона, ей улыбнулось счастье: из наушников донесся слабый, но достаточно внятный голос Джо Кастильоне.

— Итак, Валентин готовится к подаче… Гарчапарра бьет… Отменный удар! Мяч летит к дальнему концу поля! Круговая пробежка! «Ред сокс» впереди два — ноль.

— Отличное начало, Номар, — прохрипела Триша, не узнавая собственного голоса, и вскинула к небу сжатый кулак.

О'Лири не сумел добавить очков в копилку «Ред сокс», иннинг закончился с тем же результатом.

«Куда вы позвоните, если у вас разбилось лобовое стекло?» — проворковал знакомый голос из

далекого мира, который во всех направлениях пересекали дороги, в котором все боги предпочитали оставаться за кулисами, не выходя на авансцену.

— 1-800, — начала Триша. — 54…

И задремала, не успев закончить фразы. Заснула крепко, время от времени покашливая. Кашель начинался где-то глубоко-глубоко. Во время пятого иннинга кто-то подошел к кромке леса, посмотрел на нее. Мухи и мокрецы вились то ли над мордой, то ли над грубым, словно вырубленным топором лицом. Блестели ничего не выражающие, пустые глаза. Долго, долго стояло существо у кромки леса. Наконец вытянуло к Трише лапу (руку?) с острыми как бритва когтями: она — моя, она принадлежит мне, и ретировалось в лесную чащу.

Вторая половина девятого иннинга

В какой-то момент, к концу игры, Триша подумала, что проснулась на несколько минут. Джерри Трупано вещал (во всяком случае, ей показалось, что это Джерри Трупано), что «Сиэтлские монстры» заполнили все базы и Гордон пытается спасти игру.

— Этот бэттер просто убивец, — говорил Трупано, — и впервые за этот сезон Гордон, похоже, боится. Где же Бог, Джо? Сейчас Он нужен Тому, как никогда.

— В Дэнвиззе, — ответил Джо Кастильоне. — Где ж ему еще быть?

Конечно же ей это приснилось, по-другому и быть не могло, но в этот сон вплелась крупица реального репортажа. И когда Триша окончательно проснулась, выяснилось следующее: солнце почти зашло, у нее температура, глотать ужасно больно, а радио зловеще молчит.

— Ты заснула с включенным радио, идиотка, — прохрипела Триша. — Надо же быть такой дурой. — Она посмотрела на верхний торец кор-

пуса плейера, в надежде увидеть крохотный красный огонек, в надежде, что она случайно передвинула колесико настройки, когда начала валиться набок (а проснулась она с головой, улегшейся на одно плечо, отчего теперь болела шея), но заранее зная, что надежды тщетны. И точно, красная лампочка погасла.

Она попыталась успокоить себя тем, что батарейки все равно скоро бы сели, но все равно не удержалась от слез. Радио больше не работало, и Трише стало грустно, очень грустно. Словно она осталась без лучшей подруги. Медленно, едва шевеля руками, она убрала плейер в рюкзак, застегнула пряжки, закинула рюкзак за плечи. В нем ничего не было, но весил он с тонну. Как такое могло быть?

Зато я на дороге, напомнила себе Триша. Я на дороге. Но теперь, когда угасал еще один день, даже эта приятная мысль не могла подбодрить девочку. Дорога, шмолога, подумала она. Судьба словно насмехалась над ней. Так бывает, когда команда находится в шаге от победы, но глупая, нелепая ошибка одного сводит на нет все усилия остальных. Эта глупая дорога могла виться по лесам еще сто сорок миль, и Триша не знала, что ждет ее в конце пути. Возможно, заросли кустов

или еще одно болото.

Однако она вновь зашагала между колеями, с трудом переставляя ноги, понурив голову, опустив плечи — лямки рюкзака так и норовили соскользнуть с них. Но все-таки держались. Непонятно на чем.

Однако за полчаса до наступления темноты одна лямка таки соскользнула, и рюкзак повис на одном плече. Триша даже подумала о том, чтобы сбросить эту фиговину и идти дальше без нее. Возможно, она бы так и поступила, если бы не последняя пригоршня ягод, оставшаяся на дне. И вода, пусть мутная, но вода. Каждый глоток которой успокаивал боль в горле. Поэтому, вместо того чтобы избавиться от рюкзака, Триша решила остановиться на ночь.

Опустилась на колени между колеями, со вздохом облегчения скинула лямку со второго плеча. Улеглась головой на рюкзак. Посмотрела на темную массу в лесу, по правую руку от себя.

— А ты держись подальше, — отчеканила Триша. — Держись подальше, а не то я позвоню 1-800 и вызову гиганта[31]. Ты меня понял?

Необычный зверь ее услышал. Возможно,

---

[31] Примечания: [31]

Сочетание букв в номере телефона, не раз упоминавшемся выше — GIANT, в переводе — гигант.

понял ее, возможно — нет. Ответа Триша не услышала, но она чувствовала, что зверь рядом. Он все еще давал ей дозреть? Вкушал ее страх, прежде чем подойти и съесть ее саму? Если так, то игра подошла к концу. Страха в ней почти не осталось. Она даже подумала о том, чтобы позвать зверя, сказать ему, чтобы он забыл про ее прежние слова, что она очень устала и он может съесть ее, если ему того хочется. Но не раскрыла рот. Испугалась, что он может поймать ее на слове.

Триша выпила воды, оглядела небо. Подумала о Борке-Киборке, который сказал, что Богу Тома Гордона не до нее. Потому что он занят совсем другими делами. Триша сомневалась, так ли это… но здесь Его точно не было, это она знала наверняка. Наверное, дело не в том, что он не мог ей помочь, скорее — не хотел. Борк-Киборк также сказал: «Должен признать, он спортивный болельщик. Хотя и не всегда болеет за „Бостон Ред сокс“.»

Триша сняла фирменную бейсболку «Ред сокс», потрепанную, пропитавшуюся по́том, вымазанную грязью и травой, провела пальцем по козырьку. Самая дорогая для нее вещь. Отец попросил Тома Гордона расписаться на ней, отослал в Фенуэй-парк вместе с письмом, в котором ука-

зал: Том любимый игрок ее дочери, и Том (или его официальный представитель) отправил бейсболку Трише в фирменном конверте, с росписью на козырьке. Она полагала, что и теперь у нее нет ничего лучше бейсболки. Впрочем, все ее сокровища состояли из мутной воды, пригоршни усохших, безвкусных ягод да грязной одежды. А теперь роспись исчезла, дождь и ее потные руки позаботились о том, чтобы роспись расползлась по козырьку, растворилась в слое грязи. Но она была на козырьке, пусть и стала невидимой, не исчезла бесследно, как и Триша не исчезла с лица земли, по крайней мере пока.

— Господи, если Ты не можешь быть болельщиком «Ред сокс», поболей за Тома Гордона. Это Ты сделать можешь? Хотя бы это?

Всю ночь она впадала в забытье и приходила в себя, дрожала всем телом, засыпала и просыпалась, как от толчка, в полной уверенности, что Зверь уже здесь, что он вышел из лесу, чтобы съесть ее. Том Гордон говорил с ней; однажды с ней говорил и ее отец. Он появился позади Триши и спросил, нравятся ли ей макароны. Триша обернулась, но никого не увидела. Вновь метеоры бороздили небо, но Триша не могла с уверенностью сказать, то ли она действительно

их видела, то ли они ей приснились. В какой-то момент она достала плейер, в надежде, что батарейки поднакопили энергию, такое случалось, если дать им немного отдохнуть, но уронила его в траву, прежде чем успела проверить, зажглась красная лампочка или нет, а потом уже не могла найти, как ни старалась. В конце концов ее руки вернулись к рюкзаку и нащупали пряжки. Защелкнуты. Триша решила, что она и не доставала плейер, потому что не помнила, как в темноте защелкивала пряжки. С дюжину раз она заходилась кашлем, и боль при каждом приступе уходила глубоко вниз, в грудную клетку. В какой-то момент она приподнялась, чтобы попи́сать, и из нее хлынула такая горячая струя, что Трише пришлось закусить губу, чтобы не закричать.

Ночь прошла, как проходят ночи для тяжело больных людей: время то ускоряло, то замедляло свой бег. И когда зачирикали птички, а небо над деревьями посветлело, Триша поначалу отказывалась в это верить. Она подняла руки, посмотрела на грязные пальцы. Она уже смирилась с тем, что не переживет эту ночь, но, судя по всему, ей это удалось.

Девочка полежала, пока рассвет не набрал ход. А когда уже смогла различить висевшую над ней

тучу мошкары, медленно поднялась. Постояла, чтобы понять, удержат ли ее ноги и откажутся ей служить.

Если откажутся, я поползу, подумала Триша, но ползти ей не пришлось, пока не пришлось: ноги держали. Она вновь наклонилась, чтобы подхватить рюкзак. А когда разогнулась, закружилась голова, перед глазами появилась эскадрилья больших черных мух. Наконец они разлетелись, и Триша смогла закинуть рюкзак за спину.

Тут возникла новая проблема: в какую сторону ей идти? Уверенности у нее не было: дорога одинаковая, что в одном направлении, что в другом. Триша встала лицом к одной колее, спиной к другой. Посмотрела направо, потом налево. Ее нога что-то задела. Триша опустила глаза. Ее «Уокмен», мокрый от росы. Проводки намотаны на корпус, наушники в углублениях. Значит, ночью она все-таки достала его из рюкзака. Триша наклонилась, подняла плейер, уставилась на него. Снова надо снимать рюкзак, открывать его, класть в него «Уокмен»? Слишком тяжелая работа, все равно что сдвигать гору. С другой стороны, и выбрасывать плейер — не дело, все равно что признать свое поражение.

Триша стояла минуты три, а то и больше, глядя

на маленький плейер. От высокой температуры ярко блестели глаза. Выбросить или оставить? Что ты решила, Патриция? Ты согласна на набор кухонной посуды или продолжишь борьбу, попытаешься выиграть автомобиль, норковую шубу, поездку в Рио? Ей пришла в голову мысль, что будь она компьютером Пита, то выбросила бы на экран надпись: «Программа допустила непоправимую ошибку и должна быть закрыта», окружив ее иконками-бомбочками. От этой мысли Тришу разобрал смех.

Но смех этот практически сразу перешел в кашель. Такой сильный, что согнул Тришу пополам. И вскоре она лаяла, как собака, уперевшись ладонями в колени, а волосы висели перед глазами грязным занавесом. Девочка, однако, устояла на ногах, отказываясь сдаться и сесть или лечь на землю. Наконец кашель стих, и тут Триша поняла, что может зацепить «Уокмен» за пояс джинсов. На заднем торце маленького плейера имелась скоба, предназначенная аккурат для этого случая, не так ли? Конечно, имелась. Как она могла об этом забыть? Видать, у нее совсем плохо с головой.

Триша уже открыла рот, чтобы сказать: «Элементарно, мой дорогой Ватсон», — она и Пепси

иногда говорили так друг другу, но тут что-то теплое выплеснулось на ее нижнюю губу. Триша вытерла ладонью кровь, опустила руку, посмотрела на ладонь, глаза у нее широко раскрылись.

Должно быть, я что-то прикусила во рту, когда кашляла, подумала девочка, но сразу поняла, что не стоит себя обманывать. Эта кровь поднялась откуда-то изнутри. Мысль эта напугала ее, а от страха она стала куда лучше соображать. К ней вновь вернулась способность логического мышления. Она прочистила горло (очень осторожно, чтобы не вызывать очередного приступа кашля), сплюнула. Слюна стала ярко-алой. Господи! Поделать с этим она ничего не могла, зато отпали последние сомнения в том, куда ей идти. Прошлым вечером солнце село по ее правую руку. Триша поворачивалась вокруг оси, пока поднимающееся солнце не оказалось слева от нее. Вот оно, нужное направление. Теперь Триша не могла взять в толк, с чего у нее возникали какие-то вопросы.

Медленно, осторожно, словно по только что вымытому полу, Триша двинулась дальше. Скоро все и решится, думала она. Этот день — мой последний шанс, может, даже это утро — мой последний шанс. Сил у меня так мало, что я, на-

верное, не смогу идти во второй половине дня. А если мне удастся подняться после следующей ночи, это будет чудо из чудес.

Чудо из чудес. Кто так любил говорить, мать или отец?

— А какая разница? — прохрипела Триша. — Если я выберусь отсюда, у меня появятся собственные присказки.

В пятидесяти или шестидесяти футах севернее того места, где Триша провела ночь, девочка заметила, что все еще несет «Уокмен» в правой руке. Она остановилась, чтобы зацепить скобу за пояс джинсов. Джинсы теперь свободно болтались на ней. Если я похудею еще на несколько фунтов, то меня возьмут в манекенщицы и я буду показывать последние французские модели, подумала она. Триша как раз размышляла над тем, что ей делать с проводками и наушниками, когда утреннюю тишину разорвала череда далеких взрывов: кто-то словно высасывал лужицу газировки через гигантскую соломинку.

Триша вскрикнула от неожиданности. Шум перепугал не только ее. Закаркали вороны, из кустов вылетел возмущенный фазан.

Триша стояла, широко раскрыв глаза, забытые наушники болтались на конце проводков у ее

поцарапанной, грязной лодыжки. Она узнала этот звук — звук выхлопа в глушителе. Значит, грузовик. А может, мотоцикл. Впереди дорога. Настоящая дорога.

Ее так и подмывало сорваться с места и бежать, бежать, бежать, но она понимала, что нельзя. Если бы она побежала, то разом израсходовала бы последние остатки энергии. Это было бы ужасно. Лишиться чувств или умереть в пределах слышимости рева глушителя — все равно что не удержать победный счет на последней подаче. Такие кошмары в бейсболе случались, но она дала себе слово, что с ней такому не бывать.

Поэтому Триша зашагала не спеша, осторожно, экономя силы, прислушиваясь к треску выхлопов, шуму двигателей, автомобильным гудкам. Ничего, ничегошеньки она не услышала и, отшагав с час, начала думать, что ей все это прислышалось. Но, с другой стороны, треск был такой отчетливый…

Триша поднялась на холм, посмотрела вниз. Вновь закашлялась, губы опять окрасились кровью, но она этого не заметила… даже не подняла руку, чтобы стереть кровь. Потому что внизу заброшенный проселок, по которому она так долго брела, упирался в дорогу.

Триша медленно спустилась с холма, ступила на дорогу. Отпечатков протектора не увидела, это был хардпэн[32], но по колеям ездили постоянно, и между ними не росла трава. Новая дорога пересекалась с ее проселком под прямым углом, уходя на запад и на восток. И вот тут Триша приняла правильное решение. Она повернула на запад лишь потому, что у нее опять разболелась голова и она не хотела идти лицом к солнцу… но она повернула на запад. В четырех милях от того места, где она вышла на хардпэн, леса разрезало шоссе 96, по которому иногда проезжали легковые автомобили и очень часто лесовозы. И услышала Триша обратную вспышку в глушителе одного такого монстра, держащего курс на Кемонгус-Хилл. В утренней тишине треск этот пролетел добрых девять миль, прежде чем достиг ушей Триши.

Осознание того, что спасение близко, прибавило Трише сил. Теперь она и шла чуть быстрее. А сорок пять минут спустя опять что-то услышала, далекое, но не оставляющее сомнения в том, что это…

Не тешь себя надеждами, ты в таких местах, где может прислышаться все, что угодно.

---

[32] Примечания: [32]
Сцементированное почвенное образование.

Возможно, все так, но…

Она склонила голову набок, как собака[33] на старых пластинках бабушки Макфарленд, тех самых, которые она держала на чердаке. Триша затаила дыхание. Почувствовала, как кровь стучит в висках. Она слышала писк комаров у уха… но не только писк. Она слышала шуршание. Шуршание шин об асфальт. Очень далекое, но шуршание.

Триша заплакала.

— Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы мне это не прислышалось, — прошептала она. — Господи, пожалуйста, сделай…

И тут за ее спиной что-то затрещало. Нет, это не ветер. Кто-то продирался, сквозь лес, ломая ветки. Что-то упало, наверное, вывороченное с корнем маленькое деревце. Так мог вести себя только зверь, тот самый необычный зверь. Он многое ей позволил, не трогал ее, пока до спасения не остался лишь один шаг, он даже дал ей возможность услышать шум тропы, которую она

---

[33] Примечания: [33]

Речь идет о товарном знаке звукозаписывающей компании Ар-си-эй Виктор. Первоначально — рисунок художника Ф. Барро, на котором он в 1894 г. изобразил своего пса Ниппера, заглядывающего в трубу граммофона. Рисунок в 1901 г. был приобретен компанией «Виктор токинг машин». Когда в 1929 г. «Ар-си-эй» купила фирму «Виктор», по контракту к ней перешли и права на торговую марку с изображением собаки.

так легкомысленно покинула. Он наблюдал, с каким трудом дался ей этот долгий путь через леса. Может, с удивлением, а где-то и с сочувствием, если только он знал, что такое сочувствие. А теперь решил поставить точку. Хватит смотреть, хватит ждать.

Медленно, с ужасом, но без страха, с чувством собственного достоинства, Триша повернулась, чтобы лицом к лицу встретить Бога Заблудившихся.

Вторая половина девятого иннинга. Удержание победного счета

Он появился с левой стороны дороги, и Триша подумала: «И всего-то? Вот, значит, кто следил за мной». Взрослые мужчины в панике бросились бы бежать, увидев Ursus Americanus, здоровенного черного североамериканского медведя весом никак не меньше четырехсот фунтов, подминающего под себя последние кусты, которые отделяли его от хардпэна, но Триша-то ожидала увидеть не медведя, а ночное чудище.

К блестящему меху прилипли листья и репейники, он держал в руке (да, это была рука, во всяком случае, ее когтистый рудимент) обломок толстой ветви с ободранной корой. Этакий лесной скипетр. Он вышел на середину дороги, качаясь из стороны в сторону. Какие-то мгновения постоял, должно быть, привыкая к хардпэну, потом поднялся на задние лапы. Тут Триша поняла, что перед ней не медведь. Поняла, что верной была ее первая догадка. Она видела перед собой Бога Заблудившихся, пусть внешне он чем-то и напоминал медведя, и пришел он по ее душу.

Зверь буравил ее черными глазками, только это были не глаза, а глазницы. Он понюхал воздух, потом поднес сломанную ветку к пасти. Пасть раскрылась, обнажив два ряда огромных, запятнанных зеленью зубов. Он сунул в пасть свободный конец ветви. Совсем как ребенок, сосущий леденец на палочке, подумала Триша. Потом, намеренно, дабы показать Трише, с кем она имеет дело, он двинул челюстями, разгрызая ветвь надвое. Леса замерли в тишине, и ветвь хрустнула, словно кость. Такой же хруст разнесется по лесу, когда в пасти окажется не палка, а ее рука, поняла Триша. Когда Зверь откусит часть ее руки.

Он вытянул шею, его глазки блеснули, и Триша увидела, что туча мошкары вьется вокруг него точно так же, как она вилась вокруг нее. Его тень, длинная-предлинная в лучах утреннего солнца, едва не достигала ободранных кроссовок Триши. Разделяло их не больше шестидесяти футов.

Он пришел по ее душу.

Беги, воззвал Бог Заблудившихся. Беги от меня, беги к шоссе. Тело медведя медлительное, оно еще не пополнило запасов, затраченных во время долгой зимы, есть-то еще особо нечего. Беги. Может, я дарую тебе жизнь.

Да, бегу, подумала Триша, и тут же раздался ледяной голос наглой паршивки: «Ты не можешь бежать, сладенькая. Ты едва держишься на ногах».

Существо, похожее на медведя, стояло, не сводя с нее глаз, подрагивали уши, отгоняя кровососов, висевших над головой, поблескивала густая шерсть на боках. Укоротившийся обломок ветви он все держал в костистой руке. Челюсти медленно двигались, из пасти вываливались щепки. Некоторые падали на хардпэн, другие прилипали к морде. Из глаз что-то текло. В лужицах под ними шла своя жизнь: мокрецы, личинки мух и комаров и еще бог знает кто ворочались в этом живом супе, напомнив Трише о болоте, которое ей удалось пересечь.

Я убил лосенка. Я следил за тобой. Я очертил вокруг тебя круг. Беги от меня. Помолись своим богам и, возможно, я дарую тебе жизнь.

Леса молчали, окутывая их запахом сочной зелени. Воздух, проходя в легкие Триши и обратно, скреб по воспаленному горлу. Существо, похожее на медведя, пренебрежительно взирало на нее с высоты семи футов. Его голова упиралась в небо, а когти держали землю. Триша пристально посмотрела на существо, снизу вверх, и поняла,

что она должна сделать.

Довести игру до победного конца.

Том сказал ей, что у Бога вошло в привычку появляться на поле во второй половине девятого иннинга. В чем секрет удержания победного счета? Доказать, кто на поле лучший. Возможно, тебя и одолеют… но ты должен выложиться до предела.

Прежде всего, нужно замереть. Внешне превратиться в статую, а внутренне собрать все силы в единый кулак. Внушить себе, что тебя могут одолеть, но ты должен выложиться до предела. Чтобы потом с чистой совестью сказать себе: «Я сделал все, что мог».

— Ледяная вода, — вырвалось у Триши, и существо, которое стояло посреди дороги, склонило голову, напоминая огромную прислушивающуюся собаку. Триша подняла руку, повернула бейсболку козырьком вперед, надвинула на лоб. Так носил бейсболку Том Гордон. Затем развернула корпус так, чтобы грудь смотрела на правую обочину, и выдвинула вперед, левую ногу. При этом она не сводила взгляда с медвежьей морды, глаза ее не отрывались от глазниц Зверя, вокруг которых кружила мошкара.

«Развязка близка, — говорил в таких случаях

Джо Кастильоне. — Советую всем застегнуть ремни безопасности».

— Иди, если уж пришел, — крикнула Триша медведю. Она сдернула «Уокмен» с пояса джинсов, оборвала провода. Вместе с наушниками они упали ей под ноги. Рука с «Уокменом» ушла за спину, и Триша начала вращать плейер пальцами, чтобы взяться поудобнее. — У меня в жилах ледяная вода, и я надеюсь, что ты замерзнешь от первого же куска. Иди, козел! Гребаный козел!

Существо-медведь отбросило палку, опустилось на все четыре лапы. Передней лапой заскребло по хардпэну, так разъяренный бык взрывает копытом землю, прежде чем броситься вперед, потом вразвалочку, но на удивление быстро двинулось к Трише. При первом же шаге уши прижались к черепу, а пасть приоткрылась. До Триши донеслось знакомое ей жужжание, не пчел, а ос. Существо приняло облик медведя, но истинной его сущностью было нутро. А внутри жужжали осы. Иначе и быть не могло. Она уже встречалась с Его представителем — осоголовым священником в черной сутане.

Беги, посоветовало ей существо, расстояние между ними стремительно сокращалось. Под шерстью ходили могучие мышцы. Когти остав-

ляли на хардпэне глубокие царапины. Беги, это твой последний шанс.

Да только ее последним шансом было умение замереть, отключиться от всего постороннего.

Умение замереть и, возможно, хороший крученый бросок.

Триша сложила руки, подходя к границе круга. Плейер перестал быть плейером, он превратился в бейсбольный мяч. Здесь не было верующих Фенуэя, поднимающихся в едином порыве в Бостонской церкви бейсбола. Но она сумела замереть и сосредоточиться и теперь понимала, что чувствует Том Гордон стоя у границы круга в тишине ока тайфуна, где давление стремится к нулю, все звуки стихают и всем, кто находится на трибунах, остается только одно: пристегнуть ремни безопасности.

Подготовка к броску закончилась, и Триша почувствовала, как наливаются силой плечи. Пусть он ее съест, пусть одолеет. Но добровольно она не сдастся. Сделает все, чтобы довести игру до победы.

И уж конечно не побежит.

Существо остановилось перед ней. Вытянуло шею, потянувшись мордой к ее лицу, словно хотело поцеловать девочку. Глаз не было, только

два круга, заполненные копошащимися насекомыми, личинками, червями. Они гудели, извивались, толкались, чтобы попасть в каналы, уходящие в мозг. Открылась пасть, и Триша увидела, что в горле полным-полно ос, налитых ядом, которые ползали по пережеванным щепкам и кишке олененка, которая служила существу языком. Дыхание его — зловоние болота. Она это увидела, память все зафиксировала, а потом Триша посмотрела на плечо медведя. Веритек подал сигнал. Скоро она бросит мяч, но пока не шевельнула и пальцем. По-прежнему стояла как статуя, хотя ее тело уже изготовилось к броску. Пусть бэттер ждет, гадает, когда же он будет, этот бросок, нервничает. Пусть задастся вопросом: а вдруг на этот раз крученого броска не будет?

Существо-медведь обнюхивало ее лицо. Насекомые вползали и выползали из ноздрей. Мошкара вилась между двумя лицами, одним волосатым, другим — гладким. Лицо существа постоянно менялось. Триша видела в нем лица учителей и друзей, родителей и брата. То было лицо человека, который мог подойти к ней и предложить подвезти из школы домой. Незнакомец — потенциальная опасность, так учили ее еще в первом классе. Говорим — незнакомец, думаем — опас-

ность. От него исходил запах смерти и болезни. Ядовитое нутро жужжало. Нет, это тебе не Неслышимый, подумала Триша.

Существо вновь поднялось на задние лапы, покачалось, совсем как медведь в цирке, махнуло передней лапой-рукой… пока игриво, всего лишь игриво, в нескольких дюймах от ее лица. От движения черных когтей волосы Триши сдуло со лба. Она стояла на изготовку, глядя на медвежье подбрюшье, на светлую полоску, которая зигзагом-молнией прорезала черный мех.

Посмотри на меня.

Нет.

Посмотри на меня!

Словно невидимая рука ухватила Тришу за подбородок. Медленно, без всякой охоты, но, бессильная что-либо сделать, Триша подняла голову. Посмотрела наверх. Посмотрела в пустые глаза существа-медведя и поняла, что при любом раскладе смерти ей не миновать. Одной храбрости мало. Но что из этого следует? Если в ее распоряжении только капелька храбрости, что из этого следует? Значит, пора бросать мяч, завершать игру.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, словно автомат, Триша отвела левую ногу назад, при-

ставила к правой, и тут все ее тело пришло в движение. Она выполняла бросок, не тот, которому учил ее отец на заднем дворе, другой, который она разучила, наблюдая за Томом Гордона по телевизору. Вновь шагнула вперед, подняла правую руку к правому уху, затем занесла ее за голову, далеко за голову, потому что иначе мяч не наберет нужной скорости. А уж этот бросок должен быть отменным, иначе победы не жди. Существо-медведь неуклюже отступило на шаг. Может, роящиеся в глазах твари приняли бейсбольный мяч в ее руке за оружие? Или его застало врасплох ее неожиданное, агрессивное движение? Она вскинула руку, шагнула вперед, тогда как он ожидал, что она сначала отступит, а потом побежит. Существо что-то прорычало. Возможно, поведение Триши привело его в замешательство. Из пасти выдуло несколько ос, прямо-таки живой пар. Существо взмахнуло передней лапой, чтобы удержать равновесие. И в тот момент, когда оно пыталось устоять на задних лапах, прогремел выстрел.

Мужчину, который оказался в лесу в то утро, первого человека, который повстречался Трише Макфарленд за последние девять дней, так потрясло увиденное, что он даже не стал лгать

полиции, отвечая на вопрос, а чего он отправился в лес с крупнокалиберным самозарядным карабином. Звали его Тревис Херрик, и он решил подстрелить оленя, прекрасно зная, что до начала охотничьего сезона еще очень далеко. Тревис Херрик относился к тем людям, которые не считают необходимым тратить деньги на еду, если последнюю можно раздобыть иным способом. А деньгам можно найти более интересное и полезное применение: к примеру, купить на них лотерейных билетов и пива. В любом случае его не привлекли к суду и даже не оштрафовали, и он не убил существо, стоявшее перед маленькой девочкой, которая, по его разумению, проявила чудеса храбрости.

— Если б она двинулась с места, когда он подошел к ней, он бы разорвал ее на куски, — рассказывал потом Тревис Херрик. — Просто удивительно, что он сразу этого не сделал. Она замерла, словно превратилась в статую, и, должно быть, остановила его взглядом, как Тарзан в старых фильмах о джунглях. Я поднялся на холм и увидел их обоих. Наблюдал за ними секунд двадцать. Может, даже минуту, в таких ситуациях никогда не знаешь, сколько прошло времени, но стрелять не мог. Слишком близко они стояли. Я

боялся попасть в девочку. А потом внезапно она двинулась на него. Что-то она держала в руке и собралась бросить это что-то, как бейсбольный мяч. Выполняла бросок, как заправский питчер. Наверное, ее действия стали для медведя полной неожиданностью. Он отступил назад и потерял равновесие. Я сразу понял, что это единственный шанс, чтобы спасти девочку. Поднял карабин и выстрелил.

Никакого суда, никакого штрафа. За свои подвиги Тревис Херрик стал почетным гостем парада, проведенного Четвертого июля[34] 1998 года в Графтон-Нотч. Вот так-то, а вы скажете — браконьер.

Триша услышала ружейный выстрел, сразу поняла, что сие означает, и увидела, как одно из стоящих торчком ушей разлетелось маленькими ошметками, словно порванный в клочки листок. Она увидела не только ошметки, но и маленькие красные капельки, прямо-таки ягоды митчеллы, которые по крутым дугам спикировали на дорогу. В тот же самый момент она увидела, что

[34] Примечания: [34]

4 июля — День независимости, основной государственный праздник, отмечаемый в честь принятия Декларации независимости 4 июля 1776 года. Один из самых популярных и любимых в стране праздников. Сопровождается красочными парадами и фейерверками.

существо-медведь стало обычным медведем с огромными, остекленевшими глазами, в которых застыло изумление. А может, он и всегда был обычным медведем.

Да только в глубине души Триша знала, что это не так.

Она не остановилась, и череда ее телодвижений завершилась броском. Мяч угодил медведю между глаз, и Триша увидела (вот и верь потом, что галлюцинаций наяву не бывает), как из него выскочили две батарейки «Энерджайзер» и упали на хардпэн.

— Третий страйк! — воскликнула Триша, и от этого хриплого, победного вскрика раненый медведь развернулся и со всех лап помчался прочь, марая хардпэн брызжущей из раны кровью. Прогремел второй выстрел, и Триша услышала, как пуля пролетела в футе от ее правого уха. Взбила дорожную пыль в нескольких ярдах от медведя, который тут же метнулся налево и нырнул в лес. Несколько мгновений она видела, как колышутся, будто от страха, молоденькие деревья. Потом успокоились и они. Медведь исчез.

Триша повернулась, ее качнуло, и тут она увидела бегущего к ней невысокого мужчину в зеленых, с заплатами штанах, зеленых резино-

вых сапогах и широкой вылинявшей футболке. Обширная лысина, длинные, до плеч волосы, маленькие очки без оправы, поблескивающие на солнце. Карабин он держал вертикально, подняв ствол высоко над головой, словно скачущий индеец в старом фильме. Тришу не удивило, что на футболке эмблема «Бостон Ред сокс». В Новой Англии у каждого мужчины была хоть одна такая футболка.

— Эй, девочка! — воскликнул он. — Господи, девочка, с тобой все в порядке? Святый Боже, это же был гребаный медведь, с тобой все в порядке?

Триша шагнула к нему. Ее шатало.

— Третий страйк, — повторила она, но слова не слетели с ее губ. Ту капельку сил, что еще оставалась при ней, она израсходовала на последний вскрик. И теперь не могла даже шептать. — Третий страйк. Мой крученый бросок оставил его не у дел.

— Что? — Мужчина остановился перед ней. — Я тебя не расслышал, милая, повтори.

— Вы видели? — Она вела речь про свой великолепный бросок, бросок, позволивший удержать победный счет. — Вы видели?

— Я… я видел. — По правде говоря, Тревис Херрик не знал, что именно он видел. В те несколько

секунд, которые девочка и медведь провели, застыв, как памятники, глядя друг на друга, у него сложилось ощущение, что это вовсе и не медведь, но об этом Тревис Херрик никому не сказал. Люди знали, что он не прочь выпить, они могли подумать, что он рехнулся. А теперь он видел перед собой маленькую девочку, едва державшуюся на ногах, исхудавшую до невозможности, в рваной, грязной одежде. Он не мог вспомнить, как ее зовут, но знал, кто она такая. Еще бы, несколько дней ее фотография не сходила с экрана телевизора, да и по радио о ней постоянно говорили. Он только не мог понять, каким чудом она оказалась так далеко к северо-западу, но он знал, кто стоит перед ним.

У Триши подкосились ноги, и она бы упала, если бы Херрик не успел ее поддержать. При этом его карабин («Крэг», калибра 350) выстрелил у самого уха Триши, оглушив ее. Но девочка даже ухом не повела. Подумаешь, стреляют.

— Вы видели? — снова спросила она, не слыша собственного голоса, не зная, говорит ли она. Ей показалось, что невысокий мужчина совершенно сбит с толку, испуган и не так уж умен, но при этом, похоже, человек добрый. — Мой крученый бросок оставил его не у дел, вы видели?

Его губы зашевелились, но Триша не услышала его ответа. Он же положил карабин на хардпэн (давно пора, подумала про себя Триша), поднял ее и повернул так быстро, что у нее закружилась голова. Наверное, Тришу бы вырвало, если бы в ее желудке что-нибудь было. Она начала кашлять. Кашля тоже не слышала, потому что после выстрела в ушах стоял звон, но чувствовала, как кашель разрывает ей горло и грудную клетку.

Она хотела поблагодарить невысокого мужчину за то, что он несет ее, за то, что пришел ей на помощь, но ей также хотелось сказать ему, что существо-медведь попятилось еще до того, как раздался выстрел. Что она увидела замешательство, написанное на его морде-лице, страх в его глазах-глазницах, когда начала выполнять бросок. Она хотела сказать этому невысокому мужчине, который уже бежал с ней на руках, что-то важное, что-то очень важное, но он сильно тряс ее, она кашляла, в голове звенело, и она не знала, удалось ли ей это сказать или нет.

Триша все еще пыталась сказать: «Я это сделала, я удержала победный счет», — когда потеряла сознание.

После игры

Она вновь была в лесу и вновь вышла к уже знакомой ей поляне. Посередине, у пня, который на поверку оказался не пнем, а столбом с ржавым рым-болтом, вкрученным в верхний торец, стоял Том Гордон. Он лениво раскачивал рым-болт из стороны в сторону.

Я уже видела этот сон, подумала Триша, но, приблизившись к Гордону, заметила, что одно отличие есть: на Томе была не серая, выездная, а белая униформа, в которой он выходил на поле в домашних играх, с ярко-красным номером 36 на спине. Значит, выездные игры закончились. «Ред сокс» вернулись в Фенуэй, снова играли дома, выездные игры закончились. Да только она и Том опять очутились в лесу, на поляне-пастбище.

— Том? — застенчиво позвала она.

Он посмотрел на нее, удивленно вскинул брови. А его пальцы, которые так ловко управлялись с бейсбольным мячом, раскачивали ржавый рым-болт. Вперед-назад, вперед-назад.

— Я удержала победный счет.

— Я знаю, что удержала, детка. Здорово это у

тебя получилось.

Вперед-назад, вперед-назад. Куда вы позвоните, если у вас сломается рым-болт?

— А что было взаправду?

— Все, — ответил он, словно соотношение реального и воображаемого не имело ни малейшего значения. Потом повторил: — Здорово это у тебя получилось.

— Я поступила глупо, сойдя с тропы, не так ли?

Том Гордон удивленно посмотрел на нее, потом рукой, которая не раскачивала вперед-назад рым-болт, приподнял козырек бейсболки. Улыбнулся. Он выглядел таким молодым, когда улыбался.

— С какой тропы?

— Триша? — Женский голос, откуда-то сзади. Похож на голос матери, но откуда взяться мамику в этих лесах?

— Наверное, она вас не слышит. — Другой женский голос, незнакомый.

Триша обернулась. Леса темнели, деревья сливались друг с другом, превращаясь в темную кляксу. В кляксе что-то двинулось, и Триша почувствовала укол страха. Осоголовый священник, подумала она. Это осоголовый священник, он возвращается.

Тут она поняла, что все это ей только снится, и

страх пропал. Она посмотрела на Тома, но того уже не было, на поляне остался лишь столб с рым-болтом, вкрученным в верхний торец… и на траве, у столба, куртка, в каких бейсболисты выходят на разминку, с надписью «ГОРДОН» на спине.

Она увидела его на другом конце поляны, ярко-белую точку на зеленом фоне.

— Триша, какая у Бога привычка? — крикнул он.

Появляться на поле во второй половине девятого иннинга, хотела ответить она, но с губ не сорвалась ни звука.

— Смотрите. — Голос матери. — У нее шевельнулись губы!

— Триш? — Пит, такой встревоженный, но полный надежды. — Триш, ты проснулась?

Она открыла глаза и леса укатились в темноту, от которой она уже не сможет избавиться… С какой тропы? Она лежала в больничной палате. Что-то торчало у нее в носу. Что-то, кажется, трубка, тянулась к руке. На грудь словно навалили что-то тяжелое. У кровати стояли ее отец, мать, брат. За ними, вся в белом, медицинская сестра, которая и произнесла: «Наверное, она вас не слышит».

— Триша, — позвала ее мамик. Она плакала. Триша видела, что плачет и Пит. — Триша, девочка моя. Дорогая моя девочка. — Она взяла Тришу за руку, к которой не тянулась трубка.

Триша попыталась улыбнуться, но рот у нее был больно тяжелый, она не могла пошевельнуть даже уголком. Она чуть повернула глаза и увидела свою фирменную бейсболку «Ред сокс», которая лежала на стуле у кровати. Через козырек тянулась грязно-серая полоса. Когда-то на ее месте была роспись Тома Гордона.

Папик, попыталась сказать Триша, но только закашлялась. Покашляла-то совсем ничего, но почувствовала такую боль, что ее передернуло.

— Не пытайся говорить Триша, — подала голос медицинская сестра, и по тону девочка поняла, что сейчас ее родственников попросят из палаты. — Ты больна. У тебя воспаление легких. Двустороннее.

Ее мамик, похоже, ничего этого не слышала. Она уже сидела на кровати, поглаживая исхудавшую руку Триши. Она не рыдала, но слезы выкатывались из глаз и текли по щекам. Пит стоял рядом с ней и тоже молча плакал. Его слезы тронули Тришу куда сильнее, чем слезы матери. Позади него, рядом со стулом, стоял отец.

На этот раз Триша не попыталась заговорить, только поймала взгляд отца и произнесла одними губами, очень четко: «Папик!»

Он наклонился к ней:

— Что, сладенькая? Что ты хочешь?

— Я думаю, этого достаточно, — вмешалась медицинская сестра. — У нее участилось сердцебиение, от волнения может подняться температура, а это нам совершенно ни к чему. Поэтому я хочу попросить вас…

Мамик поднялась:

— Мы любим тебя, Триш. Слава Богу, ты спасена. Мы будем рядом, но сейчас тебе надо поспать. Ларри…

Но отец даже не повернулся к Куилле. Наклонившись над кроватью, по-прежнему всматривался в лицо дочери:

— О чем ты хочешь меня попросить, Триш? Что тебе нужно?

Она посмотрела на стул, на отца, снова на стул. На его лице отразилось недоумение, она уже решила, что он не догадается, чего ей хочется, но мгновением позже он заулыбался. Повернулся, взял со стула бейсболку, попытался надеть ей на голову.

Триша подняла руку, которую гладила мать. Ру-

ка весила с тонну, но девочка сумела ее поднять. Разжала пальцы, сжала, разжала вновь.

Отец поднес бейсболку к руке, а когда пальцы девочки сжались на козырьке, поцеловал их. Тут Триша заплакала, так же молчаливо, как мать и брат.

— Ну вот и все, — заговорила медицинская сестра. — Теперь вам уже точно пора. Попрошу…

Триша взглянула на медсестру, покачала головой.

— Что? — спросила медсестра. — Что еще? О Боже!

Триша медленно переложила бейсболку в руку, к которой тянулась трубка. Посмотрела на отца, убедилась, что он не отрывает от нее взгляда. Она ужасно устала. Скоро она заснет. Но пока спать ей нельзя. Не может она заснуть, не сказав то, что должна.

Отец неотрывно смотрел на нее. Хорошо.

Пальцы правой руки Триши легли на козырек бейсболки. Девочка поймала взгляд отца, зная, что только он сможет понять ее, перевести ее жесты на язык слов, доступный остальным.

Триша побарабанила подушечками пальцев по козырьку, а потом подняла указательный палец правой руки, нацелив его в потолок.

Улыбка, в которой расплылось лицо отца, подсказала ей, что цель достигнута. Триша закрыла глаза и заснула, точно зная, что ее поняли.

Она удержала победный счет.

Игра закончилась.

Авторское послесловие

Во-первых, я позволил себе некоторые вольности с календарем игр «Ред сокс» в сезоне 1998 года… но, уверяю вас, не очень существенные.

Есть настоящий Том Гордон, который действительно является питчером-финишером бейсбольной команды «Бостон Ред сокс», но Гордон этой истории — персонаж вымышленный. Если у человека, достигшего определенного уровня известности, появляются болельщики (или поклонники), то они видят не самого человека, а некий вымышленный, созданный ими же образ. Мне это известно по собственному опыту. Если у настоящего Гордона и образа, созданного Тришей, есть что-то общее, так это финальный жест: если «Ред сокс» удается удержать победный счет, он вскидывает к небу правую руку с оттопыренным указательным пальцем.

В 1998 году Том «Флэш» Гордон довел до победы сорок четыре игры — лучший результат в Американской лиге. Причем сорок три игры подряд, а это уже рекорд Американской лиги. Однако сезон Гордон завершил неудачно. Как говорил Борк-

Киборк, Бог, возможно, спортивный болельщик, но болеет он, похоже, не за «Ред сокс». В играх плей-оф с «Индейцами» Тому Гордону не удалось удержать победный счет. «Ред сокс» проиграли один — два. Это была первая игра, которую не смог спасти Гордон за последние пять месяцев, но с ней для «Ред сокс» закончился сезон 1998 года. Все это не умаляет заслуг Гордона. Без сорока четырех побед, обеспеченных мастерством Гордона, «Ред сокс» закончили бы чемпионат четвертыми в своем дивизионе. А так за сезон они победили в девяноста одном матче и в 1998 году заняли второе место в чемпионате Американской лиги. Но есть поговорка, с которой наверняка согласится большинство питчеров-финишеров, таких, как Том Гордон: иногда ты ешь медведя… иногда медведь ест тебя.

Другими словами, день на день не приходится.

Все то, что ела Триша, чтобы остаться в живых, действительно растет в лесах северной части Новой Англии. Не будь она городской девочкой, она смогла бы найти и многое другое: орешки, съедобные корешки, рогоз. Мой приятель Джо Флойд помогал мне со всеми этими растениями. Джо и сказал, что молодые, то есть съедобные, побеги орляка можно найти на болотах северных

лесов до начала июля.

Леса настоящие. Если вы захотите побродить по ним во время отпуска, возьмите с собой компас, подробные карты… и старайтесь не сходить с тропы.

СТИВЕН КИНГ
Лонгбоут Ки, Флорида
1 февраля 1998 г.